

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360

2015 / №5

ISSN (online) 2310-676X

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8360

2015 / №5

ISSN (online) 2310-676X

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)
Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления (зам. председателя)
Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)
Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре
Асмолов А.Г. — д.псих.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования
Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)
Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет
Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»
Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет
Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8360

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 5. М.: ИИУ МГОУ. 220 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712**
© МГОУ, 2015.
© Издательство МГОУ, 2015.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. — к.пол.н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук В.В.** — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Журавлев В.В.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** — д.пол.н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** — д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** — д.и.н., проф., МГОУ

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «History and Political Sciences »

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MSRU; **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **S.A. Voronin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa; **J. González** – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia); **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **V.A. Kovalyov** – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University; **M.Yu. Martynov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; **M. Natalici** – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy); **D.G. Seltzer** – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; **S.S. Sulakshin** – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chief of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «History and Political Sciences». 2015. № 5. M.: MSRU Publishing house. 220 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0077-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MSRU, 2015.

© MSRU Publishing house, 2015.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС КАК ЭТАП ПРОЦЕССА ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (КРУГЛЫЙ СТОЛ).....	8
--	---

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

<i>Грязнова О.А.</i> К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ ПОДХОДЕ К ИСТОРИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КРЕЩЕНИЯ РУСИ.....	61
<i>Смагин К.А.</i> ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XX В. О ВЛИЯНИИ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ НА ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.....	68
<i>Мажитова Ж.С.</i> СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИНСТИТУТА БИЕВ С 1917 г. – ДО СЕРЕДИНЫ 30-х гг. XX в.: ДИЛЕММА «БЕСКЛАССОВОЕ ПАТРИАРХАЛЬНО-РОДОВОЕ ИЛИ КЛАССОВОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО»	75

Всеобщая история

<i>Николаева Н.А.</i> ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИФОВ «СЕВЕРНОГО ЦИКЛА» ДРЕВНИХ ГРЕКОВ, ИРАНЦЕВ И ИНДИЙЦЕВ В СВЕТЕ ПОЗДНЕИНДОВЕОПЕЙСКОЙ И АРИЙСКОЙ ПРАРОДИН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ.....	82
<i>Сафронов А.В.</i> НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОНФЛИКТЕ ЛИКИЙЦЕВ С КИПРОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫС. ДО Н.Э.	90

Отечественная история

<i>Абдусаламов М.-П.Б.</i> ШАМХАЛЬСТВО ТАРКОВСКОЕ В РУССКО-ИРАНСКИХ И РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.	97
<i>Козлова Ю.А.</i> ПРЕБЫВАНИЕ ПЕТРА I В ГОЛЛАНДИИ В 1716-1717 гг. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ.....	107
<i>Васильев Д.В.</i> РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЗАХАМИ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.....	117
<i>Сарыков Е.С.</i> РАЗВИТИЕ МЕЛКОЙ СЕЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД	126
<i>Воронкова И.Е., Хабалева Е.Н.</i> РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В СФЕРЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 60-е гг. XIX в. В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)....	133
<i>Янковский А.Ю.</i> ПОДГОТОВКА И ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.....	139
<i>Семин Г.А.</i> ВРАЧИ КАК ЧАСТЬ ЧИНОВНОГО СООБЩЕСТВА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	148
<i>Ловягин Н.В.</i> ЗЕМСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ.....	156
<i>Чемакин А.А.</i> НЕЗАВИСИМАЯ ГРУППА (ФРАКЦИЯ НАРОДНОЙ ПАРТИИ) IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ (1913–1917 гг.).....	163
<i>Земцов Б.Н.</i> ПРИЧИНЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ СТЕРЕОТИПОВ ВЛАСТИ	170

Горлов В.Н. СОВЕТСКИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБЩЕЖИТИЯ – АКЦЕНТ НА КОЛЛЕКТИВНОСТЬ	176
---	-----

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

Бобровских Е.В. ТЕОРИЯ «ОФИЦИАЛЬНОЙ» И «НЕОФИЦИАЛЬНОЙ» НАРОДНОСТИ: С.С. УВАРОВ И СЛАВЯНОФИЛЫ	183
Мартынов М.Ю. КОНЦЕПТ ДЕМОКРАТИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК	191
Скуратовская К.Г. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВХОЖДЕНИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИК В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ	195
Диков А.Б. РОССИЯ И ИНСТИТУТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСОВ И ВЫБОР СТРАТЕГИЙ	201
Козьякова Н.С. ВЕЛИКИЕ БИТВЫ ПРОШЛОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН	211
НАШИ АВТОРЫ	217

CONTENTS

SYRIAN CRISIS AS A STAGE OF LARGE MIDDLE EAST REFORMATTING (ROUND TABLE).....	8
--	---

SECTION I. HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

O. Gryaznova ON SCIENTIFIC APPROACH TO HISTORICAL RESEARCH ON THE EXAMPLE OF MODERN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF ANCIENT RUSSIA BAPTISM.....	61
K. Smagin DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE XX CENTURY ON THE GREAT PRINCES' INFLUENCE ON THE PERSONALITY AND POLITICS OF EMPEROR NICHOLAS II.....	68
Z. Mazhitova SOVIET HISTORIOGRAPHY ON THE INSTITUTION OF BIYS FROM 1917 TO MID 30S OF THE XX CENTURY: «CLASSLESS PATRIARCH-TRIBAL OR CLASS FEUDAL SOCIETY» DILEMMA.....	75

Native History

N. Nikolaeva THE ORIGIN OF ANCIENT GREEKS, IRANIANS AND INDIANS «POLAR CYCLE» MYTHS IN THE LIGHT OF THE LATE INDO-EUROPEAN AND ARYAN HOMELANDS IN CENTRAL EUROPE.....	82
A. Safronov NEW DATA ABOUT THE CONFLICT BETWEEN THE LYCIANS AND CYPRUS IN THE SECOND HALF OF 2000 BC.....	90

General history

D.M. Abdusalamov SHAMKHLATE TARKOVSKY IN RUSSIAN-IRANIAN AND RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE SECOND HALF OF XVI CENTTURY	97
Yu. Kozlova PETER I'S VISIT TO HOLLAND IN 1716-1717: THE ECONOMIC, POLITICAL AND CULTURAL ASPECTS	107
D. Vasilyev REFORMS OF KAZAKH ADMINISTRATION IN ORENBURG GOVERNORATE IN THE SECOND QUARTER OF THE 19TH CENTURY	117
E. Sarikov DEVELOPMENT OF SMALL-SCALE RURAL INDUSTRY IN KURSK REGION IN THE POST-REFORM PERIOD	126
I. Voronkova, E. Khabaleva DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF EDUCATIONAL REFORMS IN PRIMARY EDUCATION IN THE 60-S OF THE XIX CENTURY IN THE RUSSIAN EMPIRE (ON THE EXAMPLE OF OREL PROVINCE)	133
A. Yankovsky LIFE AND STATUS OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS IN MOSCOW REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY	139
G. Semin OFFICIALS OF MOSCOW DISTRICT POLICE IN THE BEGINNING XX CENTURY.: THE SOCIAL ASPECT	148
N. Lovyagin ZEMSTVO AND THE GOVERNMENT ON THE EVE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION ACCORDING TO THE BRITISH PRESS	156
A. Chemakin THE INDEPENDENT GROUP (FACTION OF THE PEOPLE'S PARTY) OF THE 4TH STATE DUMA: COMPOSITION AND SIZE (1913-1917)	163

B. Zemtsov REASONS OF WORLD WAR I:
EXTENT OF POLITICAL STEREOTYPES INFLUENCE..... 170
V. Gorlov SOVIET STUDENT RESIDENCES - THE EMPHASIS ON COLLECTIVITY..... 176

SECTION II.
POLITOLOGY

E. Bobrovskikh THE THEORY OF THE “OFFICIAL” AND “UNOFFICIAL” NATIONALITY:
S. UVAROV AND SLAVOPHILES..... 183
M. Martynov CONCEPT OF DEMOCRACY IN POLITICAL SCIENCE TEACHING 191
K. Skuratovskaya SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL CONSEQUENCES
OF THE BALTIC STATES’ INTEGRATION INTO THE EUROPEAN UNION..... 195
A. Dikov RUSSIA AND THE COUNCIL OF EUROPE INSTITUTIONS:
THE TRANSFORMATION OF STATUS AND SELECTION OF STRATEGIES 201
N. Koz’yakova GREAT BATTLES OF THE PAST AND THEIR PERCEPTION
BY THE RUSSIANS’ SOCIO-POLITICAL CONSCIENCE..... 211

OUR AUTHORS217

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-8-60

**Комлева Н.А.¹, Валиахметова Г.Н.¹, Грибанова Г.И.², Радиков И.В.³,
Сарабьев А.В.⁴, Манойло А.В.⁵, Абрамов А.В.⁶, Саймонс Г.⁷**

¹Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

²Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

³Санкт-Петербургский государственный университет

⁴Институт востоковедения Российской Академии наук (г. Москва)

⁵Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

⁶Московский государственный областной университет

⁷Университет Упсала (г. Упсала, Швеция)

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС КАК ЭТАП ПРОЦЕССА ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

Аннотация. В ходе «круглого стола», организатором которого выступили редакция журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» и Московское областное отделение Российского общества политологов, состоялось обсуждение причин и возможных геополитических последствий современного сирийского кризиса. Участники круглого стола сосредоточили свое внимание на вопросах о причинах и основных участниках конфликта, об энергетической и профессиональной подоплеке событий в Сирии, на адекватности отражения участия России в Сирийском конфликте в мировых средствах массовой информации. В ходе «круглого стола» внимание было уделено запрещенной на территории РФ террористической организации ИГИЛ (ИГ), а также рассмотрены в контексте Сирийских событий вопросы цветных революций «Арабской весны» и распада современной системы международной безопасности.

В обсуждении приняли участие политологи Н.А. Комлева, Г.Н. Валиахметова (Екатеринбург), Г.И. Грибанова, И.В. Радиков (Санкт-Петербург), А.В. Сарабьев, А.В. Манойло, А.В. Абрамов (Москва), Г. Саймонс (Упсала, Швеция).

Ключевые слова: Сирийский кризис, Большой Ближний Восток, терроризм, «Исламское государство», национальные интересы России

***N.A. Komleva¹, G.N. Valiakhmetova¹, G.I. Gribanova², I.V. Radikov³,
A. V. Sarabjev⁴, A.V. Manoylo⁵, A.V. Abramov⁶, G Simons⁷***

¹Ural Federal University, named after B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

²Russian State Pedagogical University, named after A.I. Herzen, St. Petersburg

³Saint Petersburg State University

⁴The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow

⁵Moscow State University named after M.V. Lomonosov

⁶Moscow State Regional University

⁷Uppsala University, Uppsala, Sweden

SYRIAN CRISIS AS A STAGE OF LARGE MIDDLE EAST REFORMATING (ROUND TABLE)

Abstract. During the round table discussion organized by the editorial staff of the academic journal «Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History And Political Sciences»

and Moscow branch of Russian Society of Politologists the reasons and possible geopolitical consequences of the modern Syrian crisis were discussed. The participants concentrated on the issues of reasons and main parties to the conflict, as well as on the energy source and confessional background of the events in Syria. The adequacy of depicting by mass media the participation of Russia the Syrian crisis was also discussed. The activities of prohibited in Russia ISIS were paid attention to during the round table. Besides, the issues of the colour revolutions of "Arab Spring" and the disintegration of the modern system of international security were scrutinized through the context of the events in Syria

The politologists N.A. Komleva, G.N. Valiakhmetova (Ekaterinburg), G.I. Gribanova, I.V. Radikov (Saint Petersburg), A. V. Sarabjev, A.V. Manoylo, A.V. Abramov (Moscow), G Simons (Uppsala, Sweden) took part in the discussions.

Key words: Syrian crisis, Large Middle East, terrorism, "Islamic State", national interests of Russia

Абрамов А.В.

Вступительное слово

Не будет большим преувеличением заметить, что вторая половина 2015 г. прошла под знаком Сирийского кризиса.

Единогласное решение Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30 сентября 2015 г. разрешить Президенту использовать российскую авиацию для действий против террористического «Исламского государства» (далее: ИГ)¹ в Сирии и последовавшие за этим решением успешные действия Воздушно-космических сил России по уничтожению инфраструктуры и боевой силы террористов изменили политическую ситуацию в мире.

Здесь, впрочем, следует отметить, что сирийская тема возникла в международной повестке дня не вчера, также как не вчера была сформулирована и позиция России. Еще в сентябре 2013 г. Президент России В.В. Путин опубликовал в американской газете «Нью-Йорк таймс» статью, обращенную (беспрецедентный случай!) к аме-

риканскому народу со своими предложениями по недопущению эскалации Сирийского конфликта [40]. Речь тогда шла о возможности бомбардировок Западом позиций сирийского правительства под предлогом того, что последнее применяет химическое оружие. По мнению экспертов, Россия сыграла в 2013 г. положительную и конструктивную роль в Сирийском кризисе, предотвратив обострение конфликта. Символическим свидетельством этого стало звание «международный человек года», присужденное Президенту России британским журналом «Тайм».

Вместе с тем, гражданская война в Сирии не прекратилась, так же, как не прекратились и попытки США и их союзников свергнуть режим Б. Асада посредством оказания финансовой и военно-технической помощи «умеренной оппозиции». Результатом такой «помощи» стало разрастание территории, подконтрольной международным террористам из ИГ до угрожающих размеров. В этих условиях Россией и было принято решение о применении

¹ Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

авиации в Сирии по просьбе ее законного правительства.

Таким образом, в 2015 г., перебросив в Сирию и развернув в кратчайшие сроки военную технику, обеспечивающую эффективную работу Воздушно-космических сил, Россия на Ближнем Востоке подтвердила свой нынешний статус крупного геополитического игрока.

При этом объяснения вмешательства России в Сирийский конфликт желанием сохранить режим «диктатора» Б. Асада или стремлением вывести нашу страну из «геополитического одиночества», в котором она оказалось в результате украинского кризиса в 2013–2014 гг., следует признать крайне примитивными.

Внешняя политика современной России представляется подобной игре в шахматы на множестве досок одновременно. Очевидно, что операция России в Сирии это и борьба с международным терроризмом (в лице ИГ), тянущимся к странам Центральной Азии и российскому Северному Кавказу; и усиление российского военного присутствия в Средиземноморье; и недопущение возможности строительства через территорию Сирии газопровода из Катара в Европу, который, без сомнения, ухудшит экономическое положение России, наполняемость бюджета которой в значительной степени зависит от экспорта газа, и решение ряда других задач.

В этой связи объяснение причин Сирийского кризиса личностными конфликтами Б. Обамы с В. Путиным, В. Путина с Р. Эрдаганом и т.п. можно трактовать как сознательное отвлечение общественного внимания от сути современной внешней политики: от

вопросов о столкновении национальных интересов стран в XXI в., о кризисе однополярного миропорядка. Такая подмена легко объяснима, если принять тот факт, что современному Западу не нужны аналитики, ему требуются солдаты для ведения информационной войны «на восточном фронте».

Тем важнее представляется тема нашего «круглого стола», ставящего перед собой задачи разобраться в причинах и возможных последствиях Сирийского кризиса, извлечь из него уроки, проанализировать его значения для международных отношений, внешней и внутренней политики России.

Комлева Н.А.

Сирийский кризис: основные причины и участники

События, которые принято называть Сирийским кризисом, т.е. жесткая гражданская война в современной Сирии (2011 г. – по н.вр.), сопровождающаяся непрерывным внешним давлением, определены генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном как угроза не только региональной, но и международной безопасности [12]. Эти события порождены различными причинами: геополитическими, социальными, религиозными, этнополитическими. Рассмотрим основные.

Причины Сирийского кризиса

Целенаправленное разрушение государственности современной Сирии находится в тренде переформатирования всего региона Большого Ближнего Востока (ББВ)¹. С чем это связано?

¹ Термин существует с 1980 г. В 2006 г. в

Первое. ББВ – это львиная доля углеводородов Евразии и Африки. Контроль их добычи и транспортировки – это гарантия исключительного влияния на экономику стран потребления. Основные потребители углеводородов ББВ – это Евросоюз, Китай, Япония. Эти центры силы современного мира именно в качестве таковых являются геополитическими соперниками США, которые на протяжении последней четверти века позиционируют себя в качестве единственного глобального гегемона [14, с. 71, 73, 95]. Глава частной аналитической компании Stratfor Дж. Фридман отмечает, что «в Евразии США проводят, в сущности, одну политику – политику предотвращения установления господства любой державы над Евразией или её частью» [51, с. 158]. Каким образом, возможно надёжно притормозить развитие державы, которая является геополитическим противником? Прежде всего – взяв под контроль энергию, необходимую для этого развития, в данном случае – основной энергоноситель, т.е. углеводороды. Сирия – это, во-первых, значительные (вместе с разведанными) запасы нефти и газа, а во-вторых, важные транзитные трубопроводы, соединяющие месторождения региона с потребителями в Европе. Кроме того, переформатирование ББВ, проходящее в жёсткой форме провоцирования гражданских войн и «гу-

американской политической и научной традиции был заменён термином «Новый Ближний Восток», однако в европейской традиции преимущественно употребляется «Большой Ближний Восток», включающий страны Северной Африки, «традиционного» Ближнего Востока, Среднего Востока и Центральной Азии, а также страны Закавказья (Южный Кавказ).

манитарных интервенций», вызвало вал беженцев – прежде всего, в страны Европы. Необходимость принять сотни тысяч беженцев с Ближнего Востока является значительным испытанием для социальной политики, экономики, а главное – для социального мира в странах Евросоюза. Гражданская война в Сирии добавляет свои потоки к общей реке беженцев.

Второе. К этой цели, т.е. контролю основных центров силы Евразии, добавляется одна, исключительно внутренняя, цель США – сохранение высокого уровня потребления, или, как определяет это Зб. Бжезинский, «гедонистический релятивизм – без глубоких убеждений, без трансцендентального сознания, с хорошей жизнью, определяемой главным образом промышленным индексом Доу Джонса и ценой бензина» [9, с. 40, курсив наш – Н.К.]. В связи с этим контроль глобальных ресурсов развития со стороны США, в том числе в регионе ББВ, становится настоятельной необходимостью.

Третье. Основные владельцы углеводородов ББВ – это турки, арабы, персы. Указанные этносы, политически оформленные различными государствами, являются политическими и экономическими соперниками на протяжении многих веков. К этому добавляется и религиозное различие: персы – шииты, арабы и турки – сунниты. «Разделять и властвовать» на такой основе – с целью прочного контроля ресурсов ББВ – не составляет слишком большого труда. Однако реальным препятствием такого внешнего контроля на протяжении почти полувека являлись властвующие кланы ключевых стран

ББВ, прежде всего – клан Х. Мубарака в Египте, клан М. Каддафи в Ливии, клан Асадов в Сирии, клан С. Хусейна в Ираке. Заметим, что три последние страны, хоть и различным способом, вплоть до последнего времени реализовали принципы «арабского социализма», который, в частности, предполагал национализацию основных природных богатств и банковского сектора. Изменение политической системы и, соответственно, экономической политики указанных выше стран являлось насущной задачей «мирового гегемона» и его геополитических союзников, действовавших, прежде всего, в интересах своих глобальных корпораций. Война в Ираке (2003–2014 гг.) показала сложность, в том числе из-за репутационных потерь, ведения боевых действий в этом регионе. Зб. Бжезинский отмечал, что, учитывая специфику ББВ, «Соединённым Штатам пришлось бы провести всеобщую национальную мобилизацию, чтобы они могли одержать военную победу только благодаря своей военной мощи» [9, с. 133]. Применение силовых актов несистемной оппозиции, совершаемых для подрыва правящих режимов, блокировалось введением чрезвычайного положения в ряде ключевых стран ББВ и его сохранением на многие годы. В этих условиях в самом начале 2010-х гг. в ББВ было применено геополитическое оружие, успешно опробованное в Югославии в 1999–2000 гг. и получившее применительно к ББВ наименование Арабской весны: серия «цветных революций», которые под предлогом «народного гнева против коррумпированного режима» должны были снести – и в ряде стран действительно снесли – именно те самые кланы, которые на-

дёжно держали в руках природные богатства и экономику своих стран, препятствуя массовой иностранной экспансии [9, с. 65, 119, 120; 12]. «Демократия становится подрывным оружием, дестабилизирующим статус-кво, она ведёт к вооружённой интервенции, которую в дальнейшем оправдывают тем, что демократический эксперимент провалился, и экстремизм, вызванный таким провалом, узаконивает одностороннее применение грубой силы» [9, с. 135–136]. По нашему мнению, события Арабской весны являются, прежде всего, технологией ресурсного передела мира и поощряются, главным образом, глобальными корпорациями. «Контролируемый хаос» цветных революций, к тому же, применительно к региону ББВ, позволяет сдерживать экономический рост стран Магриба и MENA (Middle East North Africa), сохраняя их лишь в роли сырьевых придатков основных глобальных игроков, прежде всего, США [52]. Один из главных признаков «цветных революций» это требование немедленной отставки главы государства, который объявляется «кровавым диктатором», если предпринимает полицейские или военные операции против «повстанцев», или «коррумпированным диктатором», если таковых действий он не предпринимает. Этот ярлык является единственным обоснованием необходимости смены главы государства, а часто – вообще единственным «программным положением» оппозиции. Ни на какие уступки по этому вопросу «оппозиционеры» никогда не идут. «Сирийская оппозиция» главным образом и выдвигает именно требование немедленной и безоговорочной отставки «кровавого тирана» Башара

Асада. Чёткая, проработанная программа социальных и экономических реформ у «сирийской оппозиции» отсутствует.

Четвёртое. Для закрепления своего контроля над ББВ США, как глобальная сверхдержава, должны иметь в регионе прочное военное присутствие. Это возможно лишь при условии наличия постоянной и чётко выраженной угрозы, желательно общерегионального или даже глобального характера. При реформатировании ББВ и, в частности, государственности Сирии, такой угрозой объявляется исламский экстремизм: вначале «Аль-Каида» в целом, а теперь – её ближневосточный филиал «Исламское государство». Заметим, что начало гражданской войны в Сирии практически совпадает по времени со следующими событиями: в феврале 2011 г. объявлено о частичном разрушении структур и влияния «Аль-Каиды», в мае того же года американскими «морскими котиками» был физически ликвидирован её глава Усама бин-Ладен. В июне-июле 2011 г. массовые антиправительственные выступления в Сирии, начавшись в марте, переросли в полномасштабную гражданскую войну, к которой в 2013 г. и подключилось «Исламское государство» (ИГ)¹. ИГ отличается от

«классической» «Аль-Каиды» тем, что существует, по крайней мере, официально, не на «спонсорские взносы», а на базе самостоятельной квази-экономики: незаконная добыча и продажа нефти, торговля людьми, а также торговля древними артефактами из захваченных археологических памятников. Под предлогом противостояния исламскому экстремизму и терроризму США и их сателлиты имеют возможность постоянно вмешиваться во внутренние дела стран региона, в том числе и в форме «бесконтактной войны»², меняя по мере необходимости режимы, сходные по социальной сути, и добиваясь тем самым уступчивости вновь приходящих элит, их лояльности в отношении осуществления Западом реального контроля над нефтяными и водными богатствами их стран. Второй аспект деятельности ИГ в Сирии – это существование ИГ в рамках общего тренда западного покровительства экстремистским организациям, используемым в качестве тарана, разрушающего государственность определённых стран. Тренд сложился на протяжении второй половины прошлого – первых десятилетий текущего века и был отработан в так называемых лимитрофных войнах [26]. Сирийский кризис и есть современная форма лимитрофной войны. Третий аспект деятельности ИГ в Сирии – разрушение материальных памятников древних культур Месопотамии с неартикулируемой, но чётко отработанной целью последующего изменения самоидентификации народов, проживающих на территории

¹ На тот момент – «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), образовалось в 2013 г. путём слияния иракского отделения «Аль-Каиды» «Исламское государство Ирака» (год создания – 2006) и сирийского филиала «Аль-Каиды» под названием «Джебхат ан-Нусра». В русле общего тренда турбулентности взаимоотношений внутри и между исламистскими группировками, ИГ то подчиняется, то заявляет о самостоятельности в отношении «Аль-Каиды», то объединяет в своем составе «Исламское государство Ирака» и «Джебхат ан-Нусра», то эти организации выступают как самостоятельные.

² «Бесконтактная война» исключает применение сухопутных войск и осуществляется преимущественно с использованием авиации.

Междуречья. Народы лишаются их же собственной материально ощущаемой истории, а затем «дело техники» внушить им через переписывание истории, т.е. посредством публикации соответствующих научных монографий, учебников, публицистических статей и выступлений, ту трактовку исторических событий, которая необходима для их превращения из носителей древних основ культуры и цивилизации всего человечества в исторических неудачников и бесплодных потребителей «высокой культуры» западных этносов.

Участие основных региональных держав

Основные интересы владельцев углеводородов ББВ – тюрок, персов и арабов – представляют прежде всего такие региональные державы, как Турция, Иран и Саудовская Аравия. В Сирийском кризисе их роль очень высока.

Иран как «шиитская сверхдержава» [14] заинтересован в поддержке шиитов во всём так называемом «шиитском полумесяце», или «Большом Иране»¹, куда в качестве ключевой страны входит Сирия. Сирийское государство по преимуществу возглав-

ляется религиозной шиитской группой алавитов², хотя сам президент Б. Асад принял суннитскую форму исповедования ислама в стремлении разрешить кризис в стране и смягчить таким образом политику ИГ (в религиозном плане является суннитским образованием), а также воздействовать в позитивном для Сирии ключе на позицию в Сирийском кризисе таких суннитских стран, как Турция и Саудовская Аравия. Возглавляемая шиитами Сирия является государством-опорной базой Ирана на Ближнем Востоке. Сирия – второй после Ирана спонсор базирующейся в Ливане проиранской «Хезболлы», провозгласившей основной целью создание в Ливане теократического государства по примеру Ирана. Сирия заинтересована в продолжении антиизраильской деятельности этой организации. Таким образом, через совместную поддержку «Хезболлы» образовался стратегический союз Сирии и Ирана, или, как его ещё называют, ось Дамаск – Тегеран (2005 г.) [47], обусловивший в настоящий момент поддержку Ираном Сирии в её противостоянии «Исламскому государству», признанному на международном уровне террористической организацией. В 2011 г. эти государства заключили военный союз и обязались оказывать военную помощь друг дру-

¹ В настоящее время шииты составляют абсолютное большинство населения Ирана, Азербайджана и более половины населения Ирака и Бахрейна. Значительная часть жителей Ливана, Йемена, Пакистана, Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана — шииты. Иногда совокупность этих стран называют «Большой Иран», что является больше метафорой, чем отражением степени реального влияния шиитского Ирана на политику данных государств. Шиитские общины имеются практически во всех мусульманских странах. При этом сам по себе шиизм существует в нескольких формах.

² Алавиты составляют от 10 до 12% населения Сирии. Учение алавитов сложное и совмещает черты нескольких религий. Алавиты были признаны мусульманами и шиитами: в 1973 г. – фетвой ливанского имама-двунадесятника Мусы ас-Садра, в 1982 г. – специальной фетвой аятоллы Р.М. Хомейни. Ряд шейхов алавитских племён Ливана заявили о принадлежности алавитского учения к шиизму в июле 1936 г. (в декабре того же года Государство Алавитов, созданное в 1922 г., было присоединено к Сирии).

гу в случае нападения на одну из стран [31]. В рамках данного оборонительно-го союза Иран осуществляет переброску военной техники и живой силы в Сирию, подвергшуюся агрессии террористического Исламского государства. По иранским оценкам, Дамаск является сегодня «золотым звеном цепи сопротивления Израилю», а значит, косвенно, является важным элементом противодействия планам США в регионе. В случае падения режима Б. Асада шиитский анклав Леванта, который сейчас держится на усилиях «Хезболлы», будет отрезан от канала внешней поддержки. Кроме того, поражение Сирии усилит агрессивное давление на шиитское меньшинство в целом ряде арабских монархий [37]. «Сирия является стратегической глубиной Ирана, и за Дамаск мы будем сражаться так же ожесточённо, как если бы враги атаковали Тегеран», – заявляют в Корпусе стражей исламской революции» [3, с. 63, 64]. Осенью 2015 г. фактически сложилась антитеррористическая коалиция, объединившая Иран, Ирак, Сирию и Россию в противостоянии «Исламскому государству» на территории Сирии. В Багдаде (Ирак) был создан координационный центр, призванный согласовывать усилия всех четырёх названных государств в их совместных операциях, в том числе и военных, против «Исламского государства». Снятие в июле 2015 г. санкций с Ирана, чему в значительной степени способствовала Россия, позволило привлечь Иран в качестве стороны сирийского урегулирования осенью текущего года.

Саудовская Аравия, как известно, – это жёсткий противник Ирана, что обусловлено следующим. Иран и Саудовская Аравия проводят полярную

внешнюю политику. Если Иран чётко заявляет о своей антиимпериалистической и антиколониалистской линии внутри страны и на международной арене, то Саудовская Аравия является верным союзником США. Саудиты – в подавляющем большинстве сунниты, иранцы – в подавляющем большинстве шииты. Органы высшей политической власти Ирана построены по принципу теократии, органы высшей власти Саудовской Аравии – по принципу семейственности (государством с начала образования королевства правит одна и та же разветвлённая семья). Страны являются соперниками на рынке углеводородов. Интерес саудитов в Сирийском кризисе состоит, прежде всего, в разрушении второго после Ирана основного звена «шиитского полумесяца» и в ликвидации возможности поддержки Ираном и Сирией «шиитской революции» в своей Восточной провинции, населённой преимущественно шиитами. Восточная провинция – это основные нефтяные поля королевства. Существует мнение, что имеется вероятность создания федерации самопровозглашённых шиитских арабских республик с огромным населением, численностью не менее 50 млн. чел., на части территорий Ирака, Ливана, Кувейта, Катар, ОАЭ, Бахрейна, Омана, Йемена, а также в Восточной провинции, в Наджране и Асире в Королевстве Саудовская Аравия. Запасы углеводородов в этой гипотетической федерации шиитских государств, а также углеводороды Ирана составят большую часть нефтяных и газовых богатств Персидского залива и даже всего Ближнего Востока. Это шиитское государство, если оно когда-нибудь будет реально созда-

но, протянется вдоль всего западного берега Персидского залива, превратив его, если учитывать территорию шиитского Ирана, во внутреннее «шиитское море» [54]. При этом надо учитывать, что ещё аятолла Хомейни объявил нефть основным антиимпериалистическим и антиколониальным орудием всех мусульман. Так что переход большей части нефтяных и газовых месторождений и основных трубопроводов в руки шиитов при лидерстве Ирана означает обращение углеводородов ББВ в средство борьбы с основными державами Запада. КСА вооружает «сирийскую оппозицию» через дружественные суннитские племена в Ираке и Ливане [53] и настаивает на безоговорочном уходе президента Б. Асада. Саудовская Аравия поддерживает сирийскую оппозицию не только оружием, но и финансами, разведданными, наемниками. Сирийские власти утверждают, что в ходе боевых действий в числе погибших со стороны оппозиции были офицеры регулярной саудовской армии. (Те же действия в отношении Сирии осуществляют и Иордания, ОАЭ, Катар, Бахрейн.) В августе 2015 г. Саудовская Аравия выдвинула инициативу, в соответствии с которой она и другие страны Персидского залива прекратят поддерживать сирийскую оппозицию в ответ на то, что Иран, «Хезболла» и шиитские группировки уйдут из Сирии [5].

Турция. Турецкий интерес в Сирийском кризисе в значительной степени определяется необходимостью решить проблему стремления турецких курдов к независимости и образованию собственного государства. Курдские территории – это почти все запасы углеводородов Турции, а также нит-

ки трубопроводов с иранским и азербайджанским газом для Турции и Европы. Турецкое правительство не раз жёстко реагировало на выступления курдов. Курды живут на территории пяти государств ББВ, и идея независимого Курдистана является их мечтой уже многие годы. Сирийские курды фактически добились независимости от правительства Дамаска, провозгласив в 2012 г. своё государство Западный Курдистан [29]¹, что явилось «демонстрацией флага» для курдской общины Турции, подогретой также фактической независимостью иракских курдов. Помимо всего прочего, суннитскую Турцию больше устроила бы Сирия, возглавляемая суннитами (подавляющая часть «сирийской оппозиции»), а не шиитами. Не стоит забывать также и то, что Турция – страна НАТО, и внятно обоснованные столкновения турецкой армии с сирийской могли бы способствовать включению НАТО в Сирийский кризис на основании Устава НАТО, превратив действия «международной коалиции»² западных стран и их союзников в Сирии в законные. Указанные причины

¹ При этом необходимо подчеркнуть, что сирийские курды, как и вообще курдский этнос, разобщены, в их среде действуют политические партии и движения, придерживающиеся различной, подчас противоположной, ориентации. Однако сирийские курды в 2012 г. создали объединение основных политических партий и организаций – Высший совет курдов Сирии, выступающий от имени всего курдского этноса Сирии с едиными требованиями.

² «Международная коалиция», созданная США и их союзниками по НАТО в 2014 г. с объявленной целью противостояния ИГ, включает около 60 стран. Кроме осуществления собственно военной операции, проводящейся средствами авиации, оказывается также гуманитарная и военно-техническая помощь «сирийской оппозиции, борющейся против ИГ».

побуждают Турцию способствовать переправке оружия для «сирийской оппозиции» через свою территорию и предоставить военную базу Инджирлик для самолётов «международной коалиции».

Катар. Катар является основным спонсором и защитником «Исламского государства» как террористической структуры. Катар всемерно заинтересован в транзите газа, добываемого как на собственной территории, так и совместно с Ираном на месторождении Южный Парс, в Европу через транссирийские газопроводы. Однако асадовская Сирия не допускает строительства катарского газопровода по своей территории и ограничивает прохождение катарского газа через уже имеющиеся в Сирии трубопроводные системы, исходя при этом из интересов своего геополитического союзника, Ирана, которому конкуренция с возрастающими объёмами катарского газа на рынках ЕС была бы не выгодна. Кроме того, целью небольшого по территории, но крайне амбициозного эмирата является, по словам его нынешнего правителя, «занятие Катаром лидирующих позиций в исламском и арабском мире, на которое династия ат-Тани имеет больше прав, чем кто-либо другой» [39]. По этой причине в общестратегическом плане катарцы явно готовы пойти на любую дестабилизацию обстановки практически независимо от издержек. Претензии правящей династии на «лидирующие позиции в исламском и арабском мире» могут быть реализованы только при радикальной его перекройке, и в Дохе это осознают.

В Сирийском кризисе есть и ещё один участник, о котором не говорят

так громко, как о Турции, Саудовской Аравии и Иране. Это *Израиль*. Израиль, вопреки распространённому заблуждению относительно его бедности ресурсами, обладает достаточно большими запасами газа. Израиль в последние десятилетия активно вкладывал средства в геологоразведку и обнаружил три месторождения, имеющие промышленные экспортные запасы газа. И вот на арену выступает «Хезболла», поддерживаемая Ираном, Ливаном и Сирией, и угрожает терактами на израильских месторождениях... Помимо этого, транспортировка израильского газа в Европу требует включения Израиля в сеть трансарабских и транссирийских газопроводов, что было бы затруднительно осуществить при прежних режимах в Ираке и Сирии без определённых уступок Израиля арабам в вопросах статуса Палестинской автономии и еврейских поселений на некогда оккупированных Израилем арабских землях. Главное же – не в газе и газопроводах, хоть это и важный фактор наращивания влияния Израиля в регионе и в мире. По нашему мнению, Арабская весна и конкретно Сирийский кризис дали Израилю долгожданный шанс обезопасить свои границы с арабскими государствами, напряжённые после войн 1967 и 1973 гг., смягчить проблему Палестинской автономии и всех «политически распалённых арабских масс» [10, с. 150]. Если режимы в приграничных государствах становятся вполне проамериканскими и прозападными, т.е. лояльными и к Израилю, то в соседних с Израилем странах практически некому будет на государственном уровне поддерживать ни требование «земли в обмен на мир», обращённое

к Израилю, ни арабские или проиранские экстремистские организации, деятельность которых направлена против Израиля, ни израильских палестинцев. Войны Израиля и арабских государств прекратятся если не навечно, то очень надолго, а возможности экономического и политического влияния на соседей увеличатся. Особое беспокойство еврейскому государству доставляла Сирия и поддерживаемые ею экстремистские организации: «Хезболла» в Ливане, палестинские группировки ХАМАС, «Исламский джихад». Представительства этих организаций в течение нескольких лет открыто действовали на территории Сирии. Поэтому участие Израиля в Сирийском кризисе – не скрытое, как участие саудитов и катарцев, но открыто-агрессивное, как в плане «точечных» военных ударов (ракетные удары с воздуха по объектам на сирийской территории в мае 2013 г., которые, предположительно, были направлены против доставленных из Ирана ракет «Фатех-110», предназначенных для боевиков «Хезболлы»), так и в аспекте политического влияния.

Россия. Россия трижды оказывала существенную помощь сирийскому государству: 1) сыграв в 2013 г. основную роль в урегулировании вопроса с сирийским химическим оружием и сняв таким образом предлог для «гуманитарной интервенции» в Сирию по образцу югославской; 2) инициировав проведение в Москве переговоров между представителями сирийской оппозиции и сирийских официальных властей в январе 2015 г. для поиска возможного компромисса; 3) оказав авиационную поддержку сирийской армии в наступлении на позиции ИГ

осенью 2015 г., при этом РФ, в отличие от «международной коалиции» стран Запада в Сирии, действует на законных основаниях, базой для которых служит официальная просьба главы сирийского государства. РФ в Сирии решает следующие задачи: 1) установление мира в регионе, недопущение бойцов ИГ на территорию России с последующим разворачиванием партизанских действий по образцу «чеченских войн» рубежа XX–XXI вв.; 2) спасение христианства в Сирии (в Дамаске расположены три Патриархата: Греческой Православной Церкви, Греко-Католической Церкви и Сирийской Католической Церкви, их главы носят исторический титул Патриархов Антиохийских и Всего Востока, на территории Сирии находятся важные христианские святыни и монастыри, 12 из 22 религиозных общин Сирии относят себя к христианам [4]); 3) Россия в Сирии защищает духовные основы цивилизации в целом. В Сирии Россия сделала весомую заявку на духовное лидерство в процессе создания многополярного мира, сформулировав его основные пункты в Валдайской речи В.В. Путина 22 октября 2015 г. Глобальному единоличному лидерству США приходит конец, ясно обозначенный Россией в Сирии. «Раньше мощь Америки считалась легитимной, потому что она так или иначе идентифицировалась с основными интересами человечества. Сила, которую считают незаконной, по самой своей сути слабее, потому что её применение требует более значительных ресурсов для достижения желаемого результата <...> Теперь глобальное лидерство должно сопровождаться социальной сознательностью, готовностью к ком-

промиссам, <...> культурной привлекательностью, не сводящейся к гедонистскому содержанию, и подлинным уважением к разнообразным человеческим традициям и ценностям» [9, с. 128, 186]. Президент России в своей Валдайской речи 2015 г. сформулировал и пан-идею этого многополярного мира: осуществление идеалов духовности, уважения равенства народов и суверенитета их государств.

Таким образом, Сирийский кризис, являясь формой лимитрофной войны, находится в общем тренде передела лимитрофов сверхдержав недавнего прошлого (США и СССР), но уже с «возвратным движением» России в свои прежние лимитрофы, её заявкой на статус великой державы современности и духовного лидера формирующегося многополярного мира.

Грибанова Г.И.

«Исламское государство» как новая форма терроризма XXI века

Терроризм, как форма политического насилия, сопровождает человечество на протяжении почти всей его истории. Однако, в зависимости от конкретно-исторической ситуации, он приобретает определённые специфические характеристики, которые должны облегчить достижение соответствующей террористической организацией своих политических целей. Сегодня уже очевидно, что терроризм XXI века, сохраняя свою общую для терроризма как такового сущность, становится всё более опасным, благодаря использованию новых форм и методов, ставших возможными именно в эпоху глобализации и господства

информационно-коммуникационных технологий. Ярким примером такого «инновационного подхода» к терроризму может служить организация «Исламское государство», представляющая собой одну из главных угроз мировой безопасности.

С одной стороны, ИГ – классический вариант террористической организации, поскольку обладает следующими типичными для терроризма признаками:

- **политическая мотивация** террористической деятельности, осуществление её в определённых политических целях;

- **целенаправленное использование насилия или угрозы его применения** в качестве основного метода своей стратегии для запугивания, формирования в обществе чувства страха;

- **«идейный абсолютизм»**, убеждение в обладании единственной высшей, окончательной истиной, уникальным рецептом «спасения» своего народа или даже всего человечества [18, с. 20].

В то же время, как и другим террористическим группировкам конца XX – начала XXI в., ему присущ ряд новых характеристик, главными из которых, на наш взгляд, являются следующие.

Во-первых, это готовность для достижения своих целей использовать оружие массового поражения. Первый факт использования такого рода оружия был зафиксирован в марте 1995 г., когда японская террористическая организация «Аум Синреке» осуществила зариновую атаку в токийском метро. Интересно отметить, что ещё в 1970-е гг. некоторые специалисты предсказывали, что первыми оружие

массового поражения для совершения террористического акта применяют религиозные секты с мессианскими или апокалиптическими идеями. Действительно, сегодня религиозные фундаменталисты и группы, исповедующие новые религиозные культы, делают ставку на массовое уничтожение, стремясь максимизировать насилие по отношению к тем, кого они воспринимают в качестве своих врагов, деля мир чётко на «они» и «мы» [18, с. 43]. В русле этого вполне логичным выглядит использование «Исламским государством» химического оружия против курдов.

Во-вторых, это создание террористических сетей и совершенствование тактики террористических групп на основе информационных и компьютерных технологий. Доступность информации разрушает иерархии, поскольку облегчает процесс коммуникации и координации. Американские исследователи Дж. Арквилла и Д. Ронфельдт, описывая подобные информационные сети и те вызовы, которые от них исходят в адрес национального государства, используют весьма выразительный термин – «сетевая война». Для сетей характерна автономность, гибкость и высокий уровень адаптивности, при этом акторы «сетевой войны» по своей природе суб- и транснациональны [58, р. 194–195].

Классический тип террористических организаций с чёткой мотивированной структурой и конкретной политической программой начинает сдавать свои позиции перед терроризмом нового времени, способного вести борьбу по последнему слову организационных сетевых структур, имеющих нелинейность, множественность и

разнообразие [18, с. 45]. Получающие всё большее распространение сетевые структуры основываются на трёх организационных принципах:

1. Для членов каждой ячейки, которые осведомлены только о своих непосредственных обязанностях, характерно беспрекословное подчинение своему лидеру.

2. Вся структура построена на малых группах-командах.

3. Происходит усиление горизонтальных связей с минимизацией иерархических отношений на третьем уровне ячеек.

В общем плане вся инфраструктура такого рода организаций включает в себя три иерархических уровня: первый уровень составляют лица, которые определяют идеологическую линию и интегрируют деятельность организации; второй уровень включает в себя руководителей ячеек, которые определяют тактическую деятельность своих групп; третий, самый большой по численности, уровень представляет собой прямых исполнителей, которые образуют горизонтальные сетевые структуры, состоящие из самоуправляемых ячеек, выполняющих поставленные тактические задачи руководителей ячеек второго уровня, претворяя в жизнь общую идеологическую концепцию идеологов центрального (первого) уровня.

В-третьих, всё большую деструктивную роль в комплексе изменений терроризма играет его идейно-политическое и психологическое воздействие на общество благодаря средствам массовой информации. В этом плане вполне справедливо С. Комбс определяет терроризм, как «синтез войны и театра, драматизацию наиболее

запрещённого вида насилия – насилия, предназначенного для невинных жертв, – разыгрываемую перед аудиторией в расчёте на создание настроения страха, с политическими целями» [5, с. 8].

«Исламское государство» чрезвычайно эффективно использует как традиционные СМИ, так и онлайн-коммуникацию, включая социальные сети. Наряду с сообщениями и видеокадрами казней людей, уничтожения памятников истории и культуры, в интернете можно найти тысячи публикаций, содержащих исламистскую пропаганду того, что они называют государством, и их толкование ислама. Нельзя обойти вниманием и специально созданные фильмы, такие как «Звон мечей» и «Пламя войны», изобилующие спецэффектами и, в целом, отличающиеся достаточно высоким уровнем профессионализма их создателей.

Всё это характерно в начале XXI в. не только для «Исламского государства», но и для других подобного рода группировок.

Однако необходимо признать, что ИГ сумело во многих отношениях пойти дальше, чем все его предшественники, создав на территории Сирии и Ирака своё квазигосударство. В июне 2014 г. было официально объявлено о создании «халифата», государственного образования, основанного на господстве идей и законов шариата. Одновременно было озвучено требование ко всем мусульманам мира присягнуть на верность лидеру ИГ Абу Бакр-аль Багдади и переместиться на территорию, находящуюся под его контролем. ИГ потребовало также от всех других джихаистских групп признать его верховенство, и надо отме-

тить, что многие, в том числе ряд отколовшихся от Аль-Каиды организаций, так и сделали.

К сентябрю 2014 г. – периоду наибольших территориальных захватов ИГ, по словам тогдашнего директора Национального контртеррористического центра США Мэтью Олсена, «Исламское государство» контролировало большую часть бассейна рек Тигра и Евфрата, или около 210 000 км² [92]. В то же время вряд ли можно говорить о полном господстве над этой территорией. В действительности, боевики полностью контролируют лишь ту её часть, где находятся города, основные дороги, места нефтедобычи и военные объекты. Однако они свободно передвигаются по остальной территории, считая её зоной своего контроля. Точное число людей, проживающих на этих территориях, неизвестно. По оценке президента Международного комитета красного креста, в марте 2015 г. их насчитывалось более десяти миллионов человек [89].

Для созданного ИГ государственно-го образования характерна достаточно чётко обозначенная административная структура [57]. Главой государства, обладающим практически неограниченными властными полномочиями, является халиф (в настоящее время – это Абу Бакр аль-Багдади). Именно он назначает членов совещательного органа Шуры. В свою очередь, Административный совет занимается разработкой законов.

Наместники управляют подконтрольными территориями в Ираке и в Сирии. Соответственно, в их подчинении находятся губернаторы провинций. Таким образом, можно говорить о наличии жёсткой иерархической

структуры, территориальные границы функционирования которой, однако, постоянно меняются в зависимости от успеха или неудач военных операций.

Состав Военного совета и Совета разведки также определяется халифом. Особо следует отметить наличие такого органа, как Совет военной помощи, отвечающий за помощь и сотрудничество с союзническими группировками в других странах.

Надзор за соблюдением норм шариата и исламской морали осуществляет Правовой совет, в функции которого входит также пропаганда и вербовка боевиков за границей. Аналогичные функции внутри страны, а именно – пропаганда, контрпропаганда и работа с молодёжью – выполняет Исламское управление общественной информации. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что «Исламское государство» с самого начала своего существования сделало ставку на создание мощной пропагандистской структуры. Основными медиаподразделениями ИГ считаются агентства «Аль-Фуркан» и «Аль-И'тисам», а также медиа-центр «Аль-Хайят», ориентирующийся преимущественно на внешнюю аудиторию.

«Исламское государство» ежедневно выпускает текстовые аудио-отчёты о новостях на пяти языках (арабский, английский, русский, французский, курдский) в рамках так называемого «Радио аль-Баян (Вести)». Каждый вилайет (провинция) ИГ имеет собственную медиа-службу, публикующую фото и видео из этого вилайета. При этом далеко не все материалы ИГ содержат сцены насилия: довольно много отчётов о работе системы здравоохранения, шариатской полиции и судов, пунктов сбора закята (обязательного

годового налога в пользу бедных, нуждающихся, а также на развитие проектов, способствующих распространению ислама и истинных знаний о нём). Кроме того, у ИГ есть свой интернет-журнал «Дабик», в котором (с расчётом, прежде всего, на иностранную, неарабскую аудиторию) освещаются различные моменты из жизни «Исламского государства» [57].

Очевидно, что для более или менее стабильного функционирования квазигосударства необходимо постоянно решать множество хозяйственных вопросов, чем и занимаются уполномоченные советники халифа. Именно они отвечают за работу основных систем жизнеобеспечения, обеспечивающих подачу электроэнергии и воды, а также сотовую связь.

Как и обычное государство, ИГ устанавливает и собирает налоги с населения, проживающего на подконтрольных ему территориях. Более того, в ноябре 2015 г. было объявлено о начале выпуска собственных денег – золотых монет под названием «исламский динар» (так называли монету, использовавшуюся в 630-х г. во времена халифа Османа, которую исламисты взяли за образец) [79].

И здесь необходимо подчеркнуть еще одну специфическую и крайне важную характеристику ИГ как террористической организации нового типа – её «самоокупаемость». В начале своей деятельности руководство и боевики ИГ преимущественно рассчитывали на деньги «спонсоров», поддерживающих саму идею создания суннитского халифата. Сообщалось о финансировании группировки частными инвесторами из стран Персидского залива. Член иранского парламента Мохам-

мад Салех Джокар заявлял о получении ИГ помощи в объёме 4 млрд. долларов от Саудовской Аравии [48]. Однако в настоящее время «Исламское государство» – это организация-миллиардер. Основные источники дохода – грабежи, разбойные нападения, вымогательства, получение выкупов за заложников. Но главной после захвата соответствующих территорий в Ираке и Сирии стала торговля нефтью на чёрном рынке по демпинговым ценам, что позволяет, по расчётам специалистов, получать от \$1 млн. до \$3 млн. в день. Общий объём оценивается в 350 000 баррелей / сутки. Основным пунктом легализации называют Турцию, в которую ресурсы приходят через посредников [98].

Представляется, что именно эти новые характеристики ИГ по сравнению с другими террористическими организациями делают его особенно опасным, поскольку в данном случае речь идёт не только о распространении радикального ислама, массовых убийствах, геноциде, торговле людьми и прочих преступлениях, но и о подрыве базовых основ современного миропорядка, разрушении Вестфальской системы национальных государств. Отсюда объективная заинтересованность в уничтожении этого квазигосударства, которая должна быть осознана всем мировым сообществом. «Исламское государство» – это своего рода джинн, выпущенный из бутылки, и он в равной степени опасен для всех, даже для тех стран, правящие элиты которых изначально поддерживали его идеи, оказывая ему различного рода помощь.

Сарабьев А.В.

Исламизм против ближневосточного поликонфессионализма

Ближневосточные общества, как правило, поликонфессиональны, т.е. сочетают несколько религиозных систем. Ирак, Сирия, Ливан, Палестина, Иордания – на протяжении XX в. в этих странах конфессиональный баланс поддерживался (а где-то и устанавливался) разными, в том числе силовыми и административными методами. Но в основе своей отношения между суннитской, шиитской, православной, униатской, маронитской, грегорианской, протестантской, ассирийской, ассиро-халдейской, яковитской, сирокатолической, алавитской, друзской, исмаилитской, езидской и другими общинами на Ближнем Востоке традиционно носят конвенциональный характер. Наиболее ярким примером в этом отношении является, конечно, ливанское государство, конфессиональная система в котором всегда основывалась на принципе противовесов. Система конфессионального представительства в Ливане, выработанная более 70 лет назад, поддерживается, несмотря на существенное изменение конфессиональной демографии: мусульмане теперь составляют 60–65 %, христиане – около 25 %. [80]. Существенную роль в межконфессиональных отношениях на Ближнем Востоке играет и клановая система, когда определенная клиентела экономически, политически или из соображений тактики в большей или меньшей степени заинтересована в установлении тесных контактов с инославными общинами.

Теперь, перед лицом реальной угрозы истребления или выселения со своих земель исламистами (джихадистами) представители разных общин вынуждены проявлять большую согласованность в действиях друг с другом. Это, пожалуй, один из важнейших новых регуляторов межконфессиональных отношений – антиджихадистская солидарность. Громкое похищение православного и сиро-яковитского епископов, поиски которых до сих пор ведутся, ещё больше сплотило паствы Православного Антиохийского патриархата и Сиро-Яковитской Церкви. Бедствия иракских Ассирийской Церкви Востока и Ассиро-Халдейской Церкви, паства которых в Ираке сократилась с начала нынешнего века почти в 10 раз, привлекают внимание всего мира, заставляют сопоставлять эту трагедию с событиями 1915 г. – так называемым геноцидом сейфо, когда десятки тысяч ассирийцев и сирийцев-яковитов подверглись депортации и истреблению [15] вместе с малоазийскими армянами.

В сложном и пёстром комплексе, что называют исламизмом (или такфиризмом, или джихадизмом), имеют место сильно различающиеся по своим методам и подходам организации. Каким видят идеологи халифатизма положение конфессиональных меньшинств (то есть всех общин, кроме несуннитской) в предполагаемом ими общественно-политическом устройстве? Готовы ли они, в полном согласии с Кораном и Сунной, выступить защитниками всех, имеющих статус зимми¹? Допустимо ли в рамках риги-

ристических ваххабитских проектов сосуществование суннитских, шиитских, друзских, алавитских и иных мусульманских общин, или же всем несуннитам однозначно уготован такфир²? Попытки ответить на подобные вопросы могут подвести к научно обоснованным оценкам перспектив реализуемых сегодня на территориях Ирака и Сирии наднациональных суннитских проектов, которые пытаются распространиться на Ливан, Синай и некоторые африканские страны. Перспектив, оценки которых могут быть даны в военно-политическом ключе – в смысле стратегии международных или региональных антитеррористических коалиций.

Немаловажным вопросом является и культурная составляющая того «джихада», который исламисты ведут в направлении истребления исторической памяти и национального самосознания в угоду универалистского нивелированного и выхолащенного понимания мусульманской культуры. Яркие примеры тому – разграбление иракских музеев и недавние взрывы памятников древней Пальмиры в Сирии (храм Баалсамина, храм Бэла, погребальные башни, триумфальная арка) [42]. Эта «война с памятниками», очевидным образом, представляет собой попытку смены цивилизационных основ захваченных обществ, перегрузки культурно-религиозной идентичности населения предполагаемых провинций халифата. И всё же остаётся вопрос – какое место в стратегии исламистов занимает эта культурная

Мухаммада, обязаны осуществлять защиту и покровительство.

² Такфир – вынесение обвинительного приговора в несоблюдении норм чистого ислама.

¹ Зимми, или ахль аз-зимми – статус неисламского населения в исламских государствах, в отношении которых мусульмане, по завету

составляющая борьбы? Как далеко они могут зайти в нивелировании богатейшего наследия истории, особенностей традиции и культуры конфессиональных общин Ирака, Сирии и других территорий, являющихся для них целью? Работа над этими вопросами может, надо полагать, явиться стимулом привлечения к решению цивилизационной составляющей проблемы исламского экстремизма влиятельные региональные мусульманские организации, а также основанием для ясного артикулирования своей позиции православного, католического и протестантского мировых сообществ.

Наконец, серьезнейшим вопросом, способным приблизить к верной оценке позиций ключевых держав в отношении сдерживания халифатистов «Исламского государства», Талибана, джихадистов Фронта аль-Нусра и многих других, может оказаться следующий: кому выгоден упор на религиозный аспект противостояния? Почему при достаточно прозрачных военно-стратегических целях участников так называемой «шиитской дуги» и их противников из суннитского лагеря (страны Аравии и Залива, в первую очередь) такой акцент делается на конфессиональной составляющей противоречий? Не является ли это классическим примером инструментализации религии? В пользу положительного ответа на вопрос говорят факты поразительной периодичности и необъяснимой жестокости, насилия с явным религиозным подтекстом. 5 ноября 2015 г. было взорвано здание в ливанском Эрсале (северо-восток Бекаа, у границы с Сирией), где проходило заседание «Комитета алимов Каламуна», при этом погибли восемь

суннитских алимов [105], которые выступали посредниками в переговорах с ДН и ИГ о возвращении 25 ливанских военных, захваченных в плен в августе 2014 г., а также занимались распределением средств помощи сирийским беженцам в Ливане. Ранее, в марте 2013 г. произошло сразу два зверских убийства известных суннитских богословов и проповедников: в Дамаске во время взрыва в мечети погиб шейх Мухаммад Рамадан аль-Бути, а в Алеппо исламистами был растерзан шейх Хасан Сафиеддин, причём его голову водрузили на минарете, а обезображенное тело выставили на поругание возле мечети. В религиозном плане это были, видимо, акты исполнения приговора после вынесения такфира, однако на поверхности лежат более земные причины этих убийств – политические (проасадовская позиция хатыбов аль-Бути и Сафиеддина; неудобная для исламистов нейтральная позиция шейхов, убитых в Эрсале) и, возможно, материальные. Абсолютно справедливо, что по отношению к религии, как пишет И.Д. Звягельская, «инструменталистский подход вполне отражает реалии политической борьбы в любой арабской стране, где религиозные или светские лозунги маскируют иные линии раскола» [21, с. 185].

Приведённые факты, где жертвы – известные суннитские деятели, показывают, что вполне обосновано сомнение в направленности «джихада» радикальных исламистов-суннитов исключительно против «неверных» (всех немусульман) или «отступников» (шиитов, алавитов, друзов и др.). Вероятнее всего, усилия режиссеров масштабных исламистских проектов направлены против самого поликон-

фессионального устройства ближневосточных обществ, закреплённого на протяжении веков и освящённого не только традицией, но и самими священными текстами мусульман.

Так или иначе, Ближний Восток уже никогда не будет прежним. Когда раны взаимных обид затянутся, мы, должно быть, станем свидетелями установления новых общественных связей и выстраивания новых межобщинных отношений в этом регионе.

Валиахметова Г.Н.

Энергетическая составляющая геополитического конфликта в Сирии

Энергетический фактор, являясь интегральной частью международных отношений и мировой политики, с одной стороны, отражает как в фокусе их текущее состояние, а с другой – сам порождает новые международные противоречия и конфликты. В XXI в. в сфере энергетики формируются новые угрозы международной и национальной безопасности и, соответственно, требуются качественно новые, многосторонние подходы к решению возникающих проблем. Пока поиск конструктивных форм взаимодействия старых и новых энергетических игроков весьма далёк от завершения, чему наглядным примером является Сирия, которая, по сути, стала заложницей «высокой» политики с её влиятельным энергетическим фактором.

Сирия всегда была незначительным игроком на глобальном энергетическом рынке ввиду довольно скромной доли в мировых запасах нефти (0,1 %) и газа (0,2 %) [66]. Однако в районе

Восточного Средиземноморья Сирия остаётся самым крупным производителем, даже несмотря на внушительное сокращение объемов добычи нефти и газа в результате военного конфликта. Энергетическая отрасль всегда являлась стратегической для сирийской экономики: доходы от экспорта нефти (до 2012 г. порядка 95 % сырой нефти вывозилось в Европу) были основным источником пополнения госбюджета страны, обеспечивая примерно четверть совокупных государственных расходов. Сирийские нефтяные и газовые месторождения, контроль над которыми сегодня пытаются получить (или удержать) все стороны конфликта, преимущественно сосредоточены в малонаселённых частях страны (на востоке и северо-востоке) и соединены с густонаселёнными прибрежными районами (Дамаск, Хомс, Алеппо) системой трубопроводов [2].

Региональное и глобальное значение сирийского энергетического сектора внушительно возросло в 2009–2010 гг. в связи с разработкой правительством Б. Асада новой энергетической стратегии страны и обнаружением колоссальных запасов нефти и газа в бассейнах Леванта (вдоль берегов Сирии, Ливана, Израиля, Газы, Кипра) и Нила (на севере Египта). В связи с этим важно подчеркнуть тот факт, что нефтегазовые запасы Ближнего Востока ещё далеко не полностью исследованы. Так, за вековую историю промышленной разработки нефти в зоне Персидского залива там появилось всего около 2 тыс. разведочных скважин (пробуренных методом «дикий кошки», т. е. наугад), в то время как в США – более 1 млн. В Ираке, например, имеется лишь 2,5 тыс. нефтяных

скважин всех видов (разведочных, оценочных, разработочных и т. д.), а в одном только Техасе их 1 млн. [6]; газовые же резервы Ирака ещё только предстоит оценить [49, с. 104]. Поэтому череда успешных нефтегазовых разведок на Ближнем Востоке, которая так удивляет мировую общественность (в числе последних «сенсаций» – обнаружение крупного газового месторождения на контролируемых Израилем Голанских высотах в октябре 2015 г.), является вполне закономерной и не исключает возможности как дальнейших открытий, так и неизбежно последующей за ними схватки за энергоресурсы региона [70]. Примечательно, например, что первые антиправительственные выступления в Сирии вспыхнули именно в тех городах и районах, где располагаются ключевые объекты энергетической инфраструктуры страны, а кампании гражданского неповиновения неизменно сопровождались многочисленными терактами на предприятиях нефтегазовой отрасли. Первые и наиболее жестокие столкновения между правительственными войсками и оппозицией произошли в марте 2011 г. в г. Хомс, где незадолго до этого было обнаружено новое газовое месторождение, которое сирийские власти оперативно стали вводить в эксплуатацию [46; 72].

Но главная ценность и стратегическое преимущество Сирии – это её географическое расположение в центре Ближнего Востока, что неизбежно повышает геополитическую значимость страны. Нефтяные ресурсы региона преимущественно сосредоточены в зоне Персидского залива, прежде всего, в трёх странах, исторически кон-

курирующих друг с другом – Иране, Ираке и Саудовской Аравии. В этом же районе залегают крупнейшие в мире разведанные запасы природного газа – супергигантское, относительно легкодоступное месторождение, расположенное в территориальных водах Катара (месторождение Северное, которое вывело Катар на третье в мире место по запасам природного газа и, по оценкам экспертов, позволит этой стране добывать газ в нынешних внушительных объемах не менее 160 лет) и Ирана (месторождение Южный Парс, которое содержит около половины суммарных газовых ресурсов Ирана, мирового лидера по запасам газа). Промышленная разработка месторождения Северное / Южный Парс началась в 1990–1991 гг. при активном участии американских, европейских и японских ТНК – в катарской зоне, европейских, российских, китайских, южнокорейских и малайзийских ТНК – в зоне контроля Ирана. Соответственно, в национальной повестке дня Катара и Ирана встал вопрос о выходе на ёмкие рынки сбыта, в первую очередь, в Европе и Восточной Азии [20].

Развитие региональной системы транспортировки энергоресурсов началось ещё в 1934 г. с пуском в эксплуатацию первого на Ближнем Востоке трансграничного нефтепровода, по которому ближневосточная (иракская) нефть впервые вышла на мировые рынки, минуя Персидский залив. Нефтепровод состоял из двух веток, проложенных из Ирака (Киркук) к Средиземному морю по маршрутам Сирия – Ливан (Триполи) и Иордания – Палестина (Хайфа). В 1952 г. было завершено строительство нефтепровода Киркук – Банияс. Сегодня это основ-

ная транзитная артерия, идущая по Сирии к прибрежным сирийским и ливанским нефтеперерабатывающим заводам, к которой в районе известного по медиа-сводкам г. Хомс присоединяется труба с сирийских месторождений. Главная проблема данной нефтепроводной системы состоит в том, что её маршрут пересекает зоны контроля ИГИЛ (долины Евфрата и район печально известной Пальмиры, где, кроме того, расположены крупные газовые поля), а сирийские нефтепромыслы на северо-востоке страны находятся под курдским контролем. Курды также контролируют основной сухопутный, практически по границе обходящий Сирию, путь иракской нефти на Турцию (Киркук – Джейхан). Отсюда и появление прогнозных сценариев по «встраиванию» контролируемых курдами сирийских месторождений в турецко-иракскую трубу.

Другая стратегически важная трансрегиональная трасса, пролегающая по территории Сирии, – это так называемый Арабский газопровод, ставший примером успешного энергетического сотрудничества четырёх арабских стран. В 2001–2009 гг. газопровод был проложен от Египта через Иорданию до Сирии (Хомс, Банияс) и Ливана (Триполи). Готовность к сотрудничеству в рамках данного регионального проекта в своё время также выражали Израиль, Ирак и Турция. С открытием крупных газовых запасов на шельфе Восточного Средиземноморья стали рассматриваться возможности подключения Арабского газопровода к Набукко. В связи с военным конфликтом в Сирии сирийский участок трубы был перекрыт, а подконтрольные другим странам сек-

тора регулярно становятся объектами терактов [1; 38].

В целом, к настоящему времени на Ближнем Востоке было построено 8 трансрегиональных трубопроводов, и каждый был перекрыт, как минимум, один раз, преимущественно по военно-политическим причинам. Ввиду высокого уровня конфликтности в регионе основным для вывоза энергоресурсов с Ближнего Востока остаётся обходной морской путь через Персидский залив. Следуя данным маршрутом, танкеры с нефтью и сжиженным газом вынуждены проходить через узкие и весьма уязвимые со стратегической точки зрения морские артерии – Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы и Суэцкий канал, причем любая дестабилизация обстановки в прибрежных странах чревата перебоями энергопоставок. Наиболее напряжённая ситуация сложилась вокруг Ормузского пролива, контролируемого Ираном. Многие аналитики затрудняются предсказывать масштаб последствий перекрытия пролива для мировой экономики и энергетики. Проблема Ормузского пролива неоднократно приводила к вооружённым конфликтам, последним из которых является война в Сирии.

В 2009 г. Башар Асад обнародовал энергетическую стратегию Сирии, согласно которой страна должна была превратиться в новый энергетический центр Ближнего Востока. Предложенный Б. Асадом проект «Четырёх морей» предусматривал строительство сети газопроводов, позволявших соединить морские акватории, окружающие Сирию по периметру всего Леванта (Каспий, Средиземное и Черное моря, Персидский залив). Катар сразу

обратился к Дамаску с предложением о прокладке по сирийской территории газопровода со своего месторождения Северное в Турцию и далее в Европу. Однако Асад мыслил свой проект шире – как объединение Ближнего Востока под эгидой Сирии в рамках единой нефтегазотранспортной системы с выходом к Средиземному морю. Особо раздражающим для Дохи, а также её аравийских и западных партнёров, стали недвусмысленные реверансы сирийского президента в сторону Ирана и России [46; 72].

К моменту дестабилизации политической обстановки в Сирии Дамаск предпринял ряд конкретных шагов по реализации своих энерготранзитных планов, дополнившихся, кроме того, программами наращивания перерабатывающих мощностей страны в районах Пальмиры и Ракки, которые сегодня находятся под контролем ИГИЛ, а последняя даже провозглашена его столицей [46]. По-видимому, последней каплей, переполнившей «чашу терпения» остававшихся не у дел заинтересованных энергетических игроков (Катар, Саудовская Аравия, Турция), стало подписание 25 июня 2011 г. в Бушере соглашения о строительстве нового газопровода Иран (Ассалуэх) – Ирак – Сирия протяжённостью 1500 км, мощностью 40 млрд. м³ в год и стоимостью 10 млрд. долларов. Рассматривались также перспективы его ответвления в Ливан и продления по дну Средиземного моря в Грецию, а также варианты поставок сжиженного газа из Ирана в Европу через сирийские и ливанские средиземноморские порты. Этот трубопровод, получивший название «Исламская магистраль», должен был войти в строй в 2014–2016 гг. и

обеспечить энергетические потребности Ирака, Сирии, Ливана и Иордании [72]. Спустя месяц после подписания указанного соглашения о своём создании и намерении свергнуть режим Башара Асада объявила «Свободная армия Сирии», что знаменовало переход сирийского внутривластного кризиса в фазу гражданской войны.

«Исламская магистраль» оказалась в центре крупной геополитической игры, в основе которой лежит геополитическое противостояние между США и Россией. Начало этой «игре» положил в 2002 г. турецко-австрийский проект газопровода Набукко мощностью 30 млрд. м³ газа в год, который первоначально планировали проложить из Ирана, Ирака, Азербайджана и Туркменистана через Турцию в Европу. Набукко должен был уравновесить российские газовые поставки в Евросоюз. Однако ввиду недостаточной сырьевой базы проект забуксовал: в настоящее время он обеспечен запасами одного Азербайджана, остальные страны-поставщики были исключены преимущественно по политическим соображениям [33].

Соответственно Запад стал рассматривать в качестве ресурсной базы масштабного проекта по выдавливанию российского газа с европейских рынков страны Персидского залива, а именно Катар и Саудовскую Аравию, которые предложили меридиональное направление поставок своего газа в Европу в обход Ирака через Иорданию и Сирию. В районе г. Хомс трубопровод должен разветвляться в трёх направлениях к побережью Средиземного моря: в Латакию на севере Сирии, Триполи на севере Ливана и Турцию. С учётом газовых ресурсов аравийских

монархий, мощность катарского газопровода могла превысить и «Исламскую магистраль», и Набукко, бросая прямой вызов «Южному потоку» – международному проекту под эгидой России, который позволял диверсифицировать поставки российского природного газа в Европу и снизить зависимость поставщиков и покупателей от таких транзитных стран, как Украина и Турция [33; 71].

Очевидно, что в случае сооружения «Исламской магистрали» и «Южного потока» не у дел оставались заинтересованные в катарском газе и проекте Набукко США, ряд европейских стран, монархии Персидского залива, Израиль и Турция, претендующая на роль главного мирового транзитера и владельца крупнейшего на побережье Средиземного моря газового хаба. Катар и его союзников на Западе, кроме того, весьма беспокоили перспективы экспорта иранского и сирийского газа в Европу через арендуемый Россией сирийский порт Тартус. «Исламская магистраль» рассматривалась арабскими монархиями и Турцией не только в качестве серьёзного экономического конкурента, но и в контексте межконфессиональных (суннитско-шиитских) противоречий – как шиитский газопровод из шиитского Ирана через территории Ирака с его шиитским большинством и дружественной шиитам алавитской Сирии во главе с Б. Асадом [33; 71].

Катарский газопроводный проект, помимо прочего, позволяет преодолеть критическую зависимость арабских нефтедобывающих монархий от ситуации вокруг контролируемого Ираном Ормузского пролива – узкого «бутылочного горлышка» на выходе из Пер-

сидского залива в Аравийское море и Индийский океан. В случае перекрытия этой судоходной артерии под ударом также оказываются военно-стратегические позиции США на Ближнем Востоке: американский пятый флот, базирующийся в Катаре, Дубае и на Бахрейне, может выйти в Индийский океан только через Ормузский пролив. Катар, по сути, пробивает новый коридор для экспорта газа, и ключевым звеном в решении этой задачи стала Сирия с её значением регионального географического перекрёстка [33].

Вполне естественно, что катарский проект активно продвигается Вашингтоном, поскольку позволяет нанести сокрушительный удар по энергетическим интересам Ирана, Ирака и Сирии; разрушить иранскую транзитную монополию в Персидском заливе; усилить транзитные позиции Турции, своего союзника по НАТО; предоставить Израилю, другому американскому партнёру по ближневосточным делам, возможность экспортировать свой газ в Европу по наземному маршруту. Успешное решение указанных задач позволит США реализовать более глобальные геополитические цели – выдавить Россию с европейского газового рынка, ослабив тем самым её экономические и политические позиции, а также создать условия «ресурсного голода» у своего другого геополитического конкурента – Китая, существенно ограничив его доступ к нефтегазовым ресурсам Персидского залива [33; 46; 56; 71].

«Газопроводная игра на выбывание» в Сирии, по сути, была развёрнута Катаром и Саудовской Аравией при активной поддержке США и их союзников на Западе. Сравнение карты бое-

вых действий в Сирии с картой конкурирующих трубопроводных проектов неизменно приводит экспертов к выводу о наличии тесной связи между вооруженной активностью сирийской «оппозиции» и её стремлением контролировать именно районы Дамаска, Алеппо и Хомса, где сходятся маршруты будущих энерготранзитных артерий Ближнего Востока [33; 46; 71; 72]. Ближневосточные оппоненты Сирии используют довольно широкий спектр инструментов давления на Дамаск: финансовое и информационное превосходство (примечательно, что арабийские монархии ведут борьбу с республиканским режимом Б. Асада под лозунгом «защиты демократических ценностей»); военное присутствие США и НАТО в Персидском заливе; вооружение сирийской «оппозиции» (на практике – транснациональных бандформирований); поддержку исламистских сил, способных изменить в свою пользу политический ландшафт Ближнего Востока, и т. д. Тем не менее, спонсорам и вдохновителям сирийской войны так и не удалось перевести её в ливийский формат. В условиях роста непредсказуемости очередных зигзагов мировой и региональной политики аналитики воздерживаются от прогнозов в отношении сирийского кризиса даже на краткосрочную перспективу.

Роль энергетического фактора в геополитическом противостоянии между США и Россией на сирийском поле не исчерпывается соперничеством «Исламской магистрали» и катарского трубопроводного проекта, которые на время утратили свою актуальность. Весьма туманными остаются перспективы «Турецкого потока» (российской

альтернативы «Южному потоку»), особенно в свете кризиса в российско-турецких отношениях после событий на сирийской границе 24 ноября 2015 г. Строительство Набукко отложено на 2017 г. (формально – из-за технических трудностей), но рассматриваются возможности включения в проект в качестве ресурсной базы иранского газа, а также продукции Эрзерумского месторождения Турции и газовых запасов Восточного Средиземноморья на шельфе Сирии, Ливана и Израиля [56]. Несмотря на войну в Сирии, продолжает возрастать стратегическое значение Арабского газопровода, который в перспективе также может быть подключён к Набукко [1].

Картина энергетического среза сирийского конфликта будет неполной без учёта целого спектра других сюжетных линий, в разной степени оказывающих влияние на развитие событий в Сирии. В их числе ситуация с освоением и направлениями экспорта энергоресурсов Каспия и Центральной Азии, где стремление местных правительств балансировать на противоречивых интересах глобальных энергетических игроков существенно повышает там уровень конкурентного противостояния, что, в свою очередь, корректирует ближневосточный вектор энергетической политики США, Европы, России и Китая [25; 44]. Не следует забывать и том, что война трубопроводов на Ближнем и Среднем Востоке (построенных и проектируемых) ведётся в том числе на землях расселения курдов и белуджей, которые в своих попытках добиться хотя бы автономии активно используют энергетический фактор [43]. Будущая карта ближневосточного энерготранзита зависит и от

эффективности борьбы с террористическими группировками, которые, со своей стороны, также имеют собственные подходы к решению политических и энергетических проблем региона. Весьма неоднозначны, казалось бы, сложившиеся на Ближнем и Среднем Востоке неформальные альянсы: совпадение интересов их участников в сирийском вопросе отнюдь не исключает наличия между ними глубинных противоречий. Прежде всего это касается взаимоотношений США с Турцией, арабскими монархиями, Израилем и Пакистаном, отношений в треугольнике Турция – Катар – Саудовская Аравия и т.д. [44]. Следует признать, что приход на европейский газовый рынок Ирана (вне зависимости от того, по какой трубе пойдёт его газ – катарской, ирако-сирийской или любой другой) серьёзно ослабит позиции российского «Газпрома» в Европе. Более того, энергетика – отнюдь не единственная сфера, где Россия и Иран являются прямыми конкурентами [16; 45].

Таким образом, анализ энергетической составляющей сирийского кризиса позволяет осознать масштабность ставки на Сирию со стороны главных геополитических игроков и других многочисленных субъектов ближневосточной политики.

Радиков И.В.

Сирийский кризис как отражение распада современной системы международной безопасности

Сформированная после окончания Второй мировой войны система международной безопасности носила

всеобъемлющий, комплексный характер и представляла собой совокупность основополагающих принципов безопасности, межгосударственных механизмов и структур, международно-правовых норм, многосторонних договоров и других элементов, созданных и функционирующих для предотвращения военных столкновений, их локализации, урегулирования политических, экономических и военно-стратегических противоречий, а также специальный режим контроля за международной деятельностью. Она охватывала всё мировое пространство. Важнейшим ее элементом была ООН.

Основными методами поддержания международного порядка во второй половине XX в. выступали сохранение общего баланса сил; избегание или контроль над кризисами; ограничение методов и средств ведения войны; использование локального доминирования; распределение сфер влияния; совместные действия, в основе которых лежали идеи «концерта» или «кондоминимума» [67, с. 207]. Один из основателей «английской школы» в теории международных отношений Хеддли Булл, характеризуя механизмы обеспечения международной безопасности во второй половине XX столетия, относил баланс сил к числу пяти ключевых институтов, формирующих и поддерживающих международное общество. По его мнению, баланс сил лежал в основании четырёх других: международного права, войны, дипломатии и мощи великих держав. Используем для нашего исследования подход этого ученого, утверждавшего, что в международной системе, где отсутствуют общие интересы и институты, возможен только «случайный» и

«неустойчивый» баланс сил, а также с предлагаемым им делением типов порядка в международных отношениях на международную систему и международное общество. Если международная система понималась как простая совокупность взаимодействующих государств, то международное общество, кроме взаимосвязанности государств, характеризуется ещё и наличием общности ценностей, интересов и правил поведения. В отличие от стихийного, конфронтационного баланса сил, присущего международной системе, международное сообщество отличается сознательно сконструированным балансом сил [67, с. 101–108].

Вместе с распадом биполярной системы международных отношений начался период деформации старых механизмов международного управления. Созданная для обеспечения мира и стабильности в условиях конфронтационного противостояния двух великих держав – СССР и США – система международной безопасности оказалась неприспособленной к изменившимся условиям и неспособной адекватно учесть взаимовлияние и противоречивость новых тенденций, определяющих трансформацию современной системы международных отношений: глобализацию и интеграцию, регионализацию и децентрализацию, изменение роли национальных государств и демократизацию, перерастание столкновений внутреннего характера в региональные и даже международные масштабы.

Возникшие региональные конфликты в 90-е гг. в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, сербском крае Косово и Македонии, на пространстве бывшего СССР, в Сомали, Либе-

рии, Сьерра-Леоне, Руанде и Заире, на Среднем Востоке и других точках мира продемонстрировали угасающую пригодность системы международной безопасности с её центром – ООН для их урегулирования. Эффективность действия системы тормозилась отсутствием консенсуса в Совете Безопасности, затяжными процедурами согласования интересов. Тем не менее, после 1989 г. число миротворческих и гуманитарных миссий ООН возросло. Только за три первых постбиполярных года (1989–1992) их количество сравнялось с числом подобных операций за предшествовавшие сорок лет. Материальные затраты на их проведение возросли в 1991–1992 гг. с 750 млн. до 2,9 млрд. долл. Географический спектр операций расширился, их формы разнообразились [22, с. 48].

Эффективность деятельности международной системы безопасности снижалась также в силу ограниченных военных и финансовых возможностей механизма обеспечения решений Совета Безопасности ООН, недостатков политико-правовой базы системы международной безопасности: отсутствия согласованных правовых понятий самоопределения, суверенитета, территориальной целостности, вмешательства, автономии, санкций и т.п.

Деформация системы международной безопасности в значительной степени обуславливалась непрекращающимися попытками США создать модель однополярного мира. Курс США на гегемонию неминуемо порождал противодействие других субъектов мировой политики и фатально вёл к конфликту. Уже в 1992 г. Пентагон представил конгрессу и президенту доклад о стратегии национальной без-

опасности США, в котором говорилось: «нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального глобального соперника».

В условиях ситуации исторической неопределённости, созданной разрушением биполярной мироконструкции, США устремились к установлению монополярного мира. Вызревавшая с 80-х гг. XX столетия тенденция постепенного ослабления конфронтационного баланса сил как основы системы международной безопасности и повышения значимости связующего баланса, основанного на идее международного общества и консенсусе ведущих мировых держав, так и не нашла своего должного практического наполнения. Ставка вновь делается на превосходстве военной силы. В условиях откровенного игнорирования нормативной базы международной безопасности, наступившей эпохи международного беззакония, насилия и разбоя, статус мирового жандарма придаётся НАТО, зона его «ответственности» распространяется на всё мировое пространство (решения саммита глав государств НАТО, апрель 1999 г., Вашингтон).

Деятельность институтов международной системы безопасности подменяется усилением экспедиционных группировок американских вооружённых сил, расширением «зоны ответственности» США в различных регионах мира, включая постсоветское пространство. В обход международного права предпринимаются попытки придания американским военным авантюрам характера легитимных международных операций (СРЮ, Ирак, Афганистан, Ливия). Основным

методом внешнеполитического курса США становится примитивный метод «кнута и пряника»: государства, оказывающие сопротивление «установкам США» подвергаются «наказанию», покорные же государства «вознаграждаются».

Канадские авторы К. Зис и М. Флауэрс в своей статье «Американская империя подходит к переломному моменту», основываясь на данных историка У. Блума, ведущего летопись американской истории, сообщают, что после окончания Второй мировой войны Соединённые Штаты Америки пытались свергнуть 50 с лишним правительств иностранных государств, большая часть которых была избрана демократическим путем; сбрасывали бомбы на людей в 30 с лишним странах; совершали попытки убийства 540 с лишним иностранных руководителей; пытались подавить популистские или националистические движения в 20 странах; грубо вмешивались в демократические выборы как минимум в 30 странах [23].

В условиях слабости международной системы безопасности Соединённые Штаты в качестве конечной цели сформировали идею разрушения или изменения политических систем, не соответствующих западным стандартам. При этом США стали считать себя свободными в выборе методов «распространения демократии». Диапазон этих методов простирался от идеологических, информационных до экономических и военных интервенций. Как отметил профессор М.Х. Хант, «чем больше США стремились уничтожить чужие сферы влияния, тем активнее они создавали собственные, но при этом оговаривались, что всё это дела-

ется с благородным намерением, ибо там, где другие эксплуатируют и подавляют, американцы только защищают и направляют» [78, с. 74].

Как результат, была упущена созданная итогами Второй Мировой войны историческая возможность построения мира без диктата силы, мира суверенного равенства государств, мира, в котором господствует право. Это привело к кризису управляемости международной системы, проявляющемуся в неадекватности механизмов поддержания международной безопасности, созданных после Второй мировой войны – ООН, НАТО, ОБСЕ – вызовам и угрозам XXI столетия; отсутствии явных успехов в их реформировании; внутреннем ослаблении государств – главных элементов системы международных отношений; усугублении кризиса государственного управления ряда стран Африки, Ближнего и Среднего Востока; оформлении на рубеже веков тенденции принимать решения вне рамок международных институтов, что подрывает их легитимность; кризисе международного публичного права, преимущественно в части применения военной силы; ослаблении режима нераспространения ОМУ.

К сожалению, не были реализованы на практике предложения Программы «Повестка дня для мира», выдвинутые Генеральным Секретарём ООН Бутросом Гали на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи, в частности, о необходимости уделять гораздо больше внимания превентивным операциям, направленным на предупреждение споров между конфликтующими сторонами, а также о методах принуждения к миру, в основе которых лежала бы способность быстро реагировать на события [35].

Безапелляционный отказ от необходимости соблюдать принцип Устава ООН (ст. 2, п. 7), запрещающий вмешательство во внутренние дела суверенных государств, был продемонстрирован после событий 11 сентября 2001 г. и 19 марта 2003 г., когда США присвоили себе право вмешиваться, в том числе и вооружённым путем, в дела любого государства, вторгаться в зоны влияния даже провозглашённых своими союзниками партнеров, не обращая ни малейшего внимания на их реакцию, демонстративно утвердили положение о том, что их военнотружущие никогда и ни при каких обстоятельствах не будут судимы Международным судом в Гааге. Эти действия отражают не слабость, а фактический распад системы международной безопасности, основанной на праве, глубочайший кризис международного публичного права, особенно в части применения военной силы.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что глобальная система международной безопасности находится в состоянии глубокого кризиса. В условиях исчезновения баланса даже в его упрощённом понимании равенства силовых возможностей, утраты баланса интересов, более того, истощения стремления к коллективной, кооперативной безопасности между участниками международной системы, реальностью становится осуществление международных операций по применению силы вне этой системы: в рамках коалиций, сформированных на временной основе, или даже отдельным государством (США). Сложилась парадоксальная ситуация, когда в центральном институте международной безопасности – Совете Безопасности

ООН – регулярно обсуждались и даже принимались решения, выражающие обеспокоенность в связи с возникающими кризисами и конфликтами, но реальных инструментов и возможностей для их выполнения не было.

Подтверждением этого вывода стал вооруженный конфликт, начавшийся на территории современной Сирийской арабской республики в 2011 г. и продолжающийся по сей день. В этой ключевой геополитической точке столкнулись, как минимум, четыре конфликтные линии: внутренний сирийский кризис, ирано-саудовская конфронтация, российско-американское соперничество за влияние на Ближневосточном регионе, турецко-сирийское противостояние.

Глубинные внутренние противоречия между полиэтническим и многоконфессиональным населением Сирии были предопределены самим искусственным процессом образования французами современного сирийского государства в 1930-е гг. из нескольких враждовавших между собой квазигосударств. В истории этого государства во второй половине XX столетия – несколько десятков путчей, мятежи и гражданская война, массовые жертвы. Принципиально различные и практически несовместимые позиции противоборствующих сторон, в том числе и по поводу выявления причин разжигания вооруженного противостояния в Сирии, крайне затрудняют в настоящее время возможности мирного, политико-дипломатического его урегулирования через переговорный процесс. Здесь столкнулись две полярных позиции. В соответствии с либеральным подходом, угнетённый сирийский народ при поддержке развитых демо-

кратий борется против диктатуры Башара Асада за свободу, поэтому любые действия со стороны властей, даже направленные на поиск компромисса, подвергаются жёсткой критике. В противовес этой позиции утверждается, что антиправительственные действия в Сирии проводятся в первую очередь по инициативе и при поддержке Саудовской Аравии и Катара, а США лоббируют их политические интересы на международной арене и стремятся к установлению своей гегемонии над Сирией, лишив при этом Иран ближайшего союзника и вытеснив с Ближнего Востока Россию.

Действительно, конфронтация между крупнейшими региональными акторами, Ираном и Саудовской Аравией, является одним из главных дестабилизирующих факторов на Ближнем Востоке. Не случайно министр иностранных дел России С. Лавров охарактеризовал шиитско-суннитский конфликт как наибольшую угрозу для мира и стабильности в этом регионе. В интервью «Независимой газете» в ноябре 2013 г. он отметил, что... «именно с Ираном и Саудовской Аравией ассоциируется поддержка оппозиции и правительства. Важно, чтобы существующая непримиримость между ИРИ и Саудовской Аравией не углубляла наметившийся очень серьёзный раскол внутри исламского мира – между суннитами, которые ассоциируются с Саудовской Аравией, и шиитами, лидером которых в исламском мире воспринимается Иран» [28]. Два прошедших года подтвердили, что Иран и Саудовская Аравия фактически встали на сторону противоборствующих политических сил и способствуют кровопролитию в стране. Вооружённые

формирования движения «Хезболла», начиная с мая 2013 г., принимают активное участие в боевых действиях на территории Сирии на стороне правительства Башара Асада. Помимо «Хезболлы» на стороне правительства Асада воюют также боевики иракских шиитских вооруженных отрядов «Бригады Абу'ль Фатха Аббаса». Иран оказывает сирийскому правительству существенную экономическую помощь. По информации французской газеты Liberation, финансовая и экономическая помощь ИРИ Дамаску за период конфликта составила 17 миллиардов долларов [32].

Одним из основных факторов, побуждающих государства Персидского Залива проводить подрывные акции против Сирии, является желание разорвать сирийско-иранский альянс. Весной 2011 г. министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал в беседе с шефом администрации бывшего американского вице-президента Дика Чейни Джоном Ханной выразил уверенность, что смена режима в Сирии будет чрезвычайно благотворной для Саудовской Аравии. Он отметил: «Король знает, что ничто кроме краха самой Исламской Республики не может ослабить Иран сильнее, чем потеря Сирии» [24].

Саудовская сторона с самого начала конфликта в Сирии оказывала значительную помощь деньгами и оружием радикальным исламистским (такфиристским) группировкам в Сирии. Под опекой саудовских спецслужб в сентябре 2013 г. было создано новое вооружённое объединение «Джаиш аль-Ислам» («Армия Ислама»). В её состав вошли группы джихадистов «Ах-рар аш-Шам», «Лива ат-тавхид», «Лива

аль-хакк», «Ансар аш-Шам» и Курдский исламский фронт. Во главе этой военизированной структуры встал Захран Аллюш, который одновременно являлся генеральным секретарём партии Исламского освобождения Сирии (ИОС) со штаб-квартирой в Саудовской Аравии.

После освобождения из сирийской тюрьмы в 2009 г. этот полевой командир основал в конце 2011 г. «Лива'а аль-Ислам» (Исламская Бригада) [24], одну из первых сирийских группировок, перешедшую к террористическим методам борьбы, взявшую на себя ответственность за взрыв 18 июля 2012 г. в Дамаске, в ходе которого погиб ряд высших руководителей Сирии: министр обороны Дауд Раджа (христианин), военный советник президента и бывший министр обороны генерал Хасан Туркмани, заместитель министра обороны и руководитель военной разведки Асеф Шаукат (родственник президента САР Башара Асада) [24]. Таким образом, Сирия является практически единственным антисаудовским и антиамериканским бастионом в арабском мире. Перспектива поражения режима Асада заставляет Иран поддерживать нынешнее руководство Сирии.

Российско-американские отношения были на протяжении полувека после окончания Второй мировой войны несущей осью международной системы безопасности, но именно они сегодня во многом определяют кризис этой системы. Представляется также, что они будут определять формирование и новой системы международной безопасности. Российско-американские противоречия фокусируются прежде всего вокруг проблем мироустрой-

ства, хотя артикулируются конкретные национальные интересы. Заметим здесь, что в любом противостоянии США и России везде присутствует не маскируемый ничем интерес США – сдерживание России. Что касается сирийского кризиса, то и здесь США пытаются выполнить эту задачу. В одном из интервью для телекомпании Press TV замминистра финансов США в администрации Рональда Рейгана откровенно сказал то, что обычно скрывается: «Мы хотим свергнуть Каддафи в Ливии и Асада в Сирии, потому что хотим выгнать Китай и Россию из Средиземноморья» [50]. Нет необходимости комментировать эти откровения.

Вместе с тем, по мнению Г. Кисинджера, «весь геополитический расклад, создававшийся США на Ближнем Востоке, рухнул. Четыре страны в регионе фактически лишились государственности. В Ливии, Сирии, Йемене и Ираке к власти рвутся негосударственные игроки. Изрядную часть Ирака и Сирии контролируют религиозные радикалы, провозгласившие себя „Исламским государством“ и объявившие войну нынешнему миропорядку» [11]. Киссинджер считает, что вмешательство России в ситуацию в Сирии и начало спецоперации Воздушно-космических войск РФ не только смешало карты Белому дому в регионе, но и поставило под вопрос роль США как глобального лидера. Он подчеркивает: «Роль США на Ближнем Востоке ослабевает <...> Российская военная операция в Сирии стала очередным симптомом ослабления этой роли, которую США приняли на себя по итогам арабо-израильской войны 1973 года. С действиями России в Сирии геополити-

ческая структура, поддерживаемая на протяжении четырёх десятилетий, пришла в упадок» [11].

Помимо арабских монархий Персидского залива, свои собственные интересы здесь преследует Турция, стремящаяся стать державой мирового уровня. Факторов столкновения интересов Турции и Сирии много – от курдского вопроса и взаимных территориальных претензий до идеологических и политических противоречий. Турецкая правящая элита, пожертвовав сложившимися с Сирией связями, сделала ставку на оппозиционные силы и распад Сирии как государства.

Столкновение этих противостоящих линий существенно осложняло поиск выхода из конфликта. Диапазон предложений простирался от всесторонних переговоров, диалога власти и оппозиции до введения санкций, организации миротворческих операций.

Предпринятый нами анализ четырёх конфликтных линий в сирийском узле даёт достаточно оснований, во-первых, для утверждения, что сирийский конфликт стал серьёзным фактором, оказывающим негативное воздействие на безопасность не только в регионе, но и далеко за его пределами, а, во-вторых, для понимания практической неспособности международных организаций, в частности ООН, эффективно регулировать подобные конфликты. Речь идёт о том, что проявившиеся в этом конфликте разногласия совершенно очевидно переносятся на площадку ООН и, в частности, Совета Безопасности, и делают фактически патовыми ситуации, когда стороны, «по определению», не могут договориться о путях их разрешения. Отсюда и так называемая «бездей-

ственность» современной международной системы безопасности.

Подтвердить ограниченность действий находящейся в кризисе системы международной безопасности мы мо-

жем кратким анализом решений, принятых её центральными институтами – Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей – по проблеме сирийского конфликта.

Таблица

Характеристика основных документов ООН по Сирии

Наименование документа	содержание
1–3 августа 2011 г. в СБ ООН было принято заявление от лица председателя	<i>осуждает</i> действия сирийских властей против мирного населения. В документе отражена позиция, согласно которой урегулирование ситуации в стране должно решаться без вмешательства извне
Резолюция Генеральной Ассамблеи 16 февраля 2012 г. Ситуация в Сирийской Арабской Республике	<i>подтверждает</i> роль региональных и субрегиональных организаций в поддержании международного мира и безопасности, что все государства-члены ООН должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или её применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства; <i>осуждает</i> любое насилие, откуда бы оно ни исходило, и призывает все стороны в Сирийской Арабской Республике, включая вооруженные группы, незамедлительно прекратить любое насилие или репрессалии в соответствии с инициативой Лиги арабских государств; <i>требует</i> , чтобы правительство Сирийской Арабской Республики выполнило решения Лиги арабских государств от 2 ноября 2011 г., от 22 января и 12 февраля 2012 г.
21 марта 2012 г. СБ ООН заявление председателя	<i>поддерживает</i> План мирного урегулирования ситуации в Сирии, разработанный при участии России и Лиги арабских государств и предложенный спецпредставителем ООН и ЛАГ по Сирии Кофи Аннаном; План предусматривает прекращение всех форм насилия между сторонами, вывод из населённых пунктов армейских подразделений и тяжёлых вооружений, оказание гуманитарной помощи всем пострадавшим в результате боевых действий, освобождение задержанных лиц, а также свободное передвижение представителям СМИ и соблюдение свободы объединений и права на мирные демонстрации.
Резолюция 2042 (2012 г.), принятая Советом Безопасности на его 6751-м заседании 14 апреля 2012 г	<i>призывает</i> все стороны в Сирии, включая оппозицию, немедленно прекратить любое вооружённое насилие во всех его формах; <i>постановляет</i> санкционировать направление передовой группы численностью до 30 невооружённых военных наблюдателей для налаживания связи со сторонами и начала освещения осуществления полного прекращения вооружённого насилия во всех его формах и всеми сторонами до развёртывания миссии.

Продолжение таблицы на стр. 40

Продолжение таблицы

Наименование документа	содержание
Резолюция 2043 (2012 г.), принятая Советом Безопасности на его 6756-м заседании 21 апреля 2012 г.	<i>осуждает</i> широкомасштабные нарушения прав человека сирийскими властями и любые нарушения прав человека вооружёнными группами призывает все стороны в Сирии, включая оппозицию, немедленно прекратить любое вооруженное насилие во всех его формах; <i>постановляет</i> создать на первоначальный период в 90 дней миссию ООН по наблюдению в Сирии (МООННС) под командованием главного военного наблюдателя и в составе первоначально развёртываемых невооружённых военных наблюдателей численностью до 300 человек, а также надлежащего гражданского компонента
Резолюция Совета Безопасности ООН № 2118 (2013 г.) о постановке под международный контроль и ликвидации сирийской программы химического оружия, принятая на заседании СБ ООН 27 сентября 2013 г.	<i>постановляет</i>, что применение химического оружия где бы то ни было представляет собой угрозу международному миру и безопасности; <i>осуждает</i> самым решительным образом любое применение химического оружия в Сирийской Арабской Республике, в частности, нападение 21 августа 2013 г., в нарушении международного права; <i>одобряет</i> решение Исполнительного совета ОЗХО по быстрой ликвидации программы Сирийской Арабской Республики по химическому оружию и соответствующей строгой проверке этого, и призывает к её скорейшей и как можно более безопасной полной ликвидации; <i>постановляет</i>, что Сирийская Арабская Республика не должна применять, разрабатывать, производить, иным образом приобретать, накапливать или хранить химическое оружие или передавать прямо или косвенно химическое оружие другим государствам или негосударственным субъектам; <i>обращает особое внимание</i> на то, что ни одна из сторон в Сирии не должна применять, разрабатывать, производить, приобретать, накапливать, хранить или передавать химическое оружие.
Резолюция 2199 (2015 г.), принятая Советом Безопасности на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г.	<i>подтверждает</i> свою главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, что терроризм во всех его формах и проявлениях представляет собой одну из самых серьёзных угроз международному миру и безопасности;

Продолжение таблицы на стр. 41

Окончание таблицы

Наименование документа	содержание
Резолюция 2199 (2015 г.), принятая Советом Безопасности на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г.	<i>выражает</i> свою глубокую обеспокоенность по поводу того, что нефтяные месторождения и связанная с ними инфраструктура, а также другие объекты инфраструктуры, такие, как плотины и электростанции, находящиеся под контролем ИГИЛ, ФАН и, возможно, других лиц, групп, предприятий и организаций, связанных с «Аль-Каидой», наряду с вымогательством, частными иностранными пожертвованиями, похищением людей с целью получения выкупа и кражей денег на контролируемой ими территории являются для этих групп источником значительной доли поступлений, за счёт которых финансируется их деятельность по вербовке и укрепляется их оперативная способность организовывать и осуществлять террористические акты, <i>осуждает</i> всякое участие в прямой или не прямой торговле, в частности, нефтью и нефтепродуктами, а также блочными нефтеперегонными установками и связанными с ними материальными средствами, с ИГИЛ, ФАН
Резолюция 2249 (2015 г.), принятая Советом Безопасности на его 7565-м заседании 20 ноября 2015 г.	<i>подтверждает</i>, что терроризм во всех формах и проявлениях представляет собой одну из самых серьёзных угроз международному миру и безопасности, что ИГИЛ, Фронт «Ан-Нусра» (ФАН) и все другие лица, группы, предприятия и организации, связанные с «Аль-Каидой» – глобальная и беспрецедентная угроза международному миру и безопасности; безоговорочно и самым решительным образом <i>осуждает</i> совершённые ИГИЛ террористические нападения; <i>настоятельно призывает</i> государства–члены активизировать свои усилия по перекрытию притока иностранных боевиков–террористов в Ирак и Сирию и предотвращать и пресекать финансирование терроризма.

Из таблицы видно, что Совет безопасности, реагируя на инциденты, фактически ограничивается самим фактом обсуждения той или иной проблемы, что действительно очень важно – это уникальная возможность оценки рисков через сопоставление изложенных принципиальных подходов того или иного государства к актуальным международным проблемам для проведения двусторонних контактов по их локализации. Сами же решения сводятся, в лучшем случае, к осуждению тех или иных действий и различным призывам.

В связи с отсутствием действенного превентивного, локализационного и ликвидирующего международного механизма безопасности, и с учётом тенденции к превращению конфликта в Сирии в региональный и глобальный существенную роль начинают играть инициативные, неформальные встречи групп государств. Так, в октябре 2015 г. в Вене состоялась две встречи – сначала «четвёрки»: России, США, Саудовской Аравии и Турции, а затем почти 20 государств, а также представителей Лиги арабских государств (ЛАГ), Организации исламского сотрудниче-

ства (ОИС) и ЕС. Представляется что такой пример важен для повышения эффективности международной системы безопасности: согласованные предложения участников этих переговоров вполне могут быть превращены в нормативный акт Совета безопасности. Несмотря на имеющиеся разногласия, в Вене было достигнуто взаимопонимание о необходимости проведения встречи представителей Правительства Сирии и сирийской оппозиции для запуска политического процесса, ведущего к созданию пользующегося доверием, инклюзивного, без конфессиональных предпочтений, управления с последующим принятием новой конституции и проведением выборов.

Дестабилизирующее воздействие на мировой порядок трансформировавшегося внутреннего, этноконфессионального сирийского конфликта в региональный и глобальный, кардинальное качественное изменение его содержания настоятельно требует активизации совместной деятельности мирового сообщества по его разрешению. Прообразом и одновременно важнейшей несущей конструкцией обновляющейся системы международной безопасности вполне может стать международная антитеррористическая коалиция без политизации и предварительных условий, сеть механизмов и соглашений, создаваемых её участниками.

Саймонс Г.

Создание альтернативной реальности: западные нарративы о вмешательстве России в Сирийский конфликт

Однажды продюсер Би-Би-Си отметил в своей статье, что «в совре-

менную эпоху средства массовой информации, несомненно, являются орудием войны, т.к. победа в войне в наименьшей степени зависит от умения формировать общественное мнение дома и за рубежом, чем от победы над врагом на полях сражений» [93, р. 81]. Внутри геополитического информационного конфликта есть два аспекта использования информации: наступательный и оборонительный. Внутри информационного пространства они существуют одновременно и усиливают друг друга. Наступательный аспект связан с проникновением в информационное пространство цели посредством своего сообщения, которое по своему предназначению должно ниспровергнуть оппонента, подрывая его нематериальные активы, что ослабляет возможность их оперативно-го использования. Сюда также входит атака на контрнарратив оппонента и способность эффективно обмениваться информацией. Что касается оборонительного аспекта, то информация используется для поддержки и защиты нарратива нападающей стороны и способности эффективно обмениваться информацией, т.е. защищать свои собственные нематериальные активы, что позволит обеспечить большую свободу действий в том, что касается оперативных соображений и возможностей.

Признание существования геополитического аспекта было сделано в выпущенной на скорую руку работе Гарвардского института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди, в которой нет ни грамма научности (например, необходимость указания источника) и выдвинуто обвинение против России в нарушении геополитического статус-кво [85].

По мнению экспертов, в статьях о России наблюдаются некие общие подходы, где собранные воедино ключевые слова, слоганы и технологии формируют негативный образ России и её предполагаемых намерений [91]. Антироссийский уклон отмечен и в других статьях. К ним относятся и такие уважаемые медиа-источники, как Нью-Йорк Таймс [83], где появился ряд легко опознаваемых западных нарративов о вмешательстве России в Сирийский конфликт. Такое разнообразие свидетельствует о наличии разногласий у западной публики, которая стремится ориентироваться на нормы и ценности в попытках определить, соответствуют ли действия России интересам безопасности Запада, или противоречат им. Упомянутые выше наступательный и оборонительный аспекты использования информации легко прослеживаются в этом геополитическом конфликте.

Причина гуманитарной катастрофы и эскалации

Есть целый ряд статей, где говорится о гибели мирного населения в результате авиаударов российской авиации. В некоторых из них утверждается, что неуправляемые снаряды убивают всё гражданское население без разбора. Источником подобных голословных утверждений является «НПО» «Сирийская обсерватория прав человека» [97]. При этом достаточно интересным является тот факт, что за год бомбёжек Западными вооружёнными силами и более чем 20000 сброшенных бомб Обсерватория ни разу не сообщила ни об одном случае гибели среди мирного населения. В результате этого возникла дискуссия о том, как

«уберечь» гражданское население от авиаударов именно России [84]. И никаких дебатов в Западных СМИ по поводу защиты гражданского населения Йемена от непрерывных авиаударов Саудовской Аравии, что ещё раз иллюстрирует избирательную природу критических заявлений.

Затем последовали истории о предполагаемых последствиях российских авиаударов. Одна из них – голословное утверждение о том, что именно это стало причиной массового бегства гражданского населения с этих территорий в Европу [73]. Другими словами, месяц авиаударов России сделал больше, чем четыре года подрывной деятельности Запада и поддержки им вооружённых восстаний. Ещё одна подборка историй рассказывает о русском «плане действий» или «стратегии игры» Москвы и часто даже заходит ещё дальше, напрямую ассоциируя его с Путиным. Запоминающиеся фразы типа: «русские сапоги уже на месте», «российские планы – фактор, изменяющий правила игры», «гамбит России», и т.п. используются в попытках спрогнозировать российскую угрозу и агрессию [81; 94; 103; 99]. Ещё одна претензия касается утверждений о том, что российские военные используют Сирию как полигон для испытания российских систем вооружения и тактических схем [88]. Другими словами, создаётся впечатление, что действия России продиктованы исключительно собственными интересами, а не поддержкой союзника, который является мишенью для прозападных попыток свергнуть режим. Впоследствии была осуществлена попытка усилить эту тему статьёй в Нью-Йорк Таймс, где сделан вывод, что Путин весьма холодно принял Асада: «Президент Рос-

сии Путин весьма пренебрежительно беседовал с опальным лидером Сирии Башаром аль-Асадом и мало озабочен его дальнейшей судьбой» [88]. И всё же представленное «доказательство» выглядит в лучшем случае необоснованно.

Один из самых популярных нарративов заключается в том, что целью России является не ИГИЛ, а «умеренные» повстанцы, поддерживаемые США [69]. Этот нарратив был скомпрометирован тем, что недавно США отказались от программы подготовки и оснащения «умеренных» повстанцев из-за того, что количество умеренных было недостаточным, и из-за дезертирства тех, кого они подготовили в Аль-Каиду и ИГИЛ. Были также попытки представить умеренными повстанцев Аль-Нусры, даже несмотря на то, что они являются подразделением Аль-Кайды.

Ещё одна привычная тема в западных СМИ – представлять вмешательство России как конфронтационное, обостряющее конфликт и всё же, в конце концов, обречённое на провал. Примеры, иллюстрирующие первую часть, имеют тенденцию к изображению России как преднамеренно конфронтационной по отношению к Западу и США в особенности [65; 97]. В одной статье были проведены параллели между вмешательством России в Сирийский конфликт и Испанией 1938 г. / Сараево в июне 1914 г. В ней утверждается, что Россия потенциально может разжечь гораздо больший конфликт, вступая в прямую конфронтацию с НАТО. При этом Путина обвиняют в том, что он «достаточно самонадеян», когда «пытается довести до крайности США и Запад» [101].

Многие предположения, сделанные в той статье, были достаточно высокими, создавая впечатление, что едва ли противоположную сторону попытаются понять. Останутся ли США безучастными к попыткам иностранных держав напасть на одного из её союзников с целью смены режима?

Эскалации конфликта в Сирии из-за действий России посвящено множество статей [59; 64; 76], где источники остаются анонимными, кавычками пользуются, как захочется, не забывают и о привычных страшилках. Особенно много страшных историй о России в блогах БлогМаер (the BlogMire blogs). В конечном счете, действия России осуждаются, поскольку они обречены на успех [60; 63; 90]. Интересно отметить, что действия России по поддержке правительства Сирии описываются как «вмешательство», в то время как незаконное ниспровержение Западом того же правительства считается «легитимным».

В очевидной попытке найти подтверждения провалу военной операции России в Сирии тщательный анализ военных действий подвергается пристальному исследованию и критике. Например, истории начали появляться уже через месяц после начала военных действий [86; 102]. Выводы намеренно делаются только в поддержку предположения, что миссия обречена на провал, произойдёт эскалация конфликта, будет много жертв среди гражданского населения. Однако, несмотря на то, что негативно в адрес России высказывается большинство Западных СМИ, есть и те, кто настроен по-другому.

Нестандартные аргументы

Сюда относится разнообразие историй, в центре которых целый ряд вопросов: положительная роль России в Сирии, предвзятое отношение к России и пропаганда против неё, а также негативные аспекты Западного вмешательства. К первой из упомянутых категорий относится ряд статей, где положительная роль России очевидна [104]. К ним относится статья Гардиан о предложении России, сделанном в 2012 г., заставить Асада уступить свой пост. Однако Запад отверг это предложение, поскольку казалось, что Асад и так едва держится [62]. Британский таблоид «Экспресс» дал очень позитивную оценку авиаударам России. Он утверждал, что джихадисты деморализованы и отступают. Однако, в то же самое время, без упоминания каких-либо надежных источников таблоид уведомил о том, что Россия собирается ввести в действие войска численностью 150 000 человек (используя нарратив «жестокий диктатор» против «про-демократически настроенных» повстанцев) [75]. Подобных статей меньшинство, но создаётся впечатление, что они созвучны настроениям части западной публики.

Есть статьи, где участие Запада в Сирийском конфликте подвергается критике. Например, публицистическая статья, полемизирующая с редакторской позицией, которая указала на лицемерие Запада и отметила, что у него недостаточно высокоморальная позиция, чтобы критиковать Россию. Автор этой статьи подробно рассматривает утверждение о том, что у России нет полномочий присутствовать в Сирии. Он указывает на тот факт,

что Россия получила приглашение от законного правительства, в то время как международный альянс, возглавляемый США, пытающийся сменить режим в Сирии, таких приглашений не получал [74]. Среди других подобных статей – история о том, что США создали оружие, которое начало появляться на полях сражений в Сирии сразу после вмешательства России, например, противотанковые ракеты [61]. Статей подобного типа – немного.

Рассмотрим заключительную категорию Западной пропаганды и предвзято поданной информации. К этим историям относится анализ нарратива «праведность США против несправедности России» [95]. В некоторых слоях западного общества растёт тревога в связи с уровнем и качеством журналистики, особенно, когда речь заходит об описании действий России или о ней самой [82]. В некоторых статьях даже фигурирует критика, высказанная Россией в ответ на критику Запада в свой адрес. Например, статья в Вашингтон Таймс, где утверждается, что обвинения в бомбежке гражданского населения необходимо либо доказать, либо прекратить выступать с подобными заявлениями (эти обвинения главным образом делаются на основании «информации», предоставленной Сирийской обсерваторией прав человека) [77].

Вывод

Ясно, Россия бросила вызов глобальной гегемонии США, существующей с конца холодной войны (1991 г.). Одно из событий, которое наглядно это продемонстрировало, – Российское военное вмешательство в Сирийский конфликт, застигнувшее Запад

врасплох. Подобный рост геополитического соперничества вызвал дальнейшее усиление информационной войны, существовавшей до этого события в Сирии. В отличие от предыдущих событий, США ведёт негативную политическую пиар-компанию, в которой используются меры скорее информационного нападения, чем защиты.

Манойло А.В.

Сирийский вектор «Русской весны»

30 сентября 2015 г. по просьбе руководства Сирии и по согласованию с ним Россия начала воздушную операцию ограниченного контингента своих Воздушно-космических сил (ВКС) против международной террористической организации «Исламское государство» (ИГ) и других экстремистских организаций, захвативших в течение последних трёх лет большую часть территории Сирии, а также значительную часть Ирака. Как отмечает А.И. Гушер, «решение российского руководства по Сирии было просчитанным и стратегически обоснованным, а для многих зарубежных «партнёров» России ещё и неожиданным» [19] – это тот самый асимметричный ответ экспансии США и их союзникам, которые пытаются подчинить себе волю российского народа санкциями, угрозами, развязыванием вооружённых конфликтов у границ страны, попытками применения технологий цветных революций, информационной войной.

Сегодня, давая оценку совместным военным успехам России и Сирии в борьбе с международным терроризмом, многие эксперты продолжают задаваться вопросом: зачем Россия,

находясь в сложном международном положении и переживая острый экономический кризис, ввязалась в военный конфликт между режимом Асада и «сирийской умеренной оппозицией», из состава которой Соединённые Штаты только недавно исключили «Исламское государство» (ИГ). По данным Генерального штаба ВС России, всего за один месяц российские самолеты в Сирии совершили 1391 боевой вылет, уничтожив при этом 1623 объекта боевиков [17]. Кроме того, 7 октября 2015 г. по выявленным стационарным объектам военной инфраструктуры террористов на сирийской территории был нанесён удар 26 крылатыми ракетами «Калибр» с кораблей и катеров Каспийской флотилии ВМФ России. Начало военной операции, успешное для российско-сирийской коалиции, население России восприняло с несомненным энтузиазмом: Сирия – не Украина, она далеко, и для большинства российских граждан эта война воспринимается как увлекательная компьютерная игра. Действительно, российская авиация «бесконтактно» поражает цели на территориях, контролируемых ИГ, «Джабхат ан-Нусра» и другими исламистскими группировками; под ударами ВКС РФ террористы бегут, оставляя свои долговременные укрепленные позиции; «прокачанные» ракеты класса земля-поверхность «Калибр», запущенные с кораблей Каспийской военной флотилии, поражают цели на территории Сирии, предварительно пролетев над Ираном, Ираком и позициями сирийской армии. Всё это, несомненно, выглядит эффектно, подчёркивает значительно возросшую эффективность российских вооружённых сил и вызывает обоснованные

опасения у наших военно-политических соперников. Особенно их поразил «краш-тест» российских крылатых ракет, долетевших от Каспия до Сирии: сначала в западных СМИ просто отказывались верить в то, что российские ракеты способны летать на такие расстояния, и все ждали сообщения от Ирана о том, что всё, запущенное с Каспия, попадало на его территории; затем эта позиция сменилась откровенно паническими настроениями, которые волшебным образом увеличили и боевые возможности, и дальность новейших российских «крылаток»: теперь, по мнению западных СМИ, они в состоянии долететь до Нью-Йорка и Вашингтона «без дозаправки в воздухе».

Война в Сирии – всего лишь часть процессов, которые охватили весь Ближний Восток и Северную Африку после «цунами» так называемых революций «Арабской весны», уничтоживших светские режимы в целом ряде стран, являвшихся лидерами Арабского мира – в Египте, Ливии, и практически уничтоживших светский режим в Сирии. Одновременно с этим под напором «Арабской весны» была уничтожена система коллективной безопасности, позволявшая светским режимам Сирии, Ливии, Туниса, Египта и др. стран десятилетиями сдерживать натиск исламистов, жестоко подавлять любые попытки террористов вмешаться в мирную жизнь. Сегодня уже очевидно, что революции «Арабской весны» истинными революциями как раз и не были, это англосаксонские технологии организации государственных переворотов, известные во всем мире под названием революций «цветных». США, решившие в конце

2010 г. реформировать весь Арабский восток, погрузив его с помощью цветных революций в «управляемый хаос», преследовали свои цели: они надеялись тем самым обеспечить себе надёжный стратегический тыл в преддверии готовившейся ими наземной военной операции против Ирана. Именно поэтому удар цветных революций пришёлся сначала на Ливию, с которой США так и не удалось договориться по принципиальным вопросам, даже несмотря на беспрецедентное сближение двух стран в 2008–2009 гг., в ходе которого США уже практически согласились признать режим Каддафи легитимным; а затем – на алавитскую Сирию, которая была на тот момент единственным военно-политическим союзником Ирана на Ближнем Востоке, представленном, в основном, суннитскими политическими режимами. Этот удар был настолько силен, что в мае 2012 г. никто не давал режиму Асада больше двух недель существования. Несомненно, так бы оно и было, если бы не одно «но»: уже в сентябре стратегические планы США в регионе поменялись (наземную операцию против Ирана пришлось отложить) и Вашингтон временно потерял к Сирии интерес. Это и позволило Асаду выжить, а всему остальному миру говорить о том, что в Сирии по неизвестным причинам цветная революция «забуксовала» – впервые за всю историю «Арабской весны».

Как известно, цветные революции не решили проблему с «демократизацией» Арабского востока – они лишь разрушили политическую жизнь арабских стран и полностью демонтировали светские политические режимы, систему политических институтов,

образовав «вакуум» власти. В образовавшийся «вакуум» хлынули те самые силы, которые светские режимы Туниса, Ливии, Египта, Сирии и других стран жестоко и бескомпромиссно подавляли на протяжении 30–40 лет: этими силами стали исламисты и террористы. В Египет в результате «Арабской весны» пришли «Братья-мусульмане»; в Сирии против Башара Асада выступили джихадисты со всего мира, основной ударной силой т.н. «Сирийской свободной армии» стали отряды сирийской ячейки Аль-Кайды, а впоследствии к этим силам присоединилось ИГИЛ. Американцы, к этому моменту потерявшие интерес к Тунису, Египту, Ливии (там вообще после свержения Каддафи всё было пущено на самотёк, кроме распределения нефтяных контрактов), стали активно сотрудничать с антиасадовскими силами, видя в них инструмент «окончательного решения сирийского вопроса». При этом США проявили характерную для них гибкость, выстраивая партнерские отношения с теми самыми силами, против которых они много лет воевали в Афганистане, Ираке и по всему миру: с Аль-Кайдой и Талибаном, боевики которых сформировали ядро исламистских группировок, объединённых западными политтехнологами под единым брендом «Сирийской свободной армии», а впоследствии – под брендом «умеренной сирийской оппозиции». В этом нет ничего удивительного: в Афганистане между США и талибами также выстроились отношения «стратегического партнёрства», создававшие в течение многих лет иллюзию непримиримой борьбы США с международным терроризмом и, одновременно, оправдывавшей присут-

ствие американских и натовских войск на земле суверенного Афганистана. В Сирии и Ираке американцы всего лишь повторили привычный для них формат сотрудничества с исламистами – на фоне общей имитации борьбы с ними. Учитывая, что и Аль-Кайда, и ИГ изначально создавались при прямом участии Соединённых Штатов и были их политтехнологическим «проектом», нет ничего удивительного в том, что определённое чувство «родства» между исламистами и США сохранилось, что не может не способствовать их сближению при решении общих целей и задач.

В Сирии режиму Башара Асада противостоит международный террористический интернационал, состоящий из ИГ, различных региональных группировок сетевой террористической организации Аль-Кайда и прочего сброда из террористов, исламистов, наёмников и просто бандитов, гордо именуемых Соединёнными Штатами «умеренной сирийской оппозицией». Наиболее опасной из них, в контексте текущей политической ситуации в регионе, является ИГ, но при этом сразу следует оговориться: помимо ИГ, против Асада действует около сотни исламистских группировок, большинство из них ничем от ИГ не отличаются (найдите десять отличий между ИГ и Джабхат ан-Нусрой), поэтому их часто путают; три-четыре группировки, входящие в т.н. «умеренную оппозицию» и конфликтующие с ИГ (такие как Джабхат ан-Нусра, боевое крыло сирийской ячейки Аль-Кайды), по боевой мощи приближаются к ИГ или даже превосходят его по числу боевиков (так, у фронта Ан-Нусры не меньше 45 тысяч боевиков – это срав-

нимо с ИГ или даже превосходит ИГ по численности).

ИГ самим фактом своего существования обязано внешней политике США, которые в 2006 г. создали эту группировку на базе иракской ячейки Аль-Кайды для борьбы с режимом Башара Асада; кадровым ядром боевых подразделений ИГ стали солдаты и офицеры бывшей иракской армии, от которых отказалось новое правительство Ирака. Важно понимать, что на жёсткой политике десуннизации и «дебаасизации» послевоенного Ирака настаивало не шиитское большинство – настаивали именно Соединённые Штаты, создавшие, тем самым, ресурсную базу для набирающего силу исламистского движения нового типа. В результате этой непродуманной политики Соединённых Штатов (а, может, напротив, очень продуманной и просчитанной) ИГ контролирует до 70 % территории Сирии, значительную часть Ирака; располагает боевой силой в виде 40–50 тысяч отборной пехоты, не испытывает проблем с оружием, которое оно получает в виде «спонсорской помощи» от стран, использующих ИГ в своих целях, или закупает за валюту, полученную от продажи Турции нефти по демпинговым ценам, или получает от самих американцев, которые очень часто путают группировки, относящиеся к ИГ и к поддерживаемой США «умеренной оппозиции»; обладает развитой системой военно-гражданской администрации, созданной ими на захваченных территориях. Все это позволяет ИГ вести наступательные действия одновременно сразу по четырём стратегическим направлениям, что подчёркивает военно-экономический потенциал этой группировки.

Боле того, ИГ постепенно превращается в ядро сетевой организации – своеобразной террористической «федерации», в которую на правах полного иерархического подчинения входят различные исламистские группировки, действующие в Азии Африке, Европе – такие, как узбекская Хизб-ут-Тахрир, нигерийская Аш-Шабаб, и даже некоторые ячейки Аль-Кайды: так, йеменская ячейка Аль-Кайды в 2014 г. официально признала «верховенство» ИГ.

Вместе с тем, сами сирийцы утверждают, что ИГ – это, во многом, растиражированный бренд; его опасность никто не отрицает, но при этом подчёркивается, что среди «умеренной оппозиции» есть группировки, более опасные, многочисленные и жестокие, чем ИГ. Речь идет о Джабхат ан-Нусре, сирийской ячейке Аль-Кайды. Именно эти группировки Запад стремится накрыть «зонтиком» «умеренной сирийской оппозиции», рассчитывая с помощью этих сил окончательно подавить режим Асада, а Россия наносит по их позициям воздушные удары. В этом плане американцы проявляют повышенную нервозность, поскольку речь идёт о том, что Россия своими ударами уничтожает их собственный проект, их «активы», в формирование, подготовку и вооружения которых Соединёнными Штатами вложены огромные деньги. Прямое требование США «прекратить уничтожать наши активы в Сирии» вызвано не столько опасениями потерять в лице сирийских исламистов удобные инструменты «грязного» решения собственных внешнеполитических проблем, сколько попыткой понять, кто же будет компенсировать ущерб от утраченных ин-

вестиций, вложенных в радикальные формирования, успешно уничтожаемые в настоящее время российской авиацией, если Россия их полностью уничтожит. В последнем случае деньги американских налогоплательщиков в очередной раз «развеются по ветру».

В Сирии боевые действия развиваются сразу в двух частях страны: сирийская армия, поддерживаемая с воздуха российскими ВКС, наступает сразу по трём направлениям – в провинции Латакия, провинции Хома и в провинции Алеппо; недавно российские ВКС нанесли удары по целям в провинции Идлиб и Ракка; с севера наступление на непризнанную столицу ИГ город Эр Ракку готовят США, собравшие для этого сирийских курдов (Демократический союз), христиан-ассирийцев (Высший военный совет) и присоединив к ним несколько мелких группировок из числа «умеренной сирийской оппозиции», давших свое согласие поддержать наступление. Россия успешно наносит удары по объектам ИГ и других исламистских группировок, значительная часть которых, несмотря на явную связь с Аль-Каидой, входит в состав «умеренной оппозиции», поддерживаемой США. Сирийская армия после ударов российской авиации по позициям ИГ (в основном это огневые точки и бункеры, расположенные на господствующих высотах) планомерно зачищает пространство, заполненное разбежавшимися и рассредоточившимися на местности боевиками ИГ, продвигаясь медленно, часто встречая ожесточённое сопротивление и отбивая контратаки. Контролируя к моменту начала Россией воздушно-космической операции не более 14% территории госу-

дарства, сирийская армия в настоящий момент взяла под свой контроль уже около трети всей территории страны. Сирийских солдат в этом наступлении поддерживает корпус иранских (бригада «аль-Кудс») и ливанских (Хезбалла) добровольцев, начитывающий примерно 50–60 тыс. бойцов.

Сирийская армия, отвечающая за наземную фазу операции против ИГ, – это самая крупная (и, фактически, единственная) организованная сила, выступающая против ИГ и террористического интернационала. Состоит она в основном из алавитских частей, которые сохраняют верность Асаду и будут бороться с ИГ до конца. Помимо алавитов, на стороне Асада выступают исмаилиты, часть друзов, христиане, небольшая часть суннитов и часть шиитов-джафаритов, что составляет 40–50% населения страны. Одной из причин стойкости алавитских частей (двух отдельных бригад, двух дивизий, ряда отдельных частей и формирований, подразделений государственной безопасности, контрразведки ВВС) заключается в понимании того, что для них эта война ведётся за выживание: ИГ, входя в населённые пункты, вырезает всех, не принадлежащих к суннитской ветви ислама. Алавиты же – шиитская секта, которая представляет собой любопытную смесь ислама и христианства. Вместе с тем, сирийская армия слишком малочисленна для того, чтобы добиться в одиночку решающего перевеса над вооружёнными формированиями исламистов. Вот почему Россия, начав с согласия сирийской власти воздушно-космическую операцию против ИГ и других террористических группировок, возродила надежду у народов, населяющих Си-

рию, в том, что на эту землю наконец-то придёт мир, утраченный с началом «Арабской весны».

Гражданская война в Сирии, берущая свое начало в событиях «Арабской весны», с 2011 г. развивалась нелинейно, с различной интенсивностью: так, в период интенсивного развития украинского кризиса 2013–2015 гг. вооруженный конфликт в Сирии был фактически заморожен, поскольку ни мятежникам, ни правительственным войскам в сущности не хватало сил для достижения решающего перевеса в вооруженном противостоянии. Попытки США пустить сирийский конфликт по ливийскому сценарию, проведя через СБ ООН резолюцию, разрешающую военную интервенцию, к результату не привели: Россия и Китай заблокировали прохождение подобной резолюции. Затем США несколько раз предпринимали попытки найти новые поводы – уже подзаконные – для вторжения в Сирию и повторения в ней иракского сценария: в Сирии было обнаружено химическое оружие, от которого США спасла всё та же Россия, организовавшая программу его утилизации; затем были зафиксированы обстрелы турецкой территории, ответственность за которые была возложена на сирийскую армию. Но это тоже не привело к открытому вторжению экспедиционных войск западных стран в Сирию: вспыхнула Украина, и противостояние США и РФ переместилось на новую площадку, о Сирии временно забыли, и война там носила позиционный характер до тех пор, пока не набрало силу ИГ. Сегодня ИГ – крупнейшая угроза международной безопасности, в том числе в геополитическом плане, поскольку ИГ формирует на захваченных террито-

риях исламский халифат – протогосударственное образование нового типа, а противостоит этой угрозе Российская Федерация, развернувшая в октябре 2015 г. воздушную операцию в Сирии (с разрешения сирийского правительства), сирийский режим Башара Асада, иранские и ливанские добровольцы, шиитское ополчение в Ираке, пешмерга и другие курдские группировки в иракском Курдистане, сирийские курды, поддерживающие в целом режим Асада, египетская армия на Синае и вооруженные отряды бывших оппозиционеров (режиму Каддафи) в Сирте (Ливия). При этом действия России в Сирии, воюющей против международных террористов, натываются на острую критику и даже угрозы со стороны США, Турции, КСА и других военно-политических союзников Вашингтона, которые настолько недовольны усилением геополитической роли России в регионе, что готовы встать на защиту исламистов и террористов (по крайней мере, из лагеря так называемой «умеренной оппозиции»).

Для России военная операция в Сирии важна тем, что благодаря этому незаурядном внешнеполитическому ходу, ставшему неожиданным для США и во-многом спутавшему их планы в регионе, Россия фактически перехватила у Запада стратегическую инициативу на Большом Ближнем Востоке. В попытке её вернуть США спешно готовят наступление курдов, ассирийцев и собственного спецназа на Ракку (нефтяную столицу Сирии и главный административный центр ИГ), надеясь показать, кто в борьбе с ИГ главный, и одновременно дать шанс исламистам «сдаться» и, тем самым, «сохранить себя для борьбы с

абсолютным злом – режимом Асада» (как американцы делали в 1945 г., разоружая немецкие дивизии и сохраняя их кадры в специальных лагерях для будущей войны с СССР). Но эта спешка со стороны США уже никого обмануть не может: лидеры арабских государств все как один потянулись в Москву, интуитивно понимая то, что журналисты журнала Шпигель недавно (в октябре 2015 г.) сформулировали в явном виде: «Эпоха доминирования Запада осталась позади, Америка больше не устанавливает порядок в мире и не гарантирует его» [99]. В Европе это тоже прекрасно видят: именно поэтому 25 октября 2015 г. в Вене, на встрече глав внешнеполитических ведомств России, США, Саудовской Аравии и Турции, было принято политическое решение «сохранить режим Асада» до бесспорной военной победы над ИГ.

Очень важно понимать, что именно Россия сегодня ставит жирную точку в сценарии «Арабской весны», погрузившей мирный Ближний Восток и Северную Африку в кровавый хаос и стоивший странам, ставшим жертвами технологий цветных революций, сотен тысяч жизней их граждан. Россия, показавшая на деле, что с исламистами не только нужно, но и можно бороться, развеявшая миф о непобедимости ИГ, сегодня повсеместно на Арабском востоке воспринимается как сила, способная гарантировать послевоенный миропорядок, который установится после победы над ИГ и Аль-Кайдой. Именно поэтому к России тянутся за помощью и защитой, Россия стала центром притяжения для всего Арабского мира, единственной силой, способной защитить от ИГ, цветных революций и «управляемого хаоса». Если бы не Рос-

сия, режим Асада бы через некоторое (не очень большое) время неизбежно бы пал, тем самым позволив американцам довести «Сирийскую весну» до финала, предусмотренного сценарием цветной революции. То, что этого не произошло, свидетельствует о том, что в мире появилась новая сила, способная дать решительный отпор цветным революциям, в какой бы форме и под каким бы идеологическим прикрытием они не применялись.

Абрамов А.В.

События в Сирии и консолидация российского общества (Заключительное слово)

Помимо тех аспектов, на которые обратили пристальное внимание участники «круглого стола», хотелось бы сказать ещё об одном измерении Сирийского кризиса: о его значении для внутренней политики России.

Начиная с 2014 г., российские социологи констатируют изменения политического сознания россиян. Выдержанная в конфронтационном духе политика Запада привела к небывалому сплочению общества, осознавшего возникшие внешнеполитические опасности и угрозы. Согласно социологическому опросу, проведенному в 2015 г. накануне Дня народного единства и согласия, за период с 2012 по 2015 гг. процент респондентов, согласных с тем, что в России есть народное единство, вырос вдвое: с 23 % до 54 % [13].

Если ещё два года назад главными объектами национальной гордости россиян были прошлое страны, спорт и культурные достижения, то есть,

хотя и важные, но неapolитические и, по преимуществу, неактуальные проблемы, то с 2014 г. власть предоставила гражданам возможность гордиться актуальной политикой России. Правда, в силу незначительного числа внутривнутриполитических успехов, эта гордость распространяется по преимуществу на внешнеполитический курс страны.

Первым в чреде событий, вызвавших рост патриотизма граждан нашей страны, было, разумеется, «возвращение домой» Крыма; вторым – операция российских Воздушно-космических сил в Сирии.

Еще в 2013 г. россияне живо интересовались событиями в Сирии. По данным ВЦИОМ, интерес к ситуации на Ближнем Востоке проявляли 68 % россиян. Важно отметить, что большая часть опрошенных (77 %) была прекрасно осведомлена о том, что именно позиция России предотвратила вооруженное вмешательство США [27].

Через два года интерес к сирийской проблеме не угас. Согласно опросу, проведенному в октябре 2015 г, доля интересующихся конфликтом осталась прежней – за ситуацией с той или иной периодичностью следят более двух третей россиян (68 %), в том числе 22 % – регулярно. При этом респонденты склонны винить в затяжной кровопролитной войне не столько ИГ (всего 14 % обвиняющих), сколько США и их союзников (56 %). Решение Президента В.В. Путина об отправке военной авиации для нанесения ударов по террористам большинство респондентов (64 %) одобряет, соглашаясь с официальной точкой зрения о том, что *России следует участвовать в сирийском конфликте, чтобы остановить исламских террористов на*

дальних подступах, а не на собственной территории.

Вместе с тем, большинство опрошенных убеждены, что помощь России Сирии должна быть дипломатической (44%), гуманитарно-экономической (41%), ограничиться воздушными ударами (40%) и поставкой оружия и боеприпасов (24 %). Сторонников участия России в наземной операции всего 5 % [34].

Данные общероссийской социологии дополняют результаты опроса, проведенного студентами факультета истории политологии и права МГОУ О. Сметским и С. Щербаковым. Среди опрошенных ими молодых людей, 90% полностью или частично согласны с позицией, занятой российским руководством в сирийском кризисе. Однако доля сторонников более решительного участия России в конфликте выше, чем в среднем по России. За участие российских сухопутных сил в Сирии выступают 40% респондентов¹.

Успешное участие воздушно-космических сил в антитеррористической операции в Сирии и, прежде всего, поражение целей крылатыми ракетами, запущенными из акватории Каспийского моря, существенно изменили мнение россиян об армии. Если в 1990 г. 34 % считали, что армия отстает от лучших армий мира, а 15 % говорили, что её боеспособность на очень низком уровне, то сегодня 32 % называют российскую армию самой эффективной и боеспособной в мире (в 1990 г. – 5 %), а 49 % уверены, что она стоит в ряду лучших [7].

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что сирийский кризис

¹ Текущий архив кафедры политологии и права МГОУ.

стал фактором консолидации российского общества и роста патриотизма граждан. Так, по сравнению с данными десятилетней давности, доля россиян, полагающих, что они уже живут или в ближайшее время будут жить в великой и сильной стране возросла с 52 % до 74 % [41].

Как представляется, в условиях информационно-аналитического журнала. 2015. № 44. С. 61–65.

4. Алковеppo Т. Сирийские христиане [Электронный ресурс] // InoSmi.ru. URL: <http://inosmi.ru/asia/20120322/188810287.html> (дата обращения: 29.10. 2015).

5. «Аль-Хайят»: Саудовская Аравия предложила план урегулирования сирийского кризиса [Электронный ресурс] // АРИ: Агентство русской информации. URL: <http://ari.ru/news/2015/08/09/al-hayyat-saudovskaya-araviya-predlozhila-plan-uregulirovaniya-siriyskogo-krizisa> (дата обращения: 28.10. 2015).

6. Арон Л. Как изменить позицию Путина // The Wall Street Journal. URL: <http://inosmi.ru/politic/20151126/234583104.html> (дата обращения: 12.12. 2015).

7. Армия России–2015 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 2954 от 15.10.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115431> (дата обращения 11.11. 2015)

8. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 2010. 256 с.

9. Бжезинский Зб. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Междунар. отношения, 2010. 192 с.

10. Бжезинский Зб. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М.: Десятовой; Астрель, 2012. 285 с.

11. Болотов С. США усомнились в своей способности управлять миром [Электронный ресурс] // Ридус. URL: www.ridus.ru/new/201626 (дата обращения 15.11. 2015).

12. Бортников: ряд стран толкают мир к глобальному конфликту с помощью ИГИЛ. [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/politics/russia/bortnikov_ryad_stran_tolkayut_mir_k_globalnomu

Таким образом, деятельность России в Сирии перестает быть лишь внешнеполитическим событием, но становится важным фактором внутренней политики и обеспечения внутренней безопасности страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айдрус И. Будущее карты транспортных артерий Сирии [Электронный ресурс] // РСМД. 18.04.2014. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3548#top-content (дата обращения: 23.10.2015).
2. Айдрус И. Военный конфликт в Сирии и его значение для мирового рынка нефти и газа [Электронный ресурс] // РСМД. 29.11.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2744#top-content (дата обращения: 23.10.2015).
3. Алексеев В. Новая сирийская стратегия Тегерана // Современный Иран. Ин-

- формационно-аналитический журнал. 2015. № 44. С. 61–65.
4. Алковеppo Т. Сирийские христиане [Электронный ресурс] // InoSmi.ru. URL: <http://inosmi.ru/asia/20120322/188810287.html> (дата обращения: 29.10. 2015).
5. «Аль-Хайят»: Саудовская Аравия предложила план урегулирования сирийского кризиса [Электронный ресурс] // АРИ: Агентство русской информации. URL: <http://ari.ru/news/2015/08/09/al-hayyat-saudovskaya-araviya-predlozhila-plan-uregulirovaniya-siriyskogo-krizisa> (дата обращения: 28.10. 2015).
6. Арон Л. Как изменить позицию Путина // The Wall Street Journal. URL: <http://inosmi.ru/politic/20151126/234583104.html> (дата обращения: 12.12. 2015).
7. Армия России–2015 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 2954 от 15.10.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115431> (дата обращения 11.11. 2015)
8. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 2010. 256 с.
9. Бжезинский Зб. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Междунар. отношения, 2010. 192 с.
10. Бжезинский Зб. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М.: Десятовой; Астрель, 2012. 285 с.
11. Болотов С. США усомнились в своей способности управлять миром [Электронный ресурс] // Ридус. URL: www.ridus.ru/new/201626 (дата обращения 15.11. 2015).
12. Бортников: ряд стран толкают мир к глобальному конфликту с помощью ИГИЛ. [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/politics/russia/bortnikov_ryad_stran_tolkayut_mir_k_globalnomu

- konfliktu_s_pomoshchyu_igil (дата обращения: 28.10.2015).
13. В трудные времена россияне объединяются // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 2966 (02.11.2015). URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115448> (дата обращения: 10.11.2015).
14. Васильев А.М. Иран как шиитская сверхдержава: реальные и мнимые вызовы // Азия и Африка сегодня. 2012. № 8. С. 3–7.
15. Вспоминая забытый геноцид [Электронный ресурс] // Фонд Варнава, март-апрель 2015. URL: <http://barnabasfund.ru/wp-content/uploads/2015/04/Vspominaya-zabyityiy-genotsid.pdf> (дата обращения: 01.12.2015).
16. Выиграет тот, кто наладит отношения с Ираном без оглядки на США: интервью Александра Князева [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. 23.11.2015. URL: <https://easdaily.com/news/2015/11/23/vyigraet-tot-kto-naladit-otnosheniya-s-iranom-bez-oglyadki-na-ssha-intervyu-aleksandra-knyazeva> (дата обращения: 23.11.2015).
17. Генштаб отчитался об итогах работы российских ВКС в Сирии за месяц [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2015, 30 окт. URL: <http://lenta.ru/news/2015/10/30/targets/> (дата обращения: 7.11.2015).
18. Грибанова Г.И., Луппов И.Ф. Противодействие терроризму как функция современного государства. Сыктывкар, 2009.
19. Гушер А.И. Геополитические и стратегические аспекты операции Воздушно-космических сил России в Сирии. // Конфликтология / nota bene. 2015. № 4. С. 12–18.
20. Ефимов В. Россия – Иран – Катар: Борьба за газовые рынки обостряется [Электронный ресурс] // Iran.ru. 12.03.2014. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/92846/Rossiia_Iran_Katar_Borba_zh_gazovye_rynki_obostryaetsya (дата обращения: 03.11.2015).
21. Звягельская И.Д. Архаизация и конфликты на Ближнем Востоке // Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка. М.: ИВ РАН, 2015.
22. Гришаева Л. Кризис миротворчества ООН // Обозреватель – Observer. 2008. № 4.
23. Зис К., Флауэрс М. Американская империя подходит к переломному моменту. США стали «величайшей угрозой для человечества». С этим пора кончать // Global Research. 2014. 22 июля.
24. Кузнецов А., Аджави Х. Ирано-саудовские отношения в 1979–2014 годах: между конфронтацией и диалогом [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/12226> (дата обращения: 05.12.2015).
25. Князев А. Карт-бланш. Тегеран-2015 рисует контуры нового Среднего Востока с участием Москвы [Электронный ресурс] // Независимая газета. 26. 11. 2015. URL: http://www.ng.ru/world/2015-11-26/3_kartblansh.html (дата обращения: 28.11.2015).
26. Комлева Н.А. Войны сверхдержав: от «горячих» к гибридным // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 1.
27. Конфликт в Сирии и политика России // ВЦИОМ: пресс-выпуск № 2438 от 24.10.2013. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114576> (дата обращения: 11.11.2015).
28. Лавров С.В. Раскол между суннитами и шиитами нельзя заместить подковёр [Электронный ресурс]. // Новая газета. URL: http://www.ng.ru/world/2013-11-20/8_raskol.htm (дата обращения: 01.12.2015).
29. Левонян А. Кто стоит за автономизацией сирийского Курдистана? [Электронный ресурс] // Еркрамас. URL: <http://www.yerkramas.org/article/?id=38584/anush-levonyan-kto-stoit-za-avtonomizaciej-sirijskogo-kurdistana> (дата обращения: 28.10.2015).

30. Мауджери Л. Двукратное «ура» доро-
гостоящей нефти [Электронный ре-
сурс] // Россия в глобальной политике.
03.07.2006. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6824 (дата обращения:
13.10.2014).
31. Махтади А. Иран и Сирия: история,
цели и будущее старых союзников
[Электронный ресурс] // Око плане-
ты. URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/114851-iran-i-siriya-istoriya-celi-i-budushee-staryh-soyuznikov.html>
(дата обращения: 21.09. 2015).
32. Месамед В.И. Иран и вероятность аме-
риканской операции в Сирии [Элек-
тронный ресурс] // Институт Ближ-
него Востока. 28.08.2013. URL: <http://www.iimes.ru/?p=18135>
<http://www.iimes.ru/?p=18135> (дата обращения:
12.11.2015).
33. Минин Г. Геополитика газа и сирий-
ский кризис [Электронный ресурс] //
Фонд стратегической культуры.
25.05.2013. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2013/05/29/geopolitika-gaza-i-sirijskij-krizis-20759.html> (дата обра-
щения: 03.10.2014).
34. Наши в Сирии: первый опрос // ВЦИОМ: пресс-выпуск № 2949 от
09.10.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115423> (дата обра-
щения: 10.12.2015).
35. ООН. Генеральная Ассамблея. Сес-
сия 47-я. 1992. Официальные отчёты:
Повестка дня для мира: превентивная
дипломатия и смежные вопросы [Элек-
тронный ресурс]. URL: [A/Res/47/120//
http://www.un.org/ru/siteindex/
agenda_forpeace.pdf](http://www.un.org/ru/siteindex/agenda_forpeace.pdf) (дата обращения:
10.11.2015)
36. Пан Ги Мун: сирийский кризис угро-
жает региональной и международной
безопасности [Электронный ресурс]
// Актуальные комментарии. URL:
http://actualcomment.ru/pan_gi_mun_siriyskiy_krizis_ugrozhaet_regionalnoy_i_mezhdunarodnoy_bezopasnosti.html
(дата обращения: 25.10.2015).
37. Панкратенко И.Н. Сирийский Сталин-
град Тегерана. // Современный Иран.
Информационно-аналитический жур-
нал. 2013. № 23. С. 51–57.
38. Подрывы газопровода на севере Егип-
та [Электронный ресурс] // РИА Но-
вости. 27.07.2011. URL: <http://ria.ru/spravka/20110704/397252362.html> (дата
обращения: 12.11.2015).
39. Противоречия между Катаром и Са-
удовской Аравией. [Электронный ре-
сурс] // Вопросик. URL: <http://voprosik.net/protivorechiya-mezhdu-katarom-i-saudovskoj-araviej/> (дата обращения:
12.11. 2015).
40. Путин В. Сирийская альтернатива // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19205> (дата обра-
щения: 29.10.2015)
41. Россия – великая держава?// ВЦИ-
ОМ: Пресс-выпуск №2570 от
24.04.2014. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114807> (дата обра-
щения: 12.08. 2015).
42. Сарабьев А.В. Кто удивлён вар-
варством в Пальмире? [Электрон-
ный ресурс] // Новое восточное
обозрение. 29.09.2015. URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/09/26/kto-udivlen-varvarstvom-v-pal-mire> (дата
обращения: 01.11.2015).
43. Сатановский Е. Война на территории
трубопроводов [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер. № 29
(345) от 28.10.2010. URL: <http://vpk-news.ru/articles/6608> (дата обращения:
27.11.2015).
44. Сатановский Е. Между кризисом
и катастрофой [Электронный ре-
сурс] // Россия в глобальной поли-
тике. 23.11.2015. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdu-krizisom-i-katastrofoi-17823> (дата обра-
щения: 27.11.2015).
45. Сатановский Е. Ядерное сотрудни-
чество, газовое соперничество [Элек-
тронный ресурс] // Военно-промыш-

- ленный курьер. № 40 (558) от 29.10.2014. URL: <http://vpk-news.ru/articles/22455> (дата обращения: 27.11.2015).
46. Сирийский трубопроводный узел [Электронный ресурс] // Мировая политика и ресурсы. 29.09.2015. URL: <http://www.wpru.ru/archives/4174> (дата обращения: 20.11.2015).
47. Сирия и Иран: состояние и перспективы отношений в свете глобальной политики. [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6425> (дата обращения: 23.09.2015).
48. Террористическая организация “Исламское государство”. Досье. [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/1264570> (дата обращения: 20.11.2015).
49. Томберг Р. И. Южный вектор российской газовой геополитики // Восточная аналитика. Ежегодник. 2011. М.: ИВ РАН, 2012. С. 100–105.
50. Филатов С. Вот нам сказали и правду [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/7614> (дата обращения: 12.11.2015).
51. Фридман Дж. Следующие сто лет. Прогноз событий XXI века. М.: ЭКСМО, 2010. 336 с.
52. Харланов А.С. Методология и инструментарий геоэкономического инкорпорирования металлургической отрасли России в мировой рынок: автореф. дисс... д. экон. наук. СПб, 2012.
53. Шанзер Дж. Саудовская Аравия – самый опасный игрок в сирийском кризисе [Электронный ресурс] // InoZpress. URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/35534> (дата обращения: 28.10.2015).
54. Шиитский полумесяц [Электронный ресурс] // Мировая политика и ресурсы. URL: <http://www.wpru.ru/archives/tag/jemen> (дата обращения: 21.09.2015).
55. Шегеев И.С. ИГИЛ и национальная безопасность России: оценка рисков и угроз // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 1.
56. Шейби Имад Фавзи. Сирия – центр газовой войны на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // Сеть Вольтер. Дамаск, 11.05.2012. URL: <http://www.voltairenet.org/article174109.html> (дата обращения: 20.11.2014).
57. Al-Tamimi, Aymenn. The Evolution in Islamic State Administration: The Documentary Evidence // Perspectives on Terrorism. 2015. Vol. 9. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/447/html> (accessed: 15.11.2015).
58. Arquilla John and Ronfeldt David. The Advent of Netwar: Analytical Background // Studies in Conflict and Terrorism. 1999. Vol. 22. № 3 (July-September). P. 194–195.
59. Baker P. Wary of Escalation in Syria, US is Waiting Out Putin's Moves [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/09/world/wary-of-escalation-the-us-is-waiting-out-putins-moves.html>, 8 October 2015 (accessed: 09.10.2015).
60. Baker P. & MacFarquhar N. Obama Sees Russia Failing in Syria Effort [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/03/world/middleeast/syria-russia-airstrikes.html>, 2 October 2015 (accessed: 05.10.2015).
61. Barnard A. & Shoumali K. US-Made Weaponry is Turning Syrian Conflict into Proxy War With Russia [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/13/world/middleeast/syria-russia-air-strikes.html>, 12 October 2015 (accessed: 13.10.2015).
62. Borger J. & Inzaurrealde B. West 'Ignored Russian Offer in 2012 to Have Assad Step Aside' [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/sep/15/west-ignored-russian-offer-in-2012-to-have-syrias>

- assad-step-aside, 15 September 2015 (accessed: 16.09.2015).
63. Boyer D. Obama is Adamant: Russian and Iranian Military Meddling 'Won't Work' in Syria [Электронный ресурс] // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/oct/16/obama-adamant-russian-and-iranian-military-meddling/>, 16 October 2015 (accessed: 19.10.2015).
64. Boyer D. Iranian Troops Move Into Syria as White House Blames Russia for Worsening Crisis [Электронный ресурс] // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/oct/1/iranian-troops-move-syria-white-house-blames-russi/?page=all>, 1 October 2015 (accessed: 02.10.2015).
65. Boyer D. & Scarborough R. White House Alarmed as Iraq Uses Intelligence Centre Operated by Russia, Iran and Syria: [Электронный ресурс] // Washington Times. URL: <http://www.washington-times.com/news/2015/oct/13/iraq-uses-intelligence-center-operated-by-russia-i/?page=all>, 13 October 2015 (accessed: 14.10.2015).
66. BP Statistical Review of World Energy June 2015 [Электронный ресурс] // BP Official Website. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 20.11.2015).
67. Bull H. The Anarchial Society. A Study of Order in World Politics. NY: Colombia univ. press, 1977.
68. Combs Cynthia. Terrorism in the 21st Century. Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall, 2002.
69. Cooper H., Gordon M. R. & MacFarquhar N. Russians Strike Targets in Syria, but Not ISIS Areas // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/01/world/europe/russia-airstrikes-syria.html>, 30 September 2015 (accessed: 01.10.2015).
70. Engdahl W. Genies and Genocide: Syria, Israel, Russia and Much Oil [Электронный ресурс] // New Eastern Outlook, 26.10.2015. URL: <http://journal-neo.org/2015/10/26/genies-and-genocide-syria-israel-russia-and-much-oil-2/> (accessed: 27.11.2015).
71. Engdahl W. Syria, Turkey, Israel and the Greater Middle East Energy War [Электронный ресурс] // Global Research. Centre for Research on Globalization. 11.10.2012. URL: <http://www.globalresearch.ca/syria-turkey-israel-and-the-greater-middle-east-energy-war/5307902> (accessed: 10.10.2014).
72. Engdahl W. The Secret Stupid Saudi-US Deal on Syria. Oil Gas Pipeline War. The Kerry-Abdullah Secret Deal // Global Research. October 26, 2014. URL: <http://www.globalresearch.ca/the-secret-stupid-saudi-us-deal-on-syria/5410130> (accessed: 24.11.2014).
73. Fahim K. & Samaan M. Violence in Syria Spurs a Huge Surge in Civilian Flight // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/27/world/middleeast/syria-russian-air-strike-refugees.html>, 26 October 2015 (accessed: 29.10.2015).
74. Galeotti M. West has Lost the Right to Lecture Putin // The Moscow Times. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/west-has-lost-the-right-to-lecture-putin-op-ed/540000.html>, 20 October 2015 (accessed: 29.10.2015).
75. Gutteridge N. Cowardly ISIS Jihadis Now Hiding in Mosques in Desperate Bid to Escape Putin's Bombers // Express. URL: <http://www.express.co.uk/news/world/610419/Islamic-State-ISIS-jihadis-hiding-mosques-Putin-Russian-airstrikes-Syria>, 7 October 2015 (accessed: 02.11.2015).
76. Howell K. Moscow to US, Allies: 'Prove or Deny' Russia is 'Bombing Civilians' // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/oct/27/moscow-us-allies-prove-or-deny-russia-bombing-civi/>, 27 October 2015 (accessed: 29.10.2015).

77. Howell K. John Kerry: Russian Build Up in Syria 'Could Further Escalate Conflict' // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/sep/5/john-kerry-russian-build-up-in-syria-could-further/>, 5 September 2015 (accessed: 06.09.2015).
78. Hunt M.N. Ideology and U.S. foreign policy. NY: Yale univ. press, 1987.
79. Islamic State mints its own 'Islamic Dinar' coins // Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/islamic-state/11694838/Islamic-State-mints-its-own-Islamic-Dinar-coins.html> (accessed: 25.10.2015).
80. Jawad R. Social Welfare and Religion in the Middle East: A Lebanese Perspective. Bristol: The Policy Press, 2009.
81. Kofman M. How Russia's Gambit in Syria Changes the Game // War on the Rocks. URL: <http://warontherocks.com/2015/09/how-russias-gambit-in-syria-changes-the-game/>, 21 September 2015 (accessed: 05.10.2015).
82. Korinth S. Krone-Schmalz kritisiert mangelnde Pressefreiheit in Deutschland // Telepolis. URL: <http://www.heise.de/tp/artikel/46/46276/1.html>, 15 October 2015 (accessed: 2.11.2015).
83. Marshall J. More Anti-Russian Bias at the NYT [Электронный ресурс] // Consortium News. URL: <https://consortiumnews.com/2015/09/30/more-anti-russian-bias-at-the-nyt/>, 30 September 2015 (accessed: 02.10.2015).
84. Mazzetti M. & Baker P. US is Debating Ways to Shield Syrian Civilians // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/23/world/middleeast/us-considering-ways-to-shield-syrian-civilians.html>, 22 October 2015 (accessed: 29.10.2015).
85. Mohseni P. Disrupting the Chessboard: Perspectives on the Russian Intervention in Syria, Cambridge (MA): Belfer Centre, Harvard University. October 2015.
86. Month Into Russia's Air Strikes, What has Changed? [Электронный ресурс] // Spacewar. URL: http://www.spacewar.com/reports/Month_into_Russias_Syria_strikes_what_has_changed_999.html, 30 October 2015 (accessed: 30.10.2015).
87. Myers S. L. & Barnard A. Bashar al-Assad Finds Chilly Embrace in Moscow Trip // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/22/us/politics/assad-finds-chilly-embrace-in-moscow-trip.html>, 21 October 2015 (accessed: 29.10.2015).
88. Myers S. L. & Schmitt E. Russian Military Uses Syria as a Proving Ground, and West Takes Notice [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/15/world/middleeast/russian-military-uses-syria-as-proving-ground-and-west-takes-notice.html>, 14 October 2015 (accessed: 15.10.2015).
89. Nebhay Stephanie. Islamic State-controlled parts of Syria, Iraq largely out of reach – Red Cross [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <http://uk.reuters.com/article/2015/03/13/mideast-crisis-syria-icrc-idUKKBN0M921X20150313> (accessed: 09.11.2015).
90. Nearly 600 Killed in Russian Air Strikes in Syria: Monitor // Spacewar. URL: http://www.spacewar.com/reports/Nearly_600_killed_in_Russian_strikes_in_Syria_monitor_999.html, 29 October 2015 (accessed: 30.10.2015).
91. O'Phobe R. A Media Primer on the Art of Writing Russian Scare Stories // Blogmire. URL: <http://www.theblogmire.com/a-media-primer-on-the-art-of-writing-russian-scare-stories/>, 14 September 2015 (accessed: 16.09.2015).
92. Olsen Matthew G. Remarks as Prepared. Brookings Institution // National Counterterrorism Center. URL: http://www.nctc.gov/docs/2014-09-03_remarks_for_the_brookings_institution.pdf (accessed: 23.11.2015).
93. Payne K. The Media as an Instrument of War // Parameters. 2005, Spring. P. 81–93.
94. Russian Troops 'Fighting Alongside As-

- sad's Army Against Syrian Rebels' // Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/11840713/Russian-troops-fighting-alongside-Assads-army-against-Syrian-rebels.html>, 2 September 2015 (accessed: 03.09.2015).
95. Ryan D., Western Spin Machines Functioning at Full Capacity on Syria // Journalitico. URL: <http://journalitico.com/2015/10/02/western-spin-machines-functioning-at-full-capacity-on-syria/>, 2 October 2015 (accessed: 07.10.2015).
96. Scarborough R., Vladimir Putin's Air War in Syria Could Veer into Collision Course With US // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/sep/30/vladimir-putin-campaign-in-syria-to-hit-targets-be/>, 30 September 2015 (accessed: 01.10.2015).
97. Scarborough R., Russia Outguns US in Syria // Washington Times. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/oct/25/russian-airstrikes-in-syria-target-assad-foes-not-/>, 25 October 2015 (accessed: 29.10.2015).
98. Sidway Ralph. Report: Turkey collaborating with the Islamic State // Jihad Watch. URL: <http://www.jihadwatch.org/2015/11/report-turkey-collaborating-with-the-islamic-state> (accessed: 28.11.2015).
99. Spiegel: Россия положила конец мировому господству США [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-10-12/Spiegel-Rossiya-polozhila-konec-mirovomu> (accessed: 07.11.2015).
100. Taylor G., Syrian Peace Plan May Hinge on Moscow's Game Plan // Washington Times. URL: <http://www.washington-times.com/news/2015/aug/30/syrian-peace-may-hinge-on-moscows-game-plan/?page=all>, 30 August 2015 (accessed: 31.08.2015).
101. Ullman H., Syria 2015: Spain 1938 or Sarajevo June 1914? // UPI. URL: http://www.upi.com/Top_News/Analysis/de-Borchgrave/2015/10/19/Syria-2015-Spain-1938-or-Sarajevo-June-1914/8941444843241/, 19 October 2015 (accessed: 20.10.2015).
102. Urban M., Russia's Syria Intervention: One Month In // BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-34658292>, 29 October 2015 (accessed: 30.10.2015).
103. Weiss M., Russia Puts Boots on the Ground in Syria // The Daily Beast. URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2015/09/01/russia-puts-boots-on-the-ground-in-syria.html>, 1 September 2015 (accessed: 03.09.2015).
104. Whitney M., Putin's "Endgame" in Syria // Counterpunch, <http://www.counterpunch.org/2015/10/09/putins-endgame-in-syria/>, 9 October 2015 (Accessed: 19.10.2015).
105. راجفنا يف ىحرجو ىلتق :نابل لاسرع يف (Ливан: убитые и раненые в результате взрыва в Эрсале) [Электронный ресурс] // Аль-Маядин. 05.11.2015. URL: <http://www.almayadeen.net/news/lebanon-rkE> (дата обращения: 06.11.2015).

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930 94(47).024

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-61-67

Грязнова О.А.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ ПОДХОДЕ К ИСТОРИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Аннотация. Появление новых государственных образований на территории бывшего СССР являлось глобальным изменением политической ситуации, которое, в свою очередь, привело к изменениям во всех сферах жизни общества, включая гуманитарные науки, и отразилось на подходах учёных к ключевым проблемам истории. Таковой является проблема крещения Руси, которая, несмотря на обширную историографию, продолжает вызывать дискуссии. В статье выявляются особенности научного подхода историков в исследовании данной темы.

Ключевые слова: историография, историческое исследование, методология, научный подход, марксизм, микроистория, крещение Руси.

O. Gryaznova

Moscow State Regional University

ON SCIENTIFIC APPROACH TO HISTORICAL RESEARCH ON THE EXAMPLE OF MODERN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF ANCIENT RUSSIA BAPTISM

Abstract. The emergence of new states on the territory of the former Soviet Union was a global change in the political situation which in its turn led to the changes in all spheres of society, including the humanities. It reflected in scientists' approaches to the main problems in history, such as the problem of ancient Russia baptism. Despite extensive historiography this problem

© Грязнова О.А., 2015.

continues causing discussions among historians. The article discloses the specific features of historians' scientific approach to the topic.

Key words: historiography, historical research, methodology, scientific approach, Marxism, microhistory, ancient Russia baptism.

Историческое исследование – наукоёмкий процесс, включающий в себя все необходимые компоненты, такие, как постановка проблемы, анализ имеющейся по исследуемому объекту информации, выдвижение предположений, доказательство гипотез и теорий и так далее. Историческое исследование обладает спецификой и весьма отличается от исследований в других научных областях. В исторической науке весьма заметную роль играет личность самого исследователя, конечно, не во всей её многогранности, так как при написании работы происходит абстрагирование от лишних сегментов, но, тем не менее, свой отпечаток оставляют отдельные её элементы: язык исследователя, влияющий на его ментальность, образ мышления, политические, религиозные убеждения, изученные им ранее работы и многое, многое другое. Поэтому абсолютная объективность при написании труда априори невозможна, но это та недостижимая константа, к которой необходимо стремиться каждому ученому, так как обязательным условием научной состоятельности исследования является методологический принцип объективности.

Историческая наука обладает некоторыми парадоксальными свойствами: это одна из самых консервативных и одновременно динамичных гуманитарных наук. Изменения в политической среде неминуемо сказываются на сознании людей, в научных исследованиях невозможно полностью изба-

виться от политической ангажированности, и кому как не историку знать, как часто изучаемый им предмет меняется, «переписывается» историческими деятелями, и с какой сложностью, продираясь через устоявшиеся идеологические представления и споры с коллегами, пишутся научные труды.

Методологические особенности исторических исследований можно проследить на примере современной отечественной историографии крещения Руси.

Этот выбор не случайный. Крещение Руси – одна из фундаментальных проблем отечественной исторической науки, историческая веха, бифуркационный период в жизни восточных славян, который, в силу своей специфики, а именно: ограниченности исторических источников, важности происходивших событий для дальнейшего развития всего государства, а также конфессионального и внешнеполитического значения – является одним из самых подвергаемых периодическому пересмотру и переосмыслению.

Изобилие посвященных христианизации Древнерусского государства трудов, их концентрация в современной (начиная с советского перестроечного периода) отечественной историографии приходится естественным образом на период около 1988 г., в котором отмечалось тысячелетие крещения Руси князем Владимиром. Это был период активизации всех сил – представителей православной церкви в СССР и за рубежом, философов, кон-

фессиональных историков, пропагандистов научного атеизма, политиков, что вызвало вокруг темы острую полемику, а также появление многочисленных работ. В отечественной исторической науке в основном это научные, научно-популярные издания, где заметны различные тенденции. Главный вопрос, ставившийся в работах, посвященных дате тысячелетия принятия Русью христианства – ценностный. Причины и значение крещения Руси.

С одной стороны – историки, в работах которых систематизируется, унифицируется, приводится к некоему единому знаменателю колоссальный объем советской историографии, посвященной данной теме. В этой литературе не только аргументировано доказываются устоявшиеся в советской традиции и позиции, но и – в условиях суровой борьбы с «буржуазно-клерикальной» и «философско-идеалистической» пропагандой – находятся новые способы подачи проблемы, соответственно, углубляется и совершенствуется методология исследований. По другую же сторону «баррикад», грубо говоря, все остальные: богословы, историки, впитавшие западные идеи и подходы, тем более, если еще с антисоветской идеологией.

Пестрота мнений и отчаянное противостояние авторов указывает на мощное влияние перестройки на их взгляды и взгляды обывателей. Тот факт, что заново начинают упоминать в работах азы марксизма-ленинизма, а также публикация методических рекомендаций пропагандистам научного атеизма [5], демонстрирует, насколько к этому моменту сдаются позиции советских марксистских идеологов.

Ситуация усугубляется отсутствием единства между самими историками. Часть из них рассматривает крещение Руси как важное и положительное для государства событие – такова была одна из тенденций в советской историографии после отхода от исторических концепций М.Н. Покровского. Однако по мере приближения даты тысячелетия крещения Руси часть историков говорят о том, что данная тенденция негативна и ненормальна [4, с. 227].

На усиление противостояния влияет к тому же традиционное разделение историков, грубо говоря, на «западников» и «славянофилов», которое, по сути, никуда не пропадало, но затихло в советский период, когда дальнейший путь развития народа был определен в пользу коммунизма. Но ослабление влияния партии на общественное и научное мнение в перестроечный период привело к возвращению этого спора в обновленной марксистской интерпретации. Эту тенденцию можно проследить на примере рассуждений И.Я. Фроянова, хотя и в имплицитной форме, где автор отстаивает условно «славянофильскую» позицию [40, с. 221-223, с. 226-227]. Однако определенное влияние западных идей прослеживается и у самого автора, как и у большинства историков, писавших на тот момент. И.Я. Фроянов грамотно и аргументированно отстаивает позицию, что «нет оснований считать его [событие о введении христианства на Руси] прогрессивным, поскольку христианство вводилось не для утверждения новых, исторически прогрессивных институтов, а для сохранения старых родоплеменных порядков, консервации отношений, которые сложились в IX-X вв. в процессе

завоевания киевскими правителями восточнославянских племен» [10, с. 230]. Западным влиянием является отсутствие части марксистского аппарата исследования (конкретно в данном случае использование вместо «смены формации» термина «прогресс», который вскоре в последующих работах отечественных историков нередко будет сопровождаться термином «развитие»). И в рассуждениях такого рода – при всей глубине изученности проблемы и, безусловно, высоком научном уровне – ощущается некое отчаяние, являющееся даже в какой-то степени предвосхищением глубоких идеологических перемен, которые повлекла за собой перестройка.

И не случайно. Что переживала отечественная наука в «лихие 90-е», сейчас все еще продолжает изучаться. Но все ученые сходятся во мнении, что это был мощный переломный момент. Одни говорят о кризисе, другие – об упадке, третьи – о предоставленной свободе. И появляется огромное количество работ, пересматривающих всю отечественную историю, причем не только среди специалистов-историков, но и среди представителей других гуманитарных наук.

Стоит отметить резкое изменение «брожения» в научных кругах после празднования самой состоявшейся даты. «На встрече с патриархом Русской православной церкви и членами Синода (апрель 1988 г.) М.С. Горбачев подчеркнул, что празднование введения христианства на Руси получило не только религиозное, но и общественно-политическое звучание, поскольку является знаменательной вехой на многовековом пути развития отечественной истории, культуры, русской

государственности. Он отметил патристическую позицию духовенства в годы Великой Отечественной войны, высоко оценил миротворческую деятельность религиозных организаций...» [7, с. 9].

После такого события марксистские историки совершенно в новом русле стали говорить о значении христианизации Руси. До того шла жесткая критика церковных работ: «С помощью изощренных, но чуждых науке приемов подачи исторических фактов... идеологи православия пытаются представить учреждение князем Владимиром христианства в древнерусском обществе как поворотный момент в истории России» [4, с. 3]; «тысячелетняя фальсификаторская деятельность религиозных идеологов оказала значительное влияние не только на дореволюционные исследования истории «крещения Руси». Отражение этого можно еще иногда встретить и в современных... научно-популярных изданиях» [3, с. 12]. Однако после выступления М.С. Горбачева в монографиях стали появляться совершенно противоположные по настроению высказывания: «Никто не возражает против всесторонней и более взвешенной оценки различных, в том числе и противостоящих марксизму, концепций и направлений общественной мысли и культуры» [7, с. 5]. В смене настроений нет ничего удивительного: критерием истинности для многих ученых-историков, как бы с этой тенденцией не велась борьба, является выбранный властью курс, а не стремление к объективности (данный вывод волей-неволей приходит во время изучения историографии, особенно написанной в переломные для общества периоды).

При рассмотрении современной отечественной историографии более поздних этапов заметно постепенное успокоение настроений, угасание остроты борьбы между мыслителями разных научных школ, медленное признание возможности сосуществования различных направлений в исторической науке.

Акценты в работах ученых переходят от дискуссий к изобретению новых теорий. Один из ярких примеров смелых в выводах работ, порывающих с марксистскими традициями, является труд украинского историка М.Ю. Брайчевского «Утверждение христианства на Руси», в которой автор кардинально пересматривает результаты исследований историков христианизации Руси [1, с. 4]. По мнению М.Ю. Брайчевского, князь Игорь сам принял крещение вместе с княгиней Ольгой [1, с. 108], князь Ярополк Святославич был христианином и, вполне возможно, был крещён бабкой ещё в детстве [1, с. 123].

Предоставление свободы в подходах к изучению истории привело к появлению самых разнообразных теорий. С осторожностью подходит к вопросу оценки отечественными историками возможности принятия Русью иудаизма С.Ю. Дудаков: «Насколько реальным было для Древней Руси принятие иудаизма – этот вопрос до сих пор остаётся открытым...» [2, с. 8]. Учёный обращается и к вопросу происхождения князя Владимира, указывая на версию, что князь был сыном еврейки [2, с. 11]. Обосновывает данную версию и выводит из неё причины принятия христианства как способа оборвать историческую связь с Хазарией, основанную на зависимости Руси [2, с. 16].

На большинство рождающихся гипотез историков эксплицитно влияние их собственного мировоззрения в целом, что весьма закономерно в постсоветский период декларируемого политического плюрализма. И на первых порах продолжается интеллектуальное столкновение между представителями разных идеологий. Однако спустя время остывают острые дискуссии, ученые привыкают к новому явлению методологического разнообразия, критика оппонентов становится уважительной, осторожной, либо пропадает вовсе и заменяется уходом в подробности изучения собственного предмета.

Добросовестные учёные, стремясь исследовать свой объект, не прибегают к выдумыванию новых гипотез, подгоняя под них имеющиеся факты, но на основе результатов изучения исторических источников разрабатывают теории. При скудности материала и обширной историографии сложно прийти к качественно новым выводам. Вариантом решения такой проблемы может быть привлечение новых источников, возможно, ранее изученных другими учёными, но не рассматривавшихся в рамках данной темы. В качестве примера можно привести труды выдающегося историка Александра Васильевича Назаренко. Историк не только вводит новые источники, но также использует филолого-исторические принципы и методы в исследовании, что является, по сути, междисциплинарным подходом и обеспечивает высокий научный уровень его работам. В своих трудах автор доказывает достоверность источников по вопросу отправки посольства княгини Ольги к Оттону (на данный факт всегда указы-

вали исторические источники, тем не менее в отечественной историографии бытовало сомнение в достоверности их сведений) [6, с. 270].

При изучении современной отечественной историографии религиозного самоопределения Древнерусского государства становится заметно, что поздние работы историков-исследователей, посвящённые проблеме крещения Руси, в большинстве своём лишены критики в адрес теологов. Происходит отход от научного атеизма на изначальные «нейтральные» материалистические позиции. И в этом прослеживается желание ученых ориентироваться на позицию государственной власти. Россия является светским государством, где согласно Конституции человек имеет право исповедовать любую религию, и при этом православие является одной из наиболее распространенных конфессий на территории России [8], и КПРФ при отстаивании коммунистических взглядов проявляет исключительно уважительное отношение к Российской Православной церкви [9].

В этом отношении историческая наука постоянно оглядывается на выбранный властью курс, что совершенно естественно, так как большинство споров, возникающих в ее среде, касается не столько фактов, сколько интерпретации происходивших событий и трактуется в той или иной идеологической системе координат. Если же государственная власть не дает никаких указаний по поводу подачи материала, распространение получает идеологический плюрализм, позитивистские подходы и микроистория.

Подводя итоги, отметим следующие тенденции в современной отечествен-

ной историографии крещения Руси. Перестроечный период характеризуется обострением дискуссий вокруг значения данного события, жёсткой конфронтацией между историками-марксистами и историками западных направлений, а также теологами. После встречи М.С. Горбачева с патриархом Русской православной церкви, затем после распада СССР прекращают появляться труды, написанные с позиций научного атеизма. Авторы начинают прибегать к западной методологии. Появляются работы, использующие в качестве метода сенсационность материала с целью привлечения внимания. Получает распространение междисциплинарный подход.

В заключение отметим, что в связи с происходящими политическими изменениями, обострением отношений России со странами Запада, заметно и нарастание патриотических настроений в обществе, и возобновление дискуссий между представителями различных научных школ. Насколько положительно влияние современной западной исторической мысли с ее постмодернистскими настроениями, вопрос дискуссионный. Однако в любом случае эти объективные процессы подталкивают научную мысль и позволяют развиваться российской исторической науке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. Киев: Наукова думка, 1989. 295 с.
2. Дудаков С.Ю. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России. М : Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 640 с.
3. Дулуман Е.К., Глушак А.С. Введение

- христианства на Руси: легенды, события, факты. Симферополь: Таврия, 1988. 184 с.
4. Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л.: Лениздат, 1988. 334 с.
 5. Методические рекомендации по освещению в атеистической пропаганде причин и последствий введения христианства на Руси. Киев: Б. и., 1986.
 6. Назаренко А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2003. 259–407 с.
 7. Новиков М. П. Христианизация Киевской Руси: методологический аспект. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 176 с.
 8. Православие в России: прошлое и настоящее. [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения Пресс-выпуск № 2451. 12.11.2013 г. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114598> (дата обращения 10.09.2015)
 9. Г.А. Зюганов: КПРФ и Православная Церковь стремятся к конструктивному диалогу. Встреча представителей РПЦ и руководства КПРФ [Электронный ресурс] // Политическая партия «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» [Офиц. сайт] 16.11.2010. URL: http://kprf.ru/rus_soc/84674.html (дата обращения 10.09.2015)

УДК 9:93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-68-74

Смагин К.А.*Московский государственный областной университет*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XX В. О ВЛИЯНИИ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ НА ЛИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Аннотация. Статья призвана раскрыть проблему влияния великих князей на личность и политику императора Николая II в освещении отечественной историографии. В отечественной литературе взаимоотношения последнего российского императора со своим родственным окружением рассматривались в зависимости от политической ситуации, существовавшей в стране в тот или иной период. Авторы научных работ и монографий об императоре Николае II и его великокняжеском окружении в советское время и на современном этапе, интересовались, в первую очередь, великокняжеской оппозицией в годы Первой мировой войны. На основе изучения отечественной историографии XX в., освещающей вопрос о влиянии великих князей на личность и политику императора Николая II, был сделан вывод об отсутствии комплексного рассмотрения и анализа влияния великокняжеского окружения, охватывающего весь период царствования.

Ключевые слова: император Николай II, великие князья, влияния, отечественная историография.

K. Smagin*Moscow State Regional University*

DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE XX CENTURY ON THE GREAT PRINCES' INFLUENCE ON THE PERSONALITY AND POLITICS OF EMPEROR NICHOLAS II

Abstract. The article is aimed at revealing the problem highlighted by national historiography, i.e. the great princes' influence on the personality and the policy of Emperor Nicholas II. Domestic literature considers the relationship of the last Russian emperor and his relatives in connection with the political situation in the country in this or that period. In the soviet times and at present the authors of scientific papers and monographs about Emperor Nicholas II and his court were interested, first and foremost, in the grand opposition during the First World War. On the basis of the national historiography of the XX century, considering the great princes' influence on the personality and politics of Emperor Nicholas II, it was concluded that there is certain lack of comprehensive review and analysis of such influence, covering the entire period of his reign.

Key words: Emperor Nicholas II, great princes, influence, domestic historiography.

В отечественной литературе взаимоотношения последнего российского императора со своим родствен-

ным окружением рассматривались в зависимости от политической ситуации, существовавшей в стране в тот или иной период. Авторы научных ра-

бот и монографий об императоре Николае II и его великокняжеском окружении в годы СССР и на современном этапе, интересовались, в первую очередь, великокняжеской оппозицией в годы Первой мировой войны. В этих работах авторы пытались выяснить степень оппозиционности великих князей по отношению к царской чете и участие великих князей в заговоре против Николая II. Неудивительно наличие различных точек зрения, от осторожных попыток показать влияние родственного окружения императора на внутренний курс правительства и создание «ответственного правительства общественного доверия» до признания участия великих князей в заговоре против последнего царя.

В настоящее время можно, с определенной долей условности, выделить три основных этапа исследования темы.

Первый этап относится ко всему царствованию императора Николая II, второй этап начался сразу после Февральской революции и закончился в конце 1980-х гг. и последний – с начала 1990-х гг. по сегодняшний день. Для каждого периода свойствен определенный подход историков к интересующей нас теме.

Для дореволюционной литературы характерным является рассмотрение Императорского дома в конкретно-историческом контексте. В основном это работы, вышедшие в связи с празднованием 300-летия Императорского дома, отмечавшегося на протяжении всего 1913 г. В то же время появились работы, посвященные отдельным представителям императорской фамилии. Понятно, что в первую очередь это был император Николай II.

Характерной особенностью данных работ является то, что они, по сути, являются своего рода хроникой жизни последнего императора. Никакого анализа деятельности самодержца, анализа взаимоотношений императора с великокняжеским окружением в них не приводится. При этом окружение Николая II присутствует в выше-названной литературе как монолитная свита. Тема всевозможных конфликтов в императорской фамилии также не рассматривалась.

После Февральской и особенно после Октябрьской революции все усилия, в том числе исследовательские, были направлены на то, чтобы оправдать легитимность новой власти, для чего необходимо было в полной мере показать всю ничтожность, неспособность и ненужность не только правительства, но и всей самодержавной монархии. Показательной в этом плане является брошюра С.П. Мельгунова [12]. Если учитывать тот факт, что автор этой работы являлся одним из руководителей партии народных социалистов, то понятным станет резко отрицательное отношение С.П. Мельгунова к императору и членам императорской фамилии в целом. Сама работа представляет собой набор положений, основанных на слухах, распространенных в начале XX в. Можно согласиться с историком Е.Е. Петровой в том, что «после Февраля антиромановская версия работала на доказательство завершенности революции и ненужности ее дальнейшего углубления: бездарное правительство и «темные силы» устранены, у власти, наконец, «цвет общественных сил», и потому отныне требуется одно – «единодушие, классовый мир» [13, с. 123].

В исторической литературе советского периода основное внимание исследователей было обращено к истории революции. Как следствие, появлялись работы, посвященные проблеме кризиса самодержавия накануне его крушения. Здесь в свою очередь берет начало другой подход к личности последнего русского императора – негативно-критический.

В 20-е гг. XX столетия публиковались работы, авторы которых продолжали критиковать свергнутый режим, последнего русского императора и его окружение. Здесь последний российский император и члены императорской фамилии рассматривались «разоблачителями» преимущественно с негативных позиций. Представители российского императорского дома подвергались критике, император представлялся личностью слабой, далекой, не имеющей должной подготовки и неспособной править столь огромным по размерам государством.

Подобные работы мало информативны, имеют значительную идеологическую направленность, но их ценность заключается в том, что они содержат вполне достоверные биографические сведения об отдельных представителях императорской фамилии. В оценочных суждениях авторы чересчур категоричны и поверхностны. Усилия научной общественности того времени были направлены на то, чтобы подчеркнуть ничтожность и деградацию не только царя и царицы, но и их родственников. Основное внимание по-прежнему уделялось личности монарха. Например, работа «Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II к другие документы», составителем

и автором вступительной статьи которой является В.П. Семенников, позволяет уловить лишь характеристику личности последнего российского императора, но не касается вопроса взаимоотношений монарха со своими родственниками [14]. Одна из немногих работ этого периода, посвященная членам императорской фамилии, – «Последние Романовы» С.В. Любоша. Позиция автора неоригинальна. Любошпренебрежениемотноситсякроссийским родственникам Николая II, считая их малообразованными, безответственными, недисциплинированными и неподсудными людьми. «Вся орава великих князей была новейшей высокопоставленной опричниной, с которой ни министрам, ни вообще правившей бюрократии ни тем более населению никакой sprawy не было» [11, с. 235].

В советской исторической науке последующих десятилетий (1930–1960-х гг.) рассматривались главным образом проблемы классовой борьбы, роли трудящихся в истории государства, социально-экономического и политического положения рабочего класса. Та же часть дореволюционной отечественной истории, которая касалась самодержавия, личности монархов, политики царского правительства, по-прежнему подвергалась жесткой критике и осуждению. С начала 1930-х гг. о родственном окружении последнего русского монарха почти не писали, эта тема в исторических работах была фактически предана забвению.

К субъективным факторам правления императора Николая II стали возвращаться в 1970-е гг., но специальных работ, посвященных проблеме взаимоотношений последнего россий-

ского императора и его родственного окружения, по-прежнему не было. Основная масса трудов советских исследователей в 1970–1980-х гг. посвящена проблеме кризиса, краха самодержавия. Авторы стремились понять причины кризиса верховной власти, приведшего страну к революции. Они рассматривали при этом не столько личностные качества правителя и его деятельность, сколько социально-экономическое развитие российского общества в конце XIX – начале XX вв. И в эти годы продолжает господствовать «монополия» негативного отношения к монарху, его родственному окружению, политике самодержавия в целом. На первое место вышли вопросы социально-экономического развития общества, вопросы, связанные с закономерностями развития общества.

Даже «перестроечные годы» не дали принципиально новых подходов к исследованию интересующей нас темы. Работы историков продолжали оставаться односторонними, хотя на данном этапе авторов интересовали не только причины крушения монархии, но и отдельные события царствования императора Николая II [1]. Это в первую очередь связано с тем, что постепенно пришло понимание обусловленности особенностей социально-экономического и политического развития общества влиянием отдельных личностей, их качествами. Этот тезис стал плавно входить в обиход, не привлекая к себе пристального внимания.

Методологическая и историографическая ситуация в отечественной исторической науке серьезно изменилась в конце XX – начале XXI вв. В связи с новой политической ситуацией в стране

возрос интерес к вопросам, связанным с царствованием Николая II.

В 1990-х гг. кардинальным образом меняется отношение исследователей как к личности последнего российского императора, так и к членам императорского дома со стороны как научной, так и далекой от науки общественности. Император Николай II преподносится исследователями как человек скромный, волевой, учтивый, образованный и духовно развитый. Возрастающий интерес историков к семье последнего российского императора связан также и с канонизацией Николая II, его супруги Александры Федоровны и детей царя Русской православной церковью. Теперь эти вопросы рассматривают под другим углом зрения, с осознанием того, что те или иные существенные изменения в развитии общества зависят от личности – на первое место вышел антропологический подход. Для исследователей стал важным вопрос рассмотрения «личности», «человека», с его особенностями, мыслями и поступками. Для такого подхода свойствен акцент не на общем, а на особенном, специфичном. Появляется стремление разобраться, в чем именно был виноват последний российский император, насколько правомерно обвинять его в разрушении самодержавия, поражениях в Первой мировой войне к т.д.

На современном этапе в историографии большинство историков также рассматривают борьбу различных придворных группировок и великокняжескую оппозицию. Влияние великих князей не рассматривается в комплексе. Освещаются лишь эпизоды влияния великокняжеского окружения на императора Николая II в первые годы

царствования, в рамках научных работ и диссертаций, посвященных борьбе группировок в придворном окружении Николая II и великокняжеской оппозиции 1915–1917 гг.

Наряду с работами, которые касаются личности последнего императора и дают по большей части оценки политической деятельности монарха, раскрывающие многообразие экономической, политической, социальной и духовной жизни Российского государства, внимание историков начинают привлекать личности отдельных великих князей и двух последних императриц: Марии Федоровны [9] и Александры Федоровны. Появляются работы, рассматривающие деятельность членов императорской фамилии через призму политических событий [8], и работы, посвященные отдельным членам царской семьи или всей династии Романовых. Каждый труд по своему интересен. Однако даже работы, вышедшие на рубеже 1990–2000-х гг., не выходят за рамки той информативной базы, которая была создана на протяжении предыдущего периода. Все они создают предпосылки для воссоздания атмосферы и содержания взаимоотношений последнего императора с представителями императорской фамилии, но никаких принципиально новых фактов исследователю не дают. Единственной особенностью работ этого периода является изменение взгляда историков на членов императорской фамилии.

В данный период появились научно-популярные работы, носящие биографический характер и посвященные великим князьям – Сергею Александровичу и Алексею Александровичу [3], а также статьи об отдель-

ных событиях, связанных с великими князьями. Имеются также и работы биографического характера великих князей в серии ЖЗЛ. Один из подобных биографических очерков посвящен Константину Константиновичу [6], начальнику высших военных учебных заведений Российской империи, президенту Академии наук с 1889 г. и талантливому поэту, писавшему под псевдонимом «К.Р.». Николаю II и его царствованию посвящены исследования историка А.Н. Боханова [4; 5]. В данной работе по интересующей нас проблеме фрагментарно рассматривается роль великокняжеского окружения и степень его влияния на личность и политику Николая II.

Все эти работы затрагивают деятельность и великих князей, однако в них больше нашла отражение повседневная, духовная, нравственная жизнь великокняжеского окружения, и мало содержится информации об их политической деятельности, а аспект влияния на последнего императора отсутствует. Это, скорее всего, объясняется характером деятельности, преимущественно культурной, научной и просветительской, большинства великих князей, не занимавших политических постов.

Самыми ценными работами в целом о Романовых, написанными на современном этапе, являются два библиографических справочника историков Ю.А. Кузьмина [16] и Т.А. Лобашковой [17]. В этих справочниках дается наиболее полная библиография всех 226 членов Российской императорской фамилии. Персональные статьи включают информацию о служебной и общественной деятельности персонажей и обширную библиографию. Библиографический справочник Кузьмина и ценен еще тем,

что в нем дается исследование Российской императорской фамилии как социально-политического института на протяжении XIX и начала XX в. В данной работе историком Кузьминым выделены несколько направлений механизма влияния членов фамилии: непосредственно политическое влияние, личная служебная деятельность, воздействие на кадровую политику монарха, информационная и регентская функции [16, с. 44].

Среди научно-популярных работ, посвященных великим князьям, выделяется написанное историками Л.В. Завьяловой и К.В. Орловым, научно-популярное, генеалогическое и биографическое исследование великокняжеской ветви Константиновичей от Николая I до наших дней [7]. Пока это *единственное в своем роде* на данный момент исследование, посвященное в целом отдельной великокняжеской ветви Романовых. Авторы представили нам жизнеописание государственного деятеля эпохи великих реформ, второго сына императора Николая I генерал-адмирала Константина Николаевича и его потомков – великих князей Константиновичей. В книге их непростые и переплетенные между собой судьбы представлены в широком контексте исторических событий XIX – XX вв. **Несмотря на научно-популярный характер**, книга написана на высоком профессиональном уровне.

На современном этапе в монографии А.Ф. Смирнова освещена борьба в придворном окружении Николая II по вопросам введения в России гражданских свобод, учреждении Государственной думы [15]. Она написана на основе мемуаров участников событий – С.Ю. Витте, С.Е. Крыжанов-

ского, А.А. Мосолова, И.В. Гессена, В.Н. Воейкова и других. А.Ф. Смирнов не только подробно описывает борьбу в придворно-бюрократической среде в преддверии принятия Манифеста 17 октября 1905 г., но и прослеживает конфликты вокруг проблемы введения представительного образа правления в период «политической весны» П.Д. Святополк-Мирского в конце 1904 – начале 1905 гг.

Наиболее интересующими нас научными работами на современном этапе являются работы Е.Е. Петровой [13]. Е.Е. Петрова рассматривает великих князей как часть правящей элиты России и уделяет внимание исследованию политической роли великокняжеской оппозиции в 1915–1917 гг. Обширные сведения о «великокняжеской фронде» в период Первой мировой войны содержатся в исследовании С.В. Куликова «Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917)» [10].

Среди статей, написанных на современном этапе, необходимо выделить статью Д.А. Андреева «Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения», в которой анализируются эти влияния и решения. Автор делает вывод о выработанной императором Николаем II стилистике при решении самых разных проблем. Она представляла собой сложное сочетание волевых импульсов с четким осознанием желаемого конкретного результата, предполагала максимальное использование аппаратных возможностей и допускала внешние влияния, эффективность которых возрастала по мере того, как реализация задуманного императором подходила к концу, а

сам он начинал утрачивать интерес к делу [2, с. 124].

Подведем итог. В современной отечественной историографии фактически отсутствуют специальные исследования о великокняжеском окружении Николая II, охватывающем весь период царствования. В политических биографиях Николая II данная проблема освещается лишь фрагментарно.

Все это определяет необходимость дальнейшего изучения проблемы в целом, с охватом великокняжеского влияния на политику и личность последнего российского монарха на протяжении всего его царствования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. 256 с.
2. Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // Российская история. 2011. № 4.
3. Белякова З.И. Великий князь Алексей Александрович: за и против. СПб.: Логос, 2004. 230 с.
4. Боханов А.Н. Сумерки монархии. М.: Воскресенье, 1993. 288 с.
5. Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М.: Русское слово, 2002. 352 с.
6. Говорушко Э.Л., Матонина Э. Е. К. Р. – М.: Молодая гвардия, 2010. 670 с.
7. Завьялова Л.В., Орлов К.В. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: история семьи. СПб.: Вита Нова, 2009. 608 с.
8. Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М.: Республика, 1992. 351 с.
9. Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна (1847–1928). Дневники Письма. Воспоминания. М.: Олма-пресс, 2002. 318 с.
10. Куликов С.В. Бюрократическая элита России накануне крушения старого порядка. Рязань, 2004. 472 с.
11. Любош С.В. Последние Романовы. М.; Л.: Изд-во «Петроград», 1924. 272 с.
12. Мельгунов С.П. Последний самодержец: (Черты для характеристики Николая II). М.: Тов-во «Задруга», 1917. 16 с.
13. Петрова Е.Е. Великокняжеское окружение последнего русского императора // Английская набережная, 4: Сб. Научного общества историков и архивистов. Вып. 4. СПб., 2004. 440 с.
14. Семенников В.П. Монархия перед крушением. 1914-1917. Л.; М.: Государственное издательство, 1927. 311 с.
15. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи 1906-1917. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.

СПРАВОЧНИКИ:

16. Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия (1797-1917). Библиографический справочник. Изд. 2-е доп. и испр. СПб.: Дмитрий Булганин, 2011. 440 с.
17. Лобашкова Т.А. Дом Романовых. Библиографический иллюстрированный указатель. М.: Издательство «Река Времен», 2008. 832 с.

УДК 930 (470+574)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-75-81

Мажитова Ж.С.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИНСТИТУТА БИЕВ
С 1917 г. – ДО СЕРЕДИНЫ 30-х гг. XX в.:
ДИЛЕММА «БЕСКЛАССОВОЕ ПАТРИАРХАЛЬНО-РОДОВОЕ
ИЛИ КЛАССОВОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО»**

Аннотация. В статье рассматривается полемика в среде советских исследователей о характере общественных отношений в казахском обществе в досоветскую эпоху. Работы авторов выявили не одинаковый подход к этому вопросу: одна группа исследователей считала казахское общество бесклассовым, в котором родовые отношения оставались неизменными и род выступал основным самостоятельным и главнейшим субъектом права; другая часть исследователей была уверена в том, что развитие товарного хозяйства, разные формы внеэкономического принуждения привели к дифференциации общества в классовом отношении на две полярные группы.

Ключевые слова: советская историография, родовое общество, классовое общество, бий.

Z. Mazhitova*Lomonosov Moscow state university*

**SOVIET HISTORIOGRAPHY ON THE INSTITUTION
OF BIYS FROM 1917 TO MID 30S OF THE XX CENTURY:
«CLASSLESS PATRIARCH-TRIBAL OR CLASS FEUDAL SOCIETY» DILEMMA**

Abstract. The article reviews the polemics among the soviet researchers upon the character of social relations in Kazakh society in the pre-Soviet era. Those works authors had different approaches regarding this issue. One group of researchers considered Kazakh society to be classless, where clan relations remained invariable and the clan was the most important and independent subject of law. Other researchers believed that the development of commodity exchange economy and different noneconomic forces led to social class differentiation into two polar groups.

Key words: Soviet historiography, ancestral society, class society, biy.

В 1920-е гг., в период становления марксистской исторической науки, когда ленинские методологические установки и оценки исторических явлений еще не утвердились, допускалась определенная вольность в исто-

рических оценках. Уже в 1920-е гг. среди исследователей формируются разные подходы к пониманию прошлого казахского народа. Нас в первую очередь интересует полемика между двумя наметившимися направлениями по вопросу об общественных отношениях среди казахов

в досоветское время: эти отношения трактовались, с одной стороны, как родовые, доклассовые, а с другой – как феодальные, подразумевающие классовое деление общества.

Научный спор возник, на наш взгляд, в связи с теми мероприятиями, которые проводились властью в советских республиках. X съезд Коммунистической партии (1921) взял курс на замену продразверстки продналогом (фиксированным налогообложением). Новая экономическая политика (НЭП) предполагала привлечь крестьянина на сторону Советской власти, заинтересовать его в увеличении производства сельхозпродукции. Либерализация экономической жизни вызвала изменения в общественно-политической жизни, в том числе и кочевников. Первая мировая война, затем две революции 1917 г., Гражданская война с продразвесткой подорвали скотоводческое хозяйство кочевников-казахов. Теперь, в условиях НЭПа, все элементы традиционной структуры – хозяйства общинников, мелких и крупных скотовладельцев, стали возрождаться. В самом скором времени НЭП привел к появлению тех сил (байских хозяйств), борьба с которыми была основным лозунгом большевиков. Проблемы поиска классовых противоречий среди кочевников и живучести «патриархально-родовых пережитков», которые не вписывались в общую картину построения однотипного советского общества, стали предметом дискуссий и критики среди исследователей. Взгляды ученых по этим вопросам можно условно разделить на два направления: сторонников родовой теории и сторонников классовой природы общества.

Суть концепции «родовой теории» заключалась в отрицании самой возможности возникновения феодализма у кочевников, их общественный строй представлялся в виде неизменных родоплеменных и общинных отношений.

Одной из первых этнографических работ по истории казахов является книга историка А.П. Чулошникова, в которой он, основываясь в основном на трудах дореволюционных российских исследователей (Л.А. Словохотова, И. Крафта, Н. Харузина и др.), сделал обзор истории казахов до середины XVIII в. [11]. А.П. Чулошников утверждал, что общественные отношения в казахском обществе можно охарактеризовать как патриархально-родовые: «...в основе всего социального и правового строя тогдашнего казак-киргизского (казахского. – *Прим. авт.* – Ж.М.) союза, как единого национального целого, лежало именно родовое начало, совершенно еще не тронутое никакими другими отношениями <...> вплоть до XVIII века» [11, с. 200]. Род выступал, по мнению ученого, тем основным самостоятельным и главнейшим субъектом права, который обеспечивал жизненную поддержку и условия существования каждому своему члену, без исключения. Все члены рода держались один другого. Родовая солидарность, своеобразные условия скотоводческого хозяйства приводили к нивелировке материальных различий между общинниками, что позволило сделать ученому вывод об отсутствии классовой дифференциации внутри казахского общества.

В середине 1920-х гг., несмотря на отнесенные к успехам советской власти в укреплении аульных советов в городах, в кочевом и полукочевом ауле еще

прочно держали позиции родовые отношения. Положение дел на местах выразил секретарь Казахского крайкома ВКП (б) Ф.И. Голощекин, выступая перед партактивом республики в 1926 г.: «Мы не учли и не учитываем, при построении совета в ауле, две вещи – живучесть родовых отношений и влияние байства. Мы строим советы в ауле так же, как в Курской, Тверской и любой губернии центральной России. В этом, мне кажется, основная ошибка, основной недочет. Если мы этого не учтем, мне кажется, мы будем биться напрасно и все наши хорошие пожелания будут разбиваться об эту косность, об этот факт в жизни аула» [9].

В свете сказанных слов ВЦИК организует в Казахстан несколько экспедиций в 1925–1928 гг., которым предстояло изучить состояние казахского хозяйства, быт и право кочевников.

В 1925 г. по поручению Казкрайкома ВКП (б) экспедиция О. Джандосова и В.Г. Соколовского обследовала аулы Алма-Атинского уезда. На основании полученных данных была издана работа статистика В.Г. Соколовского, в которой автор поставил задачу «дать настолько сжатый анализ общей обстановки аула, насколько это позволяет необычайная сложность вопроса, общая неосведомленность в нем и недостаток располагаемого мною сейчас времени» [10, с. 1].

Исследование аулов подводит В.Г. Соколовского к твердому убеждению, что «родовые моменты не только сохранились, но и что самое главное, остаются весьма крепкими и настолько жизненными, что рассчитывать на их самопроизвольное исчезновение в сколько-нибудь ближайшем будущем совершенно не приходится» [10, с. 7].

Важным моментом, на наш взгляд, в работе В.С. Соколовского является положение о том, что родовые отношения не являются закостенелой, статичной системой. Наоборот, подстраиваясь под новые производственные отношения, подразумевающие синтез плановой социалистической экономики и экстенсивного мелкотоварного скотоводческого производства, эти отношения рожают «новых героев», которые сосредоточили в своих руках как старые (родовые), так и новые (социалистические) функции по управлению общиной. Ученый называет этих людей «аткамынерами» (буквально: атка-мынер – сидящий на лошади. – Прим. авт. – Ж.М.). Являясь представителями родовой администрации, они становятся посредниками между властью и аулом, осуществляют *«все сношения последнего с внешним миром по всем вопросам»* [10, с. 21] (курсив автора).

Выводы В.Г. Соколовского наводят на мысль, что в русле принципов обычного права выдвигенцы из кочевой среды на основе прежних родственных и клановых сетей сумели включиться в новые правила игры, использовать определенный административный и неформальный ресурс для работы в качестве посредников между партийно-советско-общественными организациями и местным населением. Появление таких выдвигенцев можно наблюдать и в дореволюционное время. Тогда их называли «переводчиками», «посредниками».

Во второй половине 1920-х гг. доводы сторонников родовой теории стали постепенно утрачивать позиции. В это время в республике начинается широкомасштабная кампания

государства по коллективизации и силовому оседанию кочевников. Задача предстояла трудная, поскольку, как заметил секретарь Казахского крайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекин, выступая перед партактивом республики, «мы встречаемся с сильным сопротивлением экономически и культурно более сильного русского кулачества. С другой стороны, мы имеем и имели со стороны казахских биев и мулл и их идеологов-националистов желание создать привилегии для казахской национальности» [2, с. 33]. Фронтальное вторжение государства на кочевую периферию с целью изъятия натурального продукта повсеместно могло вызвать протест кочевников. Успех реформы мыслился Ф.И. Голощекину при условии силовой диктатуры в отношении кулачества и байства как класса: «Мы конфискуем бая – главу рода, это труднее чем помещика. Помещик для крестьянина чужой, был понятный враг; в ауле же при родовом патриархальном быте – бай свой, глава своего рода» [3, с. 200].

Можно сказать, что коллективизация и массовое оседание кочевников к началу 1930-х гг. окончательно решили исход классовой борьбы с байством в ауле и кулаком в деревне в пользу государства. Не случайно в это время все больше ограничивается научный плюрализм, ученые ориентируются на изложение истории в русле ленинско-сталинских положений о роли классовой борьбы и пролетариата в историческом развитии.

Оппонентами сторонников родовой теории в дискуссии об общественном строе казахов стали сторонники классовой природы общества. Одной из первых серьезных работ в

этом направлении стала коллективная монография П. Погорельского и В. Батракова «Экономика кочевого аула Киргизстана» [5]. В 1927 г. этими учеными в ходе экспедиционного обследования были изучены форма и характер социальной эволюции, организация, экономика хозяйств, расположенных в бассейне реки Сусамыр, Джумгол. Однообразие и специфичность кочевого хозяйства центральноазиатских племен имела естественным следствием появление одинаковых форм социальной организации. Поэтому сведения П. Погорельского и В. Батракова о социальной организации киргизов могут быть вполне отнесены к казахскому обществу.

По мнению ученых, социальная организация киргизов имела ярко выраженную классовую структуру. Развитие товарного хозяйства, разные формы внеэкономического принуждения, дифференциация общества на две полярные группы привели, по мнению П. Погорельского и В. Батракова, к появлению группы биев как кочевой феодальной знати: «Не подлежит никакому сомнению одно, что так называемые бии в свое время представляли собою власть, мало похожую на власть при господстве “родового начала”. Власть эта опиралась на силу и принуждение» [5, с. 140].

Обозначенные этими авторами два исследовательских принципа оказали большое влияние на все последующие работы в данном направлении. Во-первых, классовый подход ученых при характеристике дореволюционного киргизского общества был принят последователями этого принципа как концептуальная установка при анализе социальных отношений в до-

революционном кочевом обществе. В то же время трудно проследить причины, время и характер трансформации таких институтов, как «батыр – бий – манап»¹. Это, в свою очередь, привело к тому, что вплоть до начала 1940-х гг. вопросы социально-политической истории кочевников, в том числе казахов, оставались слабо разработанными и спорными. Во-вторых, предмет необходимо было изучать в его эволюционном развитии. Впоследствии эта концепция приобрела характер доминирующей парадигмы в советской исторической науке. Речь идет не об авторской концепции П. Погорельского и В. Батракова, а о влиянии монографии этих ученых на утверждение нового концептуального подхода при изучении истории общественных отношений.

Устойчивость позиций родовой аристократии связана с тем, что характерной чертой политико-правовой культуры кочевого общества, несмотря на новую систему власти, оставалась приверженность к компромиссу, подчинение авторитету таких лидеров, которые, аккумулировав традиции и правовые знания, смогли стать посредниками между общиной и советской бюрократией.

Среди немногочисленных исследований этого направления, посвященных изучению социальной организации кочевников с классовых позиций, следует выделить работы профессора-историка С.Д. Асфендиарова [1; 6; 7]. Его научный труд по истории ка-

захского народа с древности до 1917 г. является обобщающей работой, в которой отразилась концепция о поступательном развитии кочевых народов от первобытного состояния (первобытно-общинного строя) к классовому (капиталистическому) обществу, закрепив марксистские схемы исторического процесса.

С.Д. Асфендиаров относит зарождение классовых отношений к XVI в., когда в плане социально-экономической структуры казахское общество разделилось на два непримиримых лагеря – феодалов и рядовых кочевников. К первым ученый относит хана, батыров, баев, ходжей и, конечно, биев, которые представляли «зародыш государственного аппарата. Бии являлись как бы идеологами казахского феодализма» [1, с. 90].

В это время под внешней оболочкой родového общества происходит накопление средства производства (скота) в руках родовой верхушки, которая, вступая во внешние торговые сношения, постепенно превращалась в настоящего хозяина этих средств.

Анализ работ С.Д. Асфендиарова наводит на мысль о присутствии едва уловимого двусмысленного подтекста. С одной стороны, всеохватывающее господство идеологических установок определило подход автора к освещению истории казахского общества. К примеру, его критическое отношение к русско-казахским отношениям, которые он описывает как «грабеж», «притеснение», «колонизация казахских земель» со стороны Российской империи (в духе «школы М.Н. Покровского»). С другой стороны, обвиняя М. Тынышпаева и других представителей национальной интеллигенции в буржуазном

¹ Манапы – представители киргизской феодально-родовой аристократии, за которыми со стороны членов их рода признавалось право суда и предводительства в военное время. См.: [4].

национализме, С.Д. Асфендиаров сам не избежал некоторой идеализации при изложении исторического прошлого. Например, он пишет: «...царское правительство расчленило Казакстан, создав условия, затрудняющие национальное объединение казаков» [1, с. 146]; в отношении биев заметны ностальгические ноты: «Каждая Казакская орда имела своих знаменитых биев: Старшая орда – Толе-бия, Средняя – Казбек-бия, Младшая – Айтеке-бия. Бии <...> как носители народных традиций сохраняли в народной памяти авторитет со времени первобытной демократии родового общества» [1, с. 90]. Смеем предположить, что проскальзывание «ностальгических» нот среди общепринятых в исторической науке выражений «колонизация», «феодалы» и т. д., говорило, скорее всего, о научных установках ученого, которые он старался вплести в общую канву изложения материала и придать им характер скрытого предпочтения. Во всяком случае, внимательное чтение работ С.Д. Асфендиарова подводит именно к такому заключению.

Большой вклад С.Д. Асфендиарова в развитие исторической науки Казахстана неоспорим. В частности, он одним из первых показал кочевую культуру как цивилизационную целостность, а его социальная характеристика казахского общества послужила ориентиром в научных исследованиях на долгие десятилетия вперед.

В то же время работа С.Д. Асфендиарова, написанная в традициях проблематики советской исторической науки (колониальные захваты Российской империи, роль классовой борьбы в казахском ауле, критика деятельности алашордынцев и т. д.), подтверж-

дает тезис: «Уже к середине 30-х гг. советская историческая наука при активном участии Покровского была накрепко вбита в прокрустово ложе марксизма-ленинизма» [8, с. 168].

Таким образом, одна группа исследователей считала, что казахское общество, несмотря на все эволюционные процессы, оставалось в своей основе традиционным, бесклассовым (С.Г. Соколовский, Т. Рыскулов и др.). Невольно продолжая традиции дореволюционной историографии, исследователи считали, что любое вторжение в экосистемы кочевников самопроизвольно, с целью самосохранения, приводит к отторжению чужеродных элементов, как негодных в политическом, идеологическом и культурно-ценностном смысле. При этом сохранялись практически в неизменном виде те институты, которые позволяли этнической общности приспособиться к новым социально-экономическим и культурным изменениям. Одним из таких институтов исследователи считают биев, аксакалов, которые рассматривались как представители родовой демократии. Это они пронесли сквозь время ценностные постулаты народа, укреплявших этнический фундамент кочевников – родо-племенную структуру общества, адаптированную к суровым природным условиям путем экстенсивного скотоводства. Сторонники этой концепции считали, что такое общество не имеет классовых противоречий, следовательно, говорить об эксплуатации трудового народа не приходится. Родовая верхушка рассматривалась как представительница родовой демократии.

Другое направление представлено работами сторонников изложения

истории в контексте классовой парадигмы развития (П. Погорельский, В. Батраков, Г.С. Тогжанов). Исследователи пытались выработать систему взглядов на вопрос о классовом содержании общественно-политической жизни номадов, в которую прочно были вплетены родовые формы бытия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асфендиаров С.Д. История Казакстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1935. 262 с.
2. Голощекин Ф.И. Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Алма-Ата: Гос. издательство РСФСР. Казакское краевое отделение, 1930. 41 с.
3. Голощекин Ф.И. Казакстан на путях социалистического переустройства. М.; Алма-Ата: Объединенное гос. издательство, 1931. 248 с.
4. Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 435 с.
5. Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М.: Издание Совнаркома К.А.С.С.Р., 1930. 385 с.
6. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1 / Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1935. 297 с.
7. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 2 / Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1936. 294 с.
8. Российская историография. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. 1996. 592 с.
9. Советская Степь. № 101. 1926, 7 мая.
10. Соколовский В.Г. Казакский аул. Ташкент: КазЦСУ, 1926. 55 с.
11. Чулошников А.П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1: Древние время и средние века. Оренбург: Киргизское государственное издательство, 1924. 293 с.

Всеобщая история

УДК 94.(32).04.

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-82-89

Николаева Н.А.

Московский государственный областной университет

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИФОВ «СЕВЕРНОГО ЦИКЛА» ДРЕВНИХ ГРЕКОВ, ИРАНЦЕВ И ИНДИЙЦЕВ В СВЕТЕ ПОЗДНЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ И АРИЙСКОЙ ПРАРОДИН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Аннотация. Знание об Арктике в мифологической традиции древних греков, индийцев, иранцев получают свое объяснение в свете концепции трех индоевропейских прародин с последней прародиной в Центральной Европе [10]. Группа поздних праиндоевропейцев (культура воронковидных кубков – КВК «АВ»), достигшая Южной Скандинавии, могла непосредственно наблюдать полярные явления. В связи с похолоданием часть их потомков (культура КВК «С») вернулась в Среднее Подунавье-Потисье, где возникла греко-армяно-арийская общность (археологический эквивалент Болераз/Баден+«древняя культура «1»). Реалистические рассказы об Арктике, принесенные мигрантами с Севера, стали общим достоянием для прагреков и ариев. Хотя со временем они приобрели фантастическую форму, тем не менее, сохранялись более трех тысячелетий как священное знание, зафиксированное в древней литературе этих индоевропейских народов.

Ключевые слова: индоевропейские и арийская прародины; «полярные мотивы» в мифологии греков, иранцев, индийцев; локализация гипербореев.

N. Nikolaeva

Moscow State Regional University

THE ORIGIN OF ANCIENT GREEKS, IRANIANS AND INDIANS «POLAR CYCLE» MYTHS IN THE LIGHT OF THE LATE INDO-EUROPEAN AND ARYAN HOMELANDS IN CENTRAL EUROPE

Abstract. Knowledge about the Arctic, found in the mythology of Ancient Greeks, Indians, and Iranians, can be explained through archaeology. From the point of view of V.A. Safronov's concept of the three ancestral homelands [10] the polar phenomena could be observed by the Proto-Indo-Europeans who reached Scandinavia (the bearers of Funnel Beaker culture). The climate changes made part of their descendants return to the Danube-Tisza region where they formed an alliance with the people of Lengyel IV/V culture that can be identified as the Greek-Aryan community. The archaeological equivalent of the Aryan part of this alliance was the ancient pot culture with flat-bottomed pots. Inaccessible Arctic from realistic stories brought by the migrants was later thought to be the country of Gods. Such understanding was kept for centuries as sacred knowledge in the literary works of Ancient Greeks, Iranians and Indians.

© Николаева Н.А., 2015.

Key words: Indo-European and Aryan homelands, «polar motives» in the mythology of Ancient Greeks, Iranians and Indians, location of Hyperboreans.

Мифы могут стать важным историческим источником при условии определения их даты, но встает вопрос, сообразуется ли хронологическая стратификация в мифологии с историческими периодами. Многослойность индоевропейской мифологии очевидна, поскольку мифы рождались на протяжении тысячелетий и, хотя и утрачивали актуальность, не исчезли, а сохранились благодаря включению их в эпос с последующим письменным закреплением в древней литературе.

Ранее мы показали, что древнейшие сюжеты индоевропейской мифологии возникли раньше оформления собственно праиндоевропейского языка (миф о Мировом Древе – 40 тыс. до н.э.; мифы о сотворении мира Девои творения в образе птицы из Мирового Яйца, миф о Волчьем боге, о Луке и стрелах – 12-9 тыс. до н.э.; миф о Великой богине – 8-6 тыс. до н.э.) [7; 8]. Получив историко-хронологический статус, эти мифы стали частью индоевропейской и всемирной истории.

Если упомянутые мифы сложились до начала переселения ранних праиндоевропейцев из Малой Азии в Центральную Европу [4; 7; 11, с. 125-140], то более поздние мифы отражают процесс расселения праиндоевропейцев по Европе, их перегруппировки и миграции с образованием промежуточных союзов носителей индоевропейских диалектов. Реальность греко-армяно-арийского лингвокультурного союза [1, с. 172; 10, с. 186] может быть подтверждена также данными мифологии.

И наоборот, данные лингвистики и археологии позволяют объяснить не только появление удивительных «полярных сюжетов» в мифологии народов, которые уже со 2 тыс. до н.э., занимали области Средней и Южной Азии, но и их происхождение. Речь идет о сказаниях древних иранцев и индийцев об удивительной и недостижимой стране где-то далеко на Севере [1].

Южные европейцы (греки и римляне), расположенные ближе к северу, также имели неотчетливые мифологизированные представления об отдаленных северных областях, что говорит об использовании даже в поздних античных источниках древнейшей версии «северных» мифов, несмотря на их достаточно раннее знакомство с этими регионами¹.

В отечественной историографии тема сходства и особой древности мифов с красочным описанием полярных явлений у древних греков, индийцев и иранцев получила полное освещение и трактовку в свете прародин древних ариев в азово-прикаспийских степях [1, с. 161-213]. Предметом данной статьи является объяснение факта появления в мифологии упомянутых народов реальных сведений об Арктике, исходя из концепции трех прародин праиндоевропейцев и гипотезы о прародине ариев в Центральной Европе².

¹ Речь идет о путешествии на север Европы Пифея из Массилии уже в 4 в. до н.э. (Strabo. I. 4. 3-6) [13, с. 69-71].

² В статье использованы первоисточники античной мифологии из главы «Аполлон и гиперборейцы» в книге А.Ф. Лосева [3, с. 402-423], из переводов текстов Помпония Мелы и Плиния Старшего, и комментариев к ним в

«Полярные сюжеты» представляют собой рассказы о далекой стране на севере, отдаленной от остального земного мира безлюдной пустыней, окутанной мраком и холодом, охраняемой ледяными ветрами, великанами или чудовищами. За этой пустыней поднимаются высокие горы, уходящие в небо и опоясывающие землю с запада на восток (Рипы – у греков, Хара – у иранцев, Меру – у индийцев). На северном склоне гор располагается обитель богов, где солнце восходит раз в году, где полгода длится день и полгода – ночь. За неприступными горами находится Северный (Молочный) Океан, а в нем остров с дивными растениями, где живут праведники, люди «золотого века», которые возносят хвалу богам. Живыми проникнуть в эту страну и покинуть ее могли только герои, избранные богами. Эта сказочная страна даже в мыслях недоступна простому смертному, но только богам и птицам, необозримые стаи которых находятся на вершинах этих гор [1; 3; 8; 9].

Этими общими чертами объединяются сказания греков, иранцев и индийцев о мифической стране на севере. Но наряду с общим каждая мифологическая традиция привносит черты своеобразие в описание этой страны.

Древние индийцы, дальше всех отстоявшие от северных регионов, фиксируют самые яркие, сильные и устойчивые впечатления об арктических областях с точными географическими и астрономическими привязками, слабее выраженными у греков и иранцев.

книге А.В. Подосинова и М.В. Скржинской [9; 10], а также версии «полярных мифов» из древнеиндийской и древнеиранской литературы, подобранные Г.М. Бонгардом и Э.А. Грантовским [1].

«Полярные мифы» неизменно повторяются в письменных памятниках Древней Индии в течение 2000 лет, начиная с «Ригведы». Знание древних индийцев об арктических областях исследователи справедливо делят на реальные и мифологические, причем указывают на их смешивание на ранней стадии [1, с. 11].

К реальному знанию можно отнести упоминание о полярном дне и полярной ночи. Но их трактовка уже мифологическая, поскольку год на севере приравнивается к «суткам богов», а «путь богов» на север начинается с весеннего равноденствия. Местоположение этой мифической страны четко определено относительно Полярной звезды, которая стоит над ней в зените [1, с. 10]. **Рядом с ней отмечают реально существующие созвездия Большой Медведицы, Кассиопеи, Волопаса, называя наиболее яркие звезды именами «риши» (праведников. – Прим. авт. – Н.Н.). «Видеть эти звезды над горизонтом возможно лишь в северных широтах. В областях не южнее 55-56° с.ш. в течение одной ночи зимой** указанные созвездия описывают круг, центром которого является Полярная звезда» [1, с. 5-6, 48].

Такое впечатляющее, реально существующее явление в приполярных областях, как Северное сияние, описывается древними индийцами метафорически в виде десяти танцующих апсар. Именно при описании страны, где солнце восходит на полгода, индийские сказители вспоминали о «плененных водах», «о принимающих красивые образы ниспадающих водах», что, по мнению исследователей, соответствует замерзшим водам, о которых говорится в «Махабхарате» [1, с. 6].

Образ Молочного моря, из которого боги добывают напиток бессмертия, амриту, вращая в его водах Мандару, высочайшую вершину горы Меру, легко ассоциируется с реальным Северным Ледовитым океаном. Светозарный Белый остров (Шветадвипа) за горами Меру, на севере Молочного моря» [1, с. 43] может соответствовать упоминаемому Пифеем из Массилии острову Тиле (или Туле), лежащему в шести днях плавания к северу от Британских островов, и который Страбон помещает на 66 параллель с.ш. (Strabo. II, IV, 1, 8) [12, с. 116].

Вот одно из описаний сказочной северной страны, многократно повторяющееся в произведениях древнеиндийской литературы, в частности в «Махабхарате»: «Есть несравненная гора Меру. Своими вершинами, горящими золотом, она отражает блеск Солнца. Великая эта гора стоит, закрывая небо своей высотой. Она недостижима другим даже в мыслях, она покрыта редкими деревьями и оглашается стаями разнообразных птиц. На ее высокую сияющую вершину однажды взойшли все могущественные боги и стали совещаться, как добыть амриту» [1, с. 51].

Древние иранцы сохранили меньше подробностей о сказочной стране, но и они почти все аналогичны индийским [1, с. 55-68]. Существенно то, что свою мифическую гору Хару Березайти древние иранцы располагают также под Полярной звездой. «На вечно сияющей Высокой Харе нет ни ночи, ни тьмы, ни холодного, ни знойного ветра, ни губительных болезней. <...> На Харе Березайти помещали страну небожителей. Живыми туда могли попасть лишь самые выдающиеся и

справедливые герои. На поднебесной высоте живут чудесные птицы и растут священные растения. У подножья Высокой Хары лежит огромное водное пространство – «море» Воурукаша. Посреди «моря» расположен чудесный остров, где живут священные животные и растут необыкновенно удивительные растения (такие же, как и на вершинах Хары). С Великих гор слетают на остров чудесные птицы. Добраться до этой райской обители удавалось лишь душам подлинных праведников. В качестве иллюстрации к этому приводится сходная судьба старшего из Пандавов Юдхиштхиры из «Махабхараты» и Кей-Хосрова из «Шах-Наме» [1, с. 58-64].

Сведения *древних греков* о Севере, начиная с 8 в. до н.э. многочисленны, но сохранились фрагментарно. О первом путешествии Аристее на север и описании увиденного в «Аримаспее» сообщает Геродот (Herod. IV, 13, 32-36) [2]. Полнее описания северной страны представлены в трудах римских историков, которые добавляли новые подробности [3; 8; 9]. Хотя древние авторы описывают эту мифическую страну с противоречивыми географическими ориентирами, складывается картина, подобная иранской и индийской: есть горы (Рипы или Атлант), которые держат небосвод; есть Молочный или Замерзший океан, острова и «страна блаженных», где вечное тепло и солнце. Выразительное описание этой страны дано Плинием: «Позади этих (Рипейских. – Прим. авт. – Н.Н.) гор и по ту сторону Аквилона (лат. «северный ветер») живет, если можно поверить, с незапамятных времен счастливый народ, который называют гиперборейями; про них рассказывают сказочные

чудеса. Там, говорят, находятся полюса и крайние точки звездных путей; полгода там светло, и солнце прячется всего на один день, а не на время между весенним и осенним равноденствием, как полагают несведущие люди. Один раз в году, в день летнего солнцестояния, солнце у них восходит один раз, в день зимнего солнцестояния. Эта солнечная страна с умеренным климатом не подвержена вредным ветрам. Гиперборейцы живут в рощах и лесах, почитают богов порознь и сообща, им не знакомы раздоры и недуги» (Plin. NH. 89, 91) [8].

Алкей (7 в. до н.э.) в изложении более позднего автора Гимерия сообщает, что покровитель и главный бог гипербореев, живущих на краю земли – Аполлон, который полгода находится в Дельфах, осенью улетает в Гиперборею, где солнечно и тепло. «Когда родился Аполлон, Зевс, украсивши его голову золотой митрой, послал его в Дельфы <...> Аполлон же, взойдя на колесницу, пустил лебедей лететь на север к гиперборейцам» [3, с. 407-408]. То, что этот миф был известен ахейским грекам, подтверждает террако-

товая группа, найденная в памятнике культуры полей погребений 13-12 вв. до н.э., в сербском Дупляе (рис. 1), изображающая стоящую на колеснице, влекомой лебедями, фигуру в одеянии, украшенном «солярными» и растительными мотивами. Эта находка позволяет удревить сведения первых письменных древнегреческих историков об Аполлоне Гиперборейском еще на полтысячелетия.

Существенным отличием древнегреческих представлений о Севере является то, что греки считают гипербореев реальным народом, а население Делоса даже причисляют к ним [3, с. 413]. Гекатей Абдерский (4 в. до н.э.) верит в существование гипербореев и считает, что их жрецы происходят из греков, и перечисляет их имена (фр. 9, 10) [19, с. 117]. Античные авторы сообщают, что гиперборейские жрецы Аполлона посещали не только Делос, но Афины и Сицилию. Хотя они и отличались по одежде и внешности от греков, по языку, согласно мнению последних, являлись эллинами. Другие авторы говорят, что язык гипербореев отличается от древнегреческого, но

Рис. 1. Дупляй. Сербия. Северные Балканы 13-12 вв.
Аполлон, улетающий в повозке, запряженной лебедями, в Гиперборею.

они проявляют особое дружелюбие к грекам, памятуя об отдаленном родстве [3, с. 407, 408; 9]. Согласно Аристотелю (Hist. Anim. VI, 35), титанида Лето, мать Аполлона, была родом из Гипербореи [3, с. 408].

Помпонию Мела, предшественник и почти современник Плиния, сообщает об одном недостающем звене, которое усиливает впечатление о сходстве в описании мифической северной страны древними греками и индийцами [3]¹. Речь идет о двух источниках «живой» и «мертвой» воды, в которых нетрудно видеть аналогию дарующему бессмертие напитку амриты из древнеиндийского мифа. Этот фрагмент завершает картину полного сходства в описании сказочной страны в мифологии древних греков, индийцев и иранцев.²

Авторы книги «От Скифии до Индии» признают, что «все указанные общие черты «северного цик-

¹ Подлинность этого важного фрагмента из Помпония Мелы, отсутствующего в академическом переводе [9], был подтвержден А.В. Подосиновым (письмо от 17 июня 2015 года), за что я ему безмерно благодарна. Он любезно прислал свой перевод этого отрывка (Mela III.100), который скоро будет опубликован: «(102). [Расположенные] напротив острова Блаженных изобилуют тем, что рождается само собой. Поскольку всё [там] рождается непрерывно одно за другим, люди кормятся, не испытывая ни в чем нужды; они счастливее, чем [жители] иных, благоустроенных городов. **Один [остров] весьма примечателен удивительными свойствами двух источников: тот, кто пьет из одного, умирает от смеха; лекарством для испивших из него является вода из другого.**»

² Однако, по мнению А.В. Подосинова, этот фрагмент связан с горой Атлант и островами Гесперид, которые находятся на крайнем западе Европы или Африки, а не в северных широтах. Однако условность географических ориентиров страны гипербореев убедительно показал А.Ф. Лосев [3, с. 415], что позволяет нам связать эти источники с «полярным мифом» греков.

ла» являются наследием отдаленной эпохи индоиранского единства и образуют прочную и длительную традицию передачи определенного цикла представлений» [1]. В то же время они придерживаются мнения о сохранении индоиранской общности почти до середины II тыс. до н.э.³ Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский с позиции арийской прародины в азово-каспийских степях не могут объяснить фактами археологии пребывание индоиранцев в районах Восточной Европы, вблизи Полярного круга. Поэтому исследователи делают вывод, что «сюжеты этого северного цикла были связаны по происхождению с легендарными и частично реальными представлениями космологической и мифологической системы древних народов северной и лесной зоны, и потому имеются все основания утверждать, что у предков индоиранских народов весь круг рассмотренных «северных» представлений мог сложиться лишь при непосредственных контактах с теми племенами Севера, которые обитали вблизи арктических районов» [1, с. 158].

Концепция четырех индоевропейских прародин [4; 7; 10; 11] позволяет более полно учесть все лингвистические и археологические факты и представить альтернативную гипотезу арийской прародины и объяснение сходству мифов, как и уточнить направление восточноевропейских миграций праиранцев и индоариев после распада индоиранской общности.

³ Датировка распада индоиранской общности определяется исследователями по-разному. По нашему мнению, распад её относится к середине III тыс. до н.э. по некалиброванным датам C₁₄) [1, с. 178; 12].

Согласно этой концепции евразийцы/ранние праиндоевропейцы в 12-9 тыс. до н.э. ушли из Центрально-Восточной Европы в Малую Азию [4, с. 69] и вернулись во второй половине 5 тыс. до н.э. в виде балкано-дунайской цивилизации (культура Винча и культуры «винчанского» круга; среднепраиндоевропейский этап) [4, с. 70], просуществовавшей более 2000 лет. В результате влияния этой цивилизации на автохтонов Центральной Европы сложилась позднеиндоевропейская общность (ее археологические эквиваленты Лендель+культура воронковидных кубков–КВК «АВ», вторая половина 4 тыс.). Около 3000 г. до н.э. северная ветвь этой общности (КВК «С») охватывала и Южную Скандинавию. *Эти племена КВК и были теми индоевропейцами, которые могли составить представление об Арктике, благодаря непосредственным наблюдениям.* Однако в начале 3 тыс. началось похолодание, и часть северных индоевропейцев (КВК «С») продвинулась к югу, в степи Дунайско-Тисского междуречья. Переход их к пастушеству дал импульс к сложению нового объединения в виде греко-армяно-арийской общности, археологически выраженное в сосуществовании культур. Болераз/Баден, Бодрогкерештур, древнеямная=ДЯК «1» [4, с. 70; 10, с. 186]. *В этот период северные индоевропейцы и могли передать свои реальные познания о приполярных областях Европы в среду племен-прагреков и ариев.*

Вслед за тохарами, первыми мигрантами в причерноморские степи (конными пастухами с конеголовыми скипетрами) [4, с. 71; 5], *индоиранцы* продвинулись из Потисья в степи Пру-

то-Днестровского междуречья. Они маркируются курганами, «ямным» обрядом погребения, *плоскодонной керамикой*, имеющей аналогии в культурах Центральной Европы (=древнеямная культура «1») [4, с. 71; 11, рис. 50, 51; 15]. Контакты части индоиранцев с неолитическими лесостепными племенами привели к антропологическим, культурным и языковым изменениям, распаду индоиранского единства к середине 3 тыс. до н.э. Новая группа лингвистически определяется как *праиранцы*. Археологический эквивалент праиранцев – позднедревнеямная культура=ДЯК «2», представленная подкурганными погребениями с яйцевидными сосудами, «костяными молоточковидными булавками» [10, с. 200]¹.

Индоарии, локализующиеся южнее праиранцев, в низовьях рек Азово-Черноморья, в отличие от праиранцев сохранили культуру предков-индоиранцев, что отражено и в их языке, мало изменившимся сравнительно с индоиранским [1, с. 178]. Наиболее характерными признаками индоариев являются обряд погребения, плоскодонная керамика и повозка [10, с. 155-179]. Их археологический эквивалент, позволяющий проследить миграцию индоариев от Болгарии до Северо-Западного Кавказа, – *кубано-днепровская культура*, открытая автором данной статьи и названная по двум крупным анклавам индоариев [10, с. 161 сл., рис. 53, 54, 58]. Миграция индоариев по югу черноморо-азовских степей подтверждается индоарийским пластом топонимики от Трансильвании

¹ Молоточковидные булавки являются единственной общей чертой археологических культур индоариев и праиранцев и символизируют изображение Великой Богини индоиранцев [4].

до Прикубанья [13]. Общность их начальной истории объясняет сходство сказаний ариев о мифической северной стране.

Греки, оставаясь в Подунавье [10, с. 179-190], несколькими волнами приходят в Южную Грецию с 28 в. до н.э. и до 11 в. до н.э. Их представления о Севере более реальны [3, с. 415], хотя они в разные периоды различно локализируют в пространстве страну гипербореев [2; 3, с. 415]. Однако в древнейшей версии древнегреческих авторов 8-7 вв. до н.э. (Гомер, Алкей, Гесиод) «гипербореи», «Рипейские горы», «Молочный океан» помещаются все-таки на географическом севере. В свете сказанного в гипербореях, вероятно, следует видеть северных индоевропейцев, носителей культуры воронковидных кубков, занимающих Южную Скандинавию, области от Рейна до Прикарпатья. Тогда получает объяснение различная локализация гипербореев, которые согласно греческим преданиям жили и у истоков Истра (далеко на западе), и на севере у Океана (за Альпами и Карпатами) [3, с. 415].

По достижении исторических областей обитания индоариями и иранцами их реальные знания о Севере, не будучи подкрепленными непосредственными наблюдениями, мифологизировались в сказочную страну богов и праведников, но никогда не забывались.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 3 изд. СПб.: Алетей, 2001. 224 с.
2. Геродот. История. / пер. с др.-греч. Г.А. Страпановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
3. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 617 с.
4. Николаева Н.А. О концепции 4-х прародин индоевропейцев В.А. Сафронова // Индоевропейская история в свете новых исследований. М., 2010. С. 58–73.
5. Николаева Н.А. Юго-Восточная Европа и Кавказ. Культурно-исторические связи в середине III тыс. до н.э. (проблема датировки «конеголовых скипетров») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 1. С. 99–109.
6. Николаева Н.А. О хронологии древнейшего слоя индоевропейской мифологии // Индоевропейское языкознание и классическая филология: Материалы XVIII чтений, Институт лингвистических исследований, 18–20 июня 2014 г. СПб.: Наука, 2014. С. 355–367.
7. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: Белый Волк, 1999. 210 с.
8. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники (тексты, перевод, комментарий). М., Индрик, 2011. 504 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
9. Подосинов А.В. Роман о «гипербореях» Гекатея Абдерского // Вестник древней истории, 2013. № 1. С. 116–129.
10. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское. изд-во, 1989. 398 с.
11. Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М.: Русская панорама, 2003. 424 с.
12. Страбон. География /пер. с др.-греч. Г. А. Страпановского, под ред. О.О.Крюгера, М.: Ладомир, 1994. 904 с.
13. Яровой Е.В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья в эпоху раннего металла: Автореф. дисс. М., 2000.

УДК 94.(32).04.

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-90-96

Сафронов А.В.*Московский государственный областной университет*

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОНФЛИКТЕ ЛИКИЙЦЕВ С КИПРОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫС. ДО Н.Э. *

Аннотация. В статье рассматриваются данные неопубликованного письма Or. 90/1511 из Сапинувы, которое было обнародовано А. Суэль на конгрессе по хеттологии в Чоруме в 2014 г. В данном письме упоминается о военном конфликте между ликийцами и Кипром. Датировка письма первой половиной 14 в. до н.э. позволяет автору привести хронологически близкие параллели данным этого конфликта из амарнского письма EA 38 и хеттского текста KUB 14.1 о набегах ликийцев на Кипр. По его мнению, все три документа отразили процесс усиления грабительских набегов ликийцев в Восточном Средиземноморье в конце 15 – первой половине 14 в. до н.э. в условиях ослабления влияния хеттов в западной Анатолии.

Ключевые слова: Аласия, Кипр, Лукка, ликийцы, Маддуватта, Сапинува, эль-Амарна, Тудхалия II.

A. Safronov*Moscow State Regional University*

NEW DATA ABOUT THE CONFLICT BETWEEN THE LYCIANS AND CYPRUS IN THE SECOND HALF OF 2000 BC

Abstract. The article deals with the unpublished letter Or. 90/1511 from Sapinuwa which was made public by A. Suel at the Congress on Hittitology in Çorum in 2014. In this letter the armed conflict between the Lycians and Cyprus is mentioned. As it was announced by the scholar, the letter should be dated back to the reign of Tudhaliya II, i.e. approximately to the first half of the 14 century BC. Based on this fact the present author suggests that chronologically similar parallels for this text can be found in Amarna letter EA 38 and Hittite's text about Lycians' raids to Cyprus. In his opinion, all the three documents reflect the increase of Lycians' raids in Eastern Mediterranean in the end of the 15 – early 14 centuries BC because of weakening control of Hittite in western Anatolia.

Key words: Alasia, Cyprus, Lycians, Lukka, Madduwatta, Sapinuwa, Tudhaliya II.

В докладе на IX международном конгрессе по хеттологии в Чоруме

© Сафронов А. В., 2015.

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-31-01307 «Великие державы и мигрирующие народы: этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке во второй половине 2 тыс. до н.э.».

(Турция)¹ А. Сюэль обнародовала текст письма Or. 90/1511, который был найден при раскопках резиденции хеттских царей 15–14 вв. до н.э. Сапи-

¹ Доклад «Два письма из Ортакея» был прочитан профессором историко-филолого-географического факультета университета Анкары А. Сюэль 4 сентября 2014 г.

нувы. Исследовательница ограничилась демонстрацией транслитерации и перевода текста, попутно отметив, что данный документ должен относиться ко времени правления отца Суппилиумы I Тудхалии II, т.е. к первой половине 14 в. до н.э.¹ Однако никакого исторического комментария к письму Ор. 90/1511 А. Сюэль предложено не было. Этот документ до сих пор не опубликован, поэтому приходится ссылаться на транслитерацию, представленную исследовательницей в докладе².

Текст состоит из 37 строк, при этом значительная его часть повреждена. Имен и титулов отправителя и адресата не сохранилось. Первые десять строк сильно разрушены. В строке 7 в неясном контексте упоминается «чело-

¹ Этот вывод базируется на датировке всего архива Сапинуву, который А. Сюэль на основании палеографического и просопографического анализа в своих предыдущих публикациях относил ко времени Тудхалии II или, более широко, к Среднехеттскому периоду [18, р. 670; 19, р. 104-105]. **Относительная хронология** правления Тудхалии II неясна. Ключевым пунктом для ее установления является письмо EA 41 из амарнского дипломатического архива, которое было отправлено Суппилиумой I фараону с именем Хурия [13, р. 114-115]. Мы придерживаемся мнения, что в последнем следует видеть Эхнатона. Соответственно, правление отца Суппилиумы I Тудхалии II должно было в какой-то части совпадать с царствованием отца Эхнатона Аменхотепа III (по принятой нами здесь средней модели хронологии Нового Царства: 1402-1364 г. до н.э.), т.е. в широких границах его следует датировать первой половиной 14 в. до н.э.

² Автор благодарен В.Ю. Шелестину за предоставление транслитерации текста Ор. 90/1511 из доклада А. Сюэль и обсуждение его спорных моментов. Также автор признателен И.С. Якубовичу, А.С. Касьяну и А.А. Немировскому, которые любезно ознакомились с его переводом и сделали ряд ценных замечаний.

век города Уры» (LÚ^{URU} u-ra), за которым следует аккадская лексема LÚE-PIŠ (изготовитель, производитель. – Прим. авт. – А.С.). В строках 9-10 говорится о дани, которую отправитель письма послал хеттскому царю: ⁽⁹⁾ nu-za-kan ka-a-ša ar-ga-[ma-na-aš] ⁽¹⁰⁾ MA-ḪAR DUTU^{ŠI} BEL-IA pa-ra-a neḫ-ḫu-un ⁽⁹⁾ И теперь дань ⁽¹⁰⁾ для Солнца, господина моего (т.е. хеттского царя. – Прим. авт. – А.С.), я послал». Из этих строк можно заключить, что отправитель письма – либо вассальный от хеттского царя правитель, либо хеттский чиновник, который, в том числе, отчитывается перед царем об исполнении поручения по сбору дани. Поэтому данный текст можно рассматривать как донесение ко двору в Сапинуву.

В строках 11-30 содержится следующая информация: ⁽¹¹⁾ nu-mi mta-at-ta-ma-ru-uš ki-iš-ša-an ⁽¹²⁾ me-mi-iš-ta ŠA A-la-a-ši-ia-ṽa ⁽¹³⁾ GIŠMA^{HLA} a-ru-u-ni an-da LÚ.MEŠ^{URU} I-it(?) -ru-u-ra(?) ⁽¹⁴⁾ U LÚ.MEŠ^{URU} Ḫa-aḫ-ḫa-da ŠA KUR^{URU} Lu-ug-ga-a ⁽¹⁵⁾ ku-e-ni-ir ⁽¹⁶⁾ LÚ KUR^{URU} A-[la-a]-ši-ia-ma-ṽa ki-iš-ša-an ⁽¹⁷⁾ me-mi-iš-ta ⁽¹⁸⁾ GIŠMA^{HLA} -ia-ṽa ⁽¹⁹⁾ LÚ.MEŠ^{URU} x-x-x [x] -ni-ik-ku ku-e-ni-ir ⁽²⁰⁾ UM-MA LÚ KUR^{URU} A-[la-a]-ši-ia-ma-ṽa LÚ.MEŠ^{URU} U-ra-ši ⁽²¹⁾ am-mu-uk me-na-aḫ-ḫa-an-da tak-šu-ul ku-it ⁽²²⁾ nam-ma KUR-e an-da tar-na-an ⁽²³⁾ GIŠMA^{HLA} -ia-ma-an-ṽa-kan ⁽²⁴⁾ ma-aḫ-ḫa-an ku-e-ni-ir ⁽²⁵⁾ ki-nu-na-ṽa ma-aḫ-ḫa-an KUR^{URU} A-la-a-ši-ia ut-tar ša-ku-ṽa-aš-ša-ar iš-ta-ma-aš-zi ⁽²⁶⁾ GIŠMA^{HLA} -kan ⁽²⁷⁾ ma-aḫ-ḫa-an LÚ.MEŠ^{URU} KUR^{URU} Lu-ug-ga-[a] ku-ru-u-ra-aš ⁽²⁸⁾ ku-e-ni-ir ⁽²⁹⁾ nu-ṽa-mu LU KUR^{URU} A-la-a-ši-ia mša-ru-u-ṽa-an ⁽³⁰⁾ am-mu-uk A-NA^m ta-ad-dam-ma-ru xxxx ⁽³¹⁾ na-aš-mu ki-iš-ša-an ḫa-at-ra-it [.....] ⁽³²⁾ zi-ki-la e-ḫu [] DUB.PI (?) [.....] ⁽³³⁾ И мне Таттамару так ⁽³⁴⁾ сказал: «Корабли

Аласии⁽¹³⁾ в море люди города Итрура (?)⁽¹⁴⁾ и люди города Хаххада страны Лукка⁽¹⁵⁾ уничтожили.⁽¹⁶⁾ Человек же страны Аласия так⁽¹⁷⁾ сказал: «Корабли также⁽¹⁸⁾ люди города уничтожили». ⁽¹⁹⁾ Так человек страны Аласии (сказал): «С тех пор как люди города Ураси⁽²⁰⁾ мне дружественными (были),⁽²¹⁾ но затем страна оставлена (?), когда корабли⁽²²⁾ они уничтожить хотели¹.⁽²³⁾ И теперь, когда страна Аласия⁽²⁴⁾ слово истинное (суть дела. – Прим. авт. – А.С.) услышит, как корабли⁽²⁵⁾ враждебные люди страны Лукка⁽²⁶⁾ уничтожили». ⁽²⁷⁾ И мне человек страны Аласия Саруван [.....]⁽²⁸⁾ я Таттамару⁽²⁹⁾ Он мне так написал [.....]⁽³⁰⁾ «Ты сам приди [.....] (глиняной) таблички(?) [.....]».

Далее текст не поддается сколько-нибудь связному восстановлению². Заканчивается письмо двумя строками: ⁽¹⁾ *na-aš-kan I-NA KUR URU u-ra-ši pa-ra-a na-x [...]* ⁽²⁾ *ni a-u-ri-ia-aš ar-ha li-e tar-na[...]* «⁽¹⁾ И он в страну Ураси отправ[ил(?)]...» ⁽²⁾ И на пограничных постах не пропуст[или они(?)]...».

Несмотря на неясность общего контекста письма, очевидно, что в вышеприведенном отрывке содержится информация о военном конфликте между страной Аласией и жителями страны

Лукка. Аласия древневосточных документов уже давно была надежно идентифицирована как царство на Кипре³. Территорию же страны Лукка, которая упоминается в угаритских, хеттских и египетских документах, можно также достаточно уверенно отождествлять с частью классической Ликии на юго-западе Малой Азии [6, р. 81; 16, S. 321-325; 20, р. 133]⁴. Хотя, как уже говорилось, в тексте не сохранилось ни имени отправителя, ни имени адресата, сама датировка архива Сапинувы 15 – первой половиной 14 в. до н.э. [12, р. 1037] позволяет, на наш взгляд, указать любопытные синхронные египетские и хеттские параллели сообщению письма **Or. 90/1511 о конфликте между Кипром и ликийцами**.

В дипломатическом архиве эль-Амарны, в котором сохранилась переписка Аменхотепа III и Эхнатона с независимыми царями Переднего Востока или вассальными от Египта

³ Еще в конце XIX в. благодаря найденной на Кипре греко-финикийской билингве, которая содержала посвящение Аполлону Аласийскому, стало возможным локализовать многократно зафиксированный древневосточными источниками топоним Аласия на этом острове [15, S. 67]. В 2003 году был проведен петрографический и химический анализ глины клинописных табличек, которые были посланы правителями Аласии в Египет и Угарит. В результате удалось доказать, что глина происходит из кипрских месторождений, что окончательно подтвердило тождество между Аласией и Кипром [7, р. 248-250].

⁴ В хеттских источниках 14-13 вв. до н.э. зафиксировано, по крайней мере, 8 топонимов, которые уверенно можно сопоставить с названиями античных городов Ликии [17, S. 26]. Обнаружение Ялбуртской надписи, упоминающее военную кампанию Тудхалии IV в странах Лукка, также показало, что топонимы, с ними связанные, имеют надежные параллели в греческих названиях классической Ликии (Оиноанда, Арна, Тлос и т.д.) [20, р. 133].

¹ И.С. Якубович справедливо указал, что предложение ^{GI}MA^{HLA}-ia-ma-an-ṭa-kan ma-aḥ-ḥa-an ku-e-ni-ir (стк. 21-22) следует рассматривать как опативное, вводимое частицей -maṭ. Это предположение доказывается и написанием ma-an, характерным для частицы, но не для союза (ma-a-an). В таком случае, в стк. 12 и 17 лексему ^{GI}MA^{HLA} «корабли» также следует рассматривать как дополнение, а не подлежащее, несмотря на неканонический порядок слов.

² ⁽³¹⁾ ^{GI}MA^{HLA} pi-iḥ [.....] ⁽³²⁾ ^{GI}MA^{HLA} ku-[...]
...] ⁽³³⁾ ma-a-an ku-ṭa-a[...]
⁽³⁵⁾ x x [.....]. ⁽³⁴⁾ za-aḥ-ḥi-ia [.....]

правителями, содержится письмо ЕА 38, отправленное правителем Кипра фараону. Текст на лицевой стороне таблички гласит: «⁽¹⁻⁶⁾ Царю страны Мицри (Египта. – *Прим. авт. – А.С.*), моему брату, скажи: «Так (говорит) царь страны Аласия, твой брат: «Да будет всё хорошо с тобой, твоим домом, твоими женами, твоими сыновьями, твоими лошадьми, твоими колесницами, и в твоей многочисленной армии, в твоих землях и среди твоих сановников да будет все очень хорошо. ⁽⁷⁻¹²⁾ Почему, брат мой, ты говоришь эти вещи мне? Что до того, разве мой брат не знает этого? Я не делал этого! Теперь люди страны Лукка год за годом захватывают по маленькому городу в моей стране. ⁽¹³⁻¹⁸⁾ Мой брат, ты говоришь мне: «Люди твоей страны – с ними». Но я, мой брат, не знал, что они с ними. Если люди моей страны с ними, то напиши мне, и я поступлю соответственно (с ними). ⁽¹⁹⁻²²⁾ Ты не знаешь, что люди из моей страны (с ними). Я не делал этого! Если люди из моей страны сделали (это), то делай, как ты пожелаешь. ⁽²³⁻²⁶⁾ Теперь, мой брат, поскольку ты не отправил моего посланца назад, (вот) эта табличка. Это брат царя, позволь ему написать. Твой посланец скажет, что мне нужно будет делать. **Оборотная сторона таблички:** «⁽²⁷⁻³⁰⁾ Кроме того, кто из твоих отцов делал эти вещи в отношении моих отцов в прошлом? Так что теперь, брат мой, не принимай это к сердцу» [14, р. 351, 353].

К сожалению, в письме ЕА 38 фараон, адресат письма, не назван по имени. Предполагалось, что оно должно относиться ко времени правления Эхнатона (1364–1347 гг. до н.э.) [5, р. 2]. Эта датировка, якобы, может следовать из письма ЕА 33, в котором пра-

витель Кипра обращается к недавно взошедшему на трон фараону с предложением возобновить выражавшиеся в обмене дарами дружественные отношения между двумя странами, существовавшие при отце адресата [13, р. 104]. Поскольку амарнский архив в широких рамках должен датироваться с 30-х годов правления Аменхотепа III (1402–1364 гг. до н.э.) по конец правления его сына Эхнатона [13, р. xxxiv]¹, то речь в письме ЕА 33 может идти только о его сыне Эхнатоне. Это якобы позволяет датировать весь корпус «кипрских» писем амарнского архива (ЕА 33-40) временем правления последнего. Однако очевидно, что письмо ЕА 38 равным образом могло быть написано и ранее правления Эхнатона, тем более что в письме ЕА 33 упоминаются египетские послы Аменхотепа III на Кипре. Иными словами, это письмо в широких границах может датироваться с конца 70-х гг. 14 в. до н.э. до 1347 г. до н.э., последнего года правления Эхнатона.

Тогда для нашего исследования особенно интересны строки 10-12: ⁽¹⁰⁾ *e-ni-ma LÜ.MEŠ ša KUR Lu-uk-¹ki¹ ša-at-ta ša-ta-ma¹ i¹-na¹ KUR-i¹a¹ URU¹šé-eḫ-ra⁽¹²⁾ i-lé-qè* «⁽¹⁰⁾ Теперь люди страны Лукка ⁽¹¹⁾ год за годом в стране моей по городу маленькому ⁽¹²⁾ захватывают» (пер. по транслитерации: 14, р. 350). Фактически данный отрывок письма ЕА 38 весьма схож с вышеприведен-

¹ Мы не придерживаемся точки зрения, что в письме ЕА 9 под именем Нипхурререй упоминается Тутанхамон [13, р. xxxiv-xxxv, xxxviii, п. 137], считая, что его одним из вариантов аккадского написания тронного имени Эхнатона Напхурурей. Иных свидетельств того, что в амарнском архиве содержатся письма правления фараонов XVIII династии после Эхнатона, нет. Об имени Хурия письма ЕА 41 см. сн. 3.

ным хеттским текстом Ор. 90/1511 из Сапинувы и также говорит о нападениях ликийцев, причем регулярных, на Кипр. Поскольку хронологически тексты писем ЕА 38 и Ор. 90/1511 близки (первая половина 14 в. до н.э.), можно предположить, что речь идет если и не об одном и том же событии, то, по крайней мере, о схожих и практически синхронных набегах ликийцев на Кипр.

Кроме того, на наш взгляд, вышеупомянутые тексты из Сапинувы и эль-Амарны можно сопоставить с отрывком хеттского документа KUB 14.1, более известного как текст «О прегрешениях Маддуватты» [2, с. 34-35; 3, с. 15-16]. Сам текст относится к концу 15 в. до н.э., ко времени правления хеттских царей Тудхалии I и Арнуванды I [9, р. 58-59; 4, р. 69]¹. Маддуватта был изгнан из своих владений человеком страны Аххия Аттарсией². Изгнанник нашел приют у отца хеттского царя, автора текста KUB 14.1. Тот спас его самого, его семью и его войска как от Аттарсии, так и от голода. После этого Маддуватта получил на западе Малой Азии во владение область Циппаслу на правах вассала. Однако он вступил в военный конфликт с правителем западномалоазийского государства Арцава Купанта-Курунтой и был разбит. Хеттские войска пришли Маддуватте на помощь и восстановили его на троне. Однако на Маддуватту вновь напал Аттарсия, и хеттский царь был вынужден снова посылать войско на

помощь Маддуватте. Вскоре последний вероломно предал хеттов. Маддуватта помог жителям города Далава разбить хеттское войско под предводительством полководца Киснапили, после чего те стали его подданными. Затем Маддуватта договорился со своим прежним врагом Купанта-Курунтой и отдал ему свою дочь в жены [11, S. 115-116; 4, р. 83]. Вскоре после этого бывший хеттский вассал принялся завоевывать города западной Малой Азии, прежде, согласно тексту KUB 14.1, принадлежавшие хеттам. В конце концов, он, возможно, договорился и со своим прежним гонителем Аттарсией, и они практически одновременно стали нападать на Кипр. В параграфе 36 KUB 14.1 хеттский царь прямо обвиняет Маддуватту в этом: ⁽⁸⁴⁾ [...] х ^mMu-ul-li-ya-^rra-ma? ¹[A-NA ^mMa-ad-du-^ua-at-ta ^{tup-pí}] ¹AD¹-DIN^dUT[^UŠi-^ua] ¹ki¹-iš-ša-an me-mi[-iš-t]a ⁽⁸⁵⁾[KUR] ^{URU}A-¹la¹-ši-ya-^ua ŠA ^dUTU^{Ši}ku-it L[^U.MEŠ KUR ^{URU}A-la-ši-ya-^ua-^umu ar-kam-ma]-an pí^d-¹da-a-an-zi¹ [ku-^ua-at-^ua-ra-at ^ua-al-^ha-an-ni-iš-ki-it] ^mMa-ad-du-^ua-at-ta¹[-aš]-¹u^a ⁽⁸⁶⁾[ki-iš]-¹ša¹-an me-mi-iš-ta KUR ^{URU}A-la-ši-ya-^ua m[a-a^h-^ha-an^m At-tar-aš-ši-y]a-aš LÚ[^{URU}Pí-ig-ga-ya-ya ^ua-a]l-¹h^a-an-ni-iš-kir [ú-ug-ga-^ua-ra-[a]t [^ua]-al-^ha-ni-iš-ki-nu-un]³ ⁽⁸⁷⁾A-BI ^dUTU^{Ši}-ma-wa-mu Ū[-UL ku-^ua-pí-ki wa-a-tar-na-a^h-ta] ^dUTU^{Ši}-ma[-^ua-mu Ū-UL] ku-^ua-pí-ki wa-a-tar-na-a^h-ta ⁽⁸⁸⁾KUR ^{URU}A-la-ši-ya-^ua am-¹me-el¹ nu-^ua-ra-at ¹QA-TAM¹-MA ¹ša-a-ak¹ ki¹-nu-na-^ua ma¹-a-an ^dUTU^{Ši} NAM.RA.ḪIA ^{URU}A-la-ši-ya-aš im-ma a-ap-pa ú-e-^ua-ak-¹ki¹[-zi] ⁽⁸⁹⁾nu-^ua-ra-an-ši ¹a-ap-pa¹ pí[-i^h-^h]i ⁽⁸⁴⁾[Донесение(?)] Мулияры: Маддуватте табличку я дал, (сказав): «Солнце (т.е.

¹ Данная датировка KUB 14.1 основана на палеографическом, лингвистическом и антропонимическом анализе текста [10, S. 246].

² Страну Аххия/Аххияву следует, видимо, следует локализовать в Южной Греции [2, с. 39-40].

³ Восстановление лакуны по: [4, р. 94, п. 97].

хеттский царь. – *Прим. авт. – А.С.*) [.....] так сказал: «⁽⁸⁵⁾ «Поскольку страна Аласия (принадлежит) Солнцу, и [люди страны Аласия мне дань] приносят, почему ты на нее нападал?». Маддуватта ⁽⁸⁶⁾ так сказал: «Как на страну Аласия Аттарсия и человек города Пиггайя нападали, (так и) я на нее нападаю». ⁽⁸⁷⁾ Отец же Солнца мне [не сообщал никогда], Солнце тоже [мне не] сообщало никогда: ⁽⁸⁸⁾ «Страна Аласия – моя, и это ты также знай!». Теперь, если даже Солнце пленных страны Аласия назад потребует, ⁽⁸⁹⁾ то их ему назад я пришлю» (пер. по транслитерации в: [4, р. 94, 96]). В конце параграфа 36 KUB 14.1 содержится раздраженный ответ хеттского царя Маддуватте: *nu mAt-tar-aš-ši-ya-aš LÚ URU Pi-ig-ga-ya-ya A-NA dUTUŠI LÚ.MEŠ ku-re-e-wa-ni-eš ku-it mMa-ad-du-wa-at-ta-aš-ma ARAD dUTUŠI* ⁽⁸⁹⁾ Однако Аттарсия и человек города Пиггайя по отношению к Солнцу независимые правители, (ты) же, Маддуватта – раб Солнца» (пер. по транслитерации в: [4, р. 94, 96]).

В связи с нападениями Маддуватты на Кипр любопытно отметить, что частью созданного им государства, очевидно, являлись области страны Лукка/Ликий на юго-западе Анатолии. Циппасла, первоначально данная хеттами во владение Маддуватте, вероятно, была расположена рядом с северной границей Ликии [1, с. 68]. Поскольку по тексту KUB 14.1 жители города Dalawa, надежно отождествленного с ликийским топонимом Τάως [8, р. 134; 17, S. 26], стали подданными Маддуватты, заманчиво предположить, что именно подвластные ему ликийцы, известные своими набегами на Кипр, предоставили флот для напа-

дения на остров. Если это так, то KUB 14.1, который хронологически должен несколько предшествовать вышеприведенным письмам из Сапинувы и эль-Амарны, содержит информацию о тех же набегах ликийцев на Кипр уже в конце 15 в. до н.э., что, видимо, стало возможным в условиях ослабления власти хеттов в Западной Анатолии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 331 с.
2. Сафронов А.В. «Народы моря» и Ближний Восток: этнополитические процессы в конце 13 – начале 12 вв. до н.э. // Краткие сообщения Института археологии. 2009. № 223. С. 31–47.
3. Сафронов А.В. «Народы моря» на Древнем Востоке в 14 – первой половине 13 в. до н.э. // Восток (Oriens). Афроазиатские общества: история и современность. 2012. № 5. С. 12–19.
4. Beckman G.M., Bryce T.R., Cline E.H. The Ahhiyawa Texts. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2011. xiv+302 p.
5. Cochavi-Rainey Z. The Alashia Texts from the 14th and 13th Centuries BCE. A Textual and Linguistic Study. Münster: Ugarit-Verlag, 2003. xii+129 p.
6. Garstang J., Gurney O.R. The Geography of the Hittite Empire. London: British Institute of Archaeology at Ankara, 1959. x+133 p.
7. Goren Y., Bunimovitz Sh., Finkelstein I., Na'aman N. The Location of Alashiya: New Evidence from Petrographic Investigation of Alashiyan Tablets from El-Amarna and Ugarit // American Journal of Archaeology. Vol. 107/2. P. 233–255.
8. Gueterbock H.G. The Hittites and the Aegean World: Part 1. The Ahhiyawa Problem Reconsidered // American Journal of Archaeology. 1983. Vol. 87/2. P. 133–138.
9. Houwink ten Cate Ph. H.J. The Records of

- the Early Hittite Empire. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut in het Nabije Oosten, 1970. xvi+87 S.
10. Kammenhuber A. Probleme der Textdatierung in der Hethitologie. Heidelberg: C. Winter, 1979. viii+315 S.
11. Klengel H. Geschichte des hethitischen Reiches. Leiden- Boston-Köln: Brill, 1999. xxvi + 428 S.
12. Mielke D.P. Key sites of the Hittite Empire // The Oxford Handbook of Ancient Anatolia / Sh.Steadman, G. McMahon (eds.). Oxf.: Oxford University Press, 2011. P. 1031–1054.
13. Moran W.L. The Amarna Letters. Baltimore–London: The John Hopkins University Press, 1992. xlvii+394 p.
14. Rainey A.F. The El-Amarna Correspondence. A New Edition of the Cuneiform Letters from the Site of El-Amarna based on Collations of all Extant Tablets. Leiden–Boston: Brill, 2015. xv+1313 p.
15. Reallexicon der Assyriologie. Bd. 1. / E. Ebeling, Br. Meissner (Hrsg.). B. – Lpz.: Walter de Gruyter & Co, 1928. ix+483 S.
16. Schachermeyr Fr. Mykene und das Hethiterreich. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1986. 367 S.
17. Schürr D. Zur Vorgeschichte Lykiens: Städtenamen in hethitischen Quellen // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. 2010. Bd. 92/1. S. 7–33.
18. Süel, A. 2001. Ortaköy Tabletleri Işığında Batı Anadolu ile İlgili Bazı Konular Üzerine // Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie: Würzburg, 4.–8. Oktober 1999 / G. Wilhelm (ed.). Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. S. 670–678.
19. Süel A. Ortaköy-Şapinuwa // Recent Developments in Hittite Archaeology and History. Papers in Memory of Hans G. Güterbock / A.Yener, H. Hoffner (eds.). Winona Lake, 2002. P. 157–166.
20. Yakubovich I. Sociolinguistics of the Luwian Language. Leiden–Boston: Brill, 2010. xvi+454 p.

УДК 94(470.67)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-97-106

Абдусаламов М.-П.Б.

Дагестанский государственный институт народного хозяйства (г. Махачкала)

ШАМХАЛЬСТВО ТАРКОВСКОЕ В РУССКО-ИРАНСКИХ И РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Аннотация. В статье на основе анализа разнообразных архивных и литературных материалов рассматривается место и роль могущественного государственного образования Дагестана – шамхальства Тарковского в русско-иранских и русско-турецких отношениях во второй половине XVI в. В своей захватнической политике на Кавказе каждая из держав – Персия, Порты и Россия пытались склонить на свою сторону шамхала Тарковского, сделать его союзником. По мнению автора, шамхальству в рассматриваемый период удавалось сохранить свою независимость от сопредельных великих держав благодаря гибкой и последовательной политике «лавирования», проводимой тарковскими шамхалами. Умело играя на противоречиях иранских шахов, турецких султанов и русских царей, они получали от них подарки и жалованье, формально обещая им покорность.

Ключевые слова: Кавказ, шамхальство Тарковское, Сефевидский Иран, Османская империя, Крымское ханство, Россия, шерть, Терский город, международные отношения.

M. Abdusalamov

The Dagestan State Institute of National Economy, Makhachkala

SHAMKHALATE TARKOVSKY IN RUSSIAN-IRANIAN AND RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE SECOND HALF OF XVI CENTURY

Abstract. Having analyzed the variety of archival and published materials the author considers the place and role of a powerful state institution of Dagestan Shamkhalate Tarkovsky in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the second half of the XVI century. Pursuing a rather aggressive policy in the Caucasus, each of the powers - Persia, Porte and Russia tried to pre-engage Shamkhal Tarkovsky in its favour and make it an ally. According to the author, in the period under review Shamkhalate managed to maintain its independence from the neighboring great powers thanks to a flexible and consistent policy of "maneuvering" held by Tarkovsky Shamkhalov. Skillfully playing on the contradictions of Iranian shahs, Turkish sultans and Russian tsars, they received gifts from them and paid them salaries formally promising to be obedient.

Key words: the Caucasus, Shamkhalate Tarkovsky, Safavid Iran, the Ottoman Empire, Crimean Khanate, Russia, chert, Terek city, international relations.

В XVI в. происходит быстрое оформление двух огромных централизованных держав Передней Азии – Сефевидского Ирана и султанской Турции, между которыми с 1514 по 1639 гг. шла непрерывная война из-за господства над Кавказом [21, с. 100].

В 1556 г. в борьбу за Кавказ вступает третья большая централизованная держава – Россия, овладевшая к этому времени Астраханским ханством, благодаря чему она вышла к Каспийскому морю и Предкавказью. В связи с этим ситуация вокруг Кавказа еще более обострилась [17, с. 5].

Во второй половине XVI в. борьба за гегемонию на Кавказе между Османской империей и шахским Ираном склонялась в пользу первой из них [12, с. 110]. Это ожесточенное противостояние было, в значительной мере, борьбой за те торговые пути, которые через Кавказ вели на Восток, по которым персидский шелк проникал в Европу. Доминирование Порты на западном побережье Каспийского моря расстраивало издавна налаженную торговлю Ирана через Астрахань с Москвой. Для Московского государства это означало, что весь персидский шелк, шедший через Астрахань в Европу, пойдет теперь в Европу через Малую Азию и Смирну, а следовательно, расстроится и весь московский товарооборот с Ираном [16, с. XII].

В плане реализации политических и экономических задач на Кавказе Россия активизировала политику в бассейне Волги и Северного Кавказа [10, с. 316-317]. Со второй половины XVI в. и в последующее время в отношении политических образований на Кавказе, в том числе и шамхальства Тарковского, Москва налаживает с местными

владельцами регулярные контакты, старается привлечь их к торговле в Астрахани и выражает готовность оказать помощь в их междоусобицах. Имея в виду упрочение своего собственного доминирования в регионе, Москва обуславливает всякого рода содействие кавказским владельцам одним требованием – «учинить шерть» «великому государю царю и великому князю всеа Руси самодержцу и многих государств государю и обладателю» [16, с. XIII].

Дагестан представлял для России важный интерес, и она стремилась здесь укрепиться [4, с. 138]. Но для этого России сначала необходимо было утвердиться на Кумыкской плоскости. Значимость Кумыкской плоскости была следствием ее уникального географического и стратегического расположения. Через Кумыкию проходили важнейшие пути в Азию из стран Европы. Господство над Тарковским шамхальством давало возможность установить контроль над этими торговыми и военно-стратегическими центрами, а следовательно, вести дело к утверждению своей гегемонии над народами Восточного Кавказа. Османская империя и Сефевидский Иран, овладев шамхальством Тарковским и Дагестаном, могли оказывать весомое политическое давление на Московское государство, угрожать его южным границам. В свою очередь Россия, стремившаяся обезопасить свои границы и укрепиться в бассейне Каспийского моря, пыталась использовать ирано-турецкие противоречия в борьбе за господство на Кавказе и не допустить установления власти кого-либо из них на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане. Успехи России привели

к продолжению продвижения российского влияния на Кавказ, где для упрочения позиций применялись различные методы, в том числе и методы «ласкания» [6, с. 123-124].

В попытках привлечь на свою сторону кумыкских владетелей и особенно шамхала Тарковского дела Москвы продвигались довольно туго. Тарковское шамхальство понимало надвигавшуюся на него с севера, по Прикаспийскому пути, угрозу. В интересах безопасности своих владений и своей собственной каспийской торговли шамхалы Тарковские во второй половине XVI в. считают нужным поддерживать внешнекорректные отношения с Московским государством, но в то же время всегда ведут себя настороженно [16, с. XIV-XV].

Шамхальство Тарковское – это крупное государственное образование на Северном Кавказе – имело тесные связи и влияние в Чечне, Кабарде, в Ногайской степи, в Крыму и Закавказье. С Тарковским шамхальством считались в Стамбуле, Тегеране и Москве. Все это подчеркивало значимость шамхальства в международных отношениях на Кавказе [6, с. 124].

Следует отметить, что во второй половине XVI в. шамхальство Тарковское скорее тяготело к Турции, стремившейся под предлогом защиты единоверцев-суннитов – кумыков, утвердить свои позиции в Дагестане. Это расстраивало планы России на Кавказе. Соответственно с этим менялась здесь и тактика Московского государства. Всячески приласкивая «черкес горских и кабардинских» и стараясь привлечь на свою сторону шамхала Тарковского, Москва не прочь была, при случае, воздействовать на послед-

него силой, что давало ей заодно возможность самой продвинуться дальше на Кавказ, за Терек со стороны Прикаспийского пути на Койсу [16, с. XV].

В 1548-1555 гг. шла ожесточенная война между Турцией и Ираном. Точных сведений о позиции шамхала Тарковского в этой войне мы не имеем. И для Персии, и для Османской империи было важно привлечь шамхала на свою сторону, так как через его владения проходил путь с Северного Кавказа в Дербент. Позиция шамхала Тарковского была, скорее всего, в этой войне протурецкой: к шамхалу или к крым-шамхалу ушел в 1547 г. изменивший шаху Элькас [13, с. 251-252]. Несомненно, что в связи с сефевидо-османской войной середины XVI в. Крым и Турция старались установить связи с шамхалом Тарковским, пользуясь доводами мусульманской религиозной пропаганды, тем более, как выше указывалось, что кумыки были суннитами, а персы – шиитами [13, с. 199].

Следует отметить, что с целью еще большего укрепления своих позиций на Северном Кавказе Россия по просьбе кабардинских владетелей возвела на Терек, у впадения в него р. Сунжи, крепость с постоянным гарнизоном и артиллерией [13, с. 199].

Постройка русской крепости на Северном Кавказе вызвала для Москвы очень тяжелые последствия и дипломатического и военного характера. Из Крыма и Порты требовали снести крепость на Терек и «отперети дорогу» в Закавказье и Среднюю Азию. В переговорах с российским послом в Стамбуле паша заявил, что «то вся земля, черкасы и кумыки и крымшевкалы, государя нашего (султана) и вера наша же» [19, с. 128]. В 1567 г. крымский хан

Девлет-Гирей прислал царю грамоту, в которой в защиту шамхала Тарковского писал: «А шевкальцы мусульмане, а при отцах и при дедех и при дядьях наших от тех мест и по ся места меж нас с ними ссылка живет и люди к нам ходят, а наши люди к ним ходят, в дружбе и в любви введемся» [19, с. 128]. В грамоте крымский хан указывал, что царь Иван Грозный с той целью построил новый город, чтобы «Шевкальскую землю <...> изневолить <...> и похощь дружбы и миру, и ты тот город вели снести и пришли великие поминки. А не похощь так, и ты бы наших послов отпустил и мы твоих отпустили...» [1, с. LXVIII]. Притязания крымского хана были отклонены Москвой [11, с. 20].

Султан Селим II в декабре 1570 г. прислал в Москву ультимативную грамоту с требованием очистить дорогу на Астрахань, срыть город-крепость Терки и возвратить Казань и Астрахань ее прежним владельцам – татарским князьям [2, с. 46]. По приказу султана был организован поход крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г. на Москву. Это был один из самых крупных крымских набегов, с участием турецких сил, в результате которого Москва была сожжена дотла [19, с. 128]. Вслед за этим Девлет-Гирей потребовал от России отдать ему Казань и Астрахань, уничтожить крепость Терки. Россия, будучи занята Ливонской войной и не желая осложнять отношения с Османской Портой и Крымским ханством, решила «город с Терки-реки <...> снести <...> и людей своих вывести в Азсторохань» [1, с. XXV].

Летом 1572 г. крымский хан снова предпринял большой поход на Москву. Блестящая победа, одержанная над ханом «у Воскресенья на Молодях»

в конце июля 1572 г. русскими войсками под руководством талантливого полководца князя М.И. Воротынского, сняла вопрос об отдаче Астрахани, а тем более Казани [14, с. 286].

Тем временем в 1578 г. турецкий султан Мурад III (1574-1595), воспользовавшись состоянием анархии у своего восточного соседа, возобновил войну с Ираном (1578-1590 гг.) [8, с. 63]. В 1578 г. на Кавказ вторглась 100-тысячная османская армия под командованием Мустафы-Леле-паши, который нанес три крупных поражения персидской армии: 10 августа под Челдаром, 8 сентября – на р. Канах и 8 декабря 1578 г. – на р. Куре. В результате этих побед турки оккупировали в 1578 г. Азербайджан, Грузию и Ширван, выйдя на побережье Каспия [2, с. 54]. В 1579 г. Дербент перешел в руки турок [15, с. 406]. В Северном Азербайджане и Дербенте были размещены части турецких войск под управлением Осман-паши [7, с. 190]. Одновременно могущественный шамхал Тарковский в конце 1578 г. «за верность» получил от турецкого султана санджак Шабран [2, с. 54].

В гуще бурных событий на Кавказе находилось шамхальство Тарковское, которое играло не последнюю роль в международных отношениях в регионе во второй половине XVI–XVII вв. В обстановке обострения русско-иранских и русско-турецких отношений, шамхал Тарковский, как и многие дагестанские владельцы, лавировал, играл на противоречиях сопредельных великих держав. Он выжидал, кто в данный момент оказывался сильнее в Дагестане. Боярин Иван Васильевич Годунов четко выразил сложившееся мнение руководителей тогдашней внешней

политики Московского государства о шамхале Тарковском: «Шевкальской князь ман на все стороны: шаху манит, чтоб за него стоял, а с Турским ссылается ж, а государю (Московскому) также манит, а верит ему ни в чом не мочно» [2, с. 71]. У шамхала Тарковского была печать с подписями: с одной стороны, подданство Московское, а с другой – персидское. Он поочередно прикладывал эту печать, смотря по тому, куда писал – в Москву или Шемаху. О таком двойном положении шамхала Тарковского знали в Москве, Исфагане и Стамбуле. В русской столице пристально следили за отношениями шамхала с шахом и султаном [5, с. 194].

Тем временем попытки Османской империи и крымского хана сноситься через Северокавказский регион, в том числе и Дагестан, с турецкими войсками в Закавказье не дали ощутимых результатов [12, с. 120]. Влияние турецкого султана на кумыкских владетелей ослабело. В 1584 г. на сторону иранского шаха в его борьбе против Османской империи перешли шамхал Тарковский, тюменский и другие кумыкские князья [19, с. 130].

В середине 80-гг. XVI в. шамхал Тарковский присылал в Москву своего посла Хамбулата с просьбой об обороне «от недругов» и о том, чтобы на Терек были поставлены русские воинские люди «для турецких людей приходу, чтоб турецкие люди, пришед, на Терке города не поставили» [1, с. 113-114]. Было понятно, что возведение данной крепости привело бы упрочению позиций Турции в регионе и чрезвычайно облегчила бы ей осуществление планов по покорению Северо-Восточного Кавказа. Очевидно, что в этом случае создавалась серьезная угроза южным

рубежам России. В этих условиях северокавказские владетели, в том числе тарковские шамхалы, в своих обращениях не раз просили Россию о сооружении крепости на р. Терек для общей их защиты [3, с. 74]. Этим и объяснялось, как выше указывалось, отправка шамхалом Тарковским своего посла Хамбулата в Москву.

Последующие годы в истории шамхальства Тарковского характеризуются ожесточенной междоусобной борьбой между шамхалом и крым-шамхалом. Шамхал принял турецкую ориентацию; крым-шамхал, вместе с кахетинским царем Александром, обратился за помощью к России [19, с. 130]. Рост протурецкой ориентации шамхала Тарковского был связан с усилением позиций Османской империи на Кавказе. В 1587 г. турки отвоевали у персов Гянджу, Шемаху, Баку и Дербент. Шамхал оказался по соседству с могущественным союзником и повел совершенно определенную политику в пользу Порты. Он открыто вступил в сношения с турецкими пашами и послал им поминки. Но шамхал Тарковский переоценил силы турок и просчитался в расчетах. Дело в том, что турки не могли бросить больших сил в Закавказье вследствие отдаленности фронта. Просчитался шамхал не только в отношении сил турок, но и в отношении опасности приближения турок к Астрахани, серьезности намерений и превентивных мер со стороны России. Москва хорошо понимала, что с разгромом Персии и захватом у нее Шемахи, Баку и Дербента Порта не только отрезала сухопутный путь к персидскому шелку, но и поставила под угрозу Астрахань, а стало быть, и саму восточную торговлю Московско-

го государства с Англией¹. Для предотвращения катастрофы, в противовес Османской империи, Россия решила построить большой город с сильным гарнизоном в устье Терека. Город был построен весной 1588 г. [9, с. 383]. Однако в годы постройки крепости и в первые годы после постройки поведение шамхала Тарковского было колеблющимся. Он пытался было перейти к политике нейтралитета [13, с. 270]. Воевода А.И. Хворостинин собрал об этом такие сведения: «Присылал-де к шевкалу из Дербени турский пашасвоего чауша узнать, какую позицию занимает шамхал. Турецкому султану или русскому царю желает служить?»² И далее А.И. Хворостинин сообщает о нежелании шамхала подчиниться ни турецкому султану, ни русскому царю [11, с. 58-59]. Дальнейшие связи царского правительства с Грузией, которая подвергалась набегам со стороны шамхала Тарковского, повели к обострению отношений с шамхальством [13, с. 270].

Следует отметить, что строительство Терского города осложнило отношения Москвы с Османской империей, Крымским ханством и Тарковским шамхальством. Терский город стал центром российских сношений с Северным Кавказом, Дагестаном и Закавказьем. Из Терской крепости в 90-х гг. XVI в. и в начале XVII в. был организован ряд походов против шамхала Тарковского с целью прервать его сношения с Крымом и Портой,

отрезать крымско-турецким силам путь в Закавказье и укрепить положение Кахетии. Более того, Россия преследовала и более общую цель – расширение своих границ в сторону Дагестана и Закавказья [19, с. 131]. Сефевидский Иран, заинтересованный в ослаблении позиции Оттоманской Порты и ее союзников на Кавказе, благожелательно отнесся к этим действиям России. Иранский шах искал союзников для продолжения войны с Турцией. Посол шаха Мохаммеда Ходабендэ Анди-бек в 1587 г. привез царю Федору Ивановичу грамоту шаха о дружбе, братстве и любви [13, с. 274]. Московское правительство серьезно подошло к обращению шаха Мохаммеда Ходабендэ. Перемирие с Польшей в 1587 г., обращение австрийского императора Рудольфа Габсбурга в апреле того же года с предложением о совместной борьбе против турок и крымского хана создавали перспективы для борьбы против них и протурецки настроенного шамхала Тарковского, защитить от которого просила Москву Кахетия в сентябре 1587 г. [2, с. 49-50]. По мнению Е.Н. Кушевой, «в 1585-1590-е гг. <...> возникает проект военного союза между шахом и Россией против Турции» [13, с. 257-259]. Однако Москва вела осторожную политику в отношении Османской империи. Военный союз с Сефевидским Ираном означал разрыв с Портой, на что Москва не решалась до конца XVI в., но стремилась держать свою границу на р. Терек закрытой от прохода в Персию османских и крымских войск даже в середине XVIII столетия, защищая таким образом не только свои собственные, но и персидские интересы, заключав-

¹ Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. I. Оп. I. Д. 54. Л. 10-11.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. I. Оп. I. Д. 54. Л. 11-12.

шиеся в изгнании турок с западного побережья Каспийского моря.

Хотя союз Москвы с Сефевидским Ираном не состоялся, царь Федор Иванович поспешил предоставить шаху 100 пушек и 500 ружей [22, с. 8-9]. Тем временем, занятый борьбой на своих северных и восточных границах и стремясь выиграть время для наведения порядка внутри страны, Аббас I пошел на заключение с Турцией 21 марта 1590 г. невыгодного и даже унижительного Стамбульского договора. За Османской империей остались значительная часть Азербайджана, Тебриз, Нахичевань, Ереван, Гянджа, Баку, Шемаха и Дербент [18, с. 157].

Следует отметить, что последние десятилетия XVI в. были временем наибольших успехов Османской империи в Закавказье. Выйдя к берегам Каспийского моря, Порты спешно стала создавать здесь свой флот. Понятно, что все это делалось для продолжения агрессии в направлении Дагестана и Северного Кавказа. Захват Турцией Закавказья и укрепление в Дербенте ухудшили внешнеполитическое и обострили внутреннее положение Дагестана. К тому же в это время вспыхнули междоусобицы между шамхалом Тарковским и крым-шамхалом, усугублявшиеся происками Порты. В междоусобной борьбе обе стороны пытались использовать силы соседних владетелей. Крым-шамхал обратился за помощью к России. На шамхала Тарковского жаловались также кахетинский царь и кабардинские князья [12, с. 126]. В связи с этим царь Федор Иванович направил в Тарки воеводу Г. Засекина, который «со своей ратью... шевкала князя воевали и город шевкала взяли Ондреевской...» [1, с. 253].

Тогда же был возобновлен на «старом городище» Сунженский острог у впадения Сунжи в Терек [19, с. 131].

В то же время кахетинский царь Александр добивался организации нового похода на шамхальство и возведения русской крепости в Тарках, подчинения полностью шамхальства России. Чувствуя надвигающуюся опасность, шамхал Тарковский послал письмо к турецкому султану, которого он запугивал союзом Персии, Москвы и Грузии, при этом указывая, что султан под ударами этой силы едва ли удержится не только в Закавказье, но и в Константинополе, если к этой коалиции своевременно примкнут европейские государи. Шамхал просил султана немедленно заступиться за него, так как в противном случае Москва окажется победительницей и тогда «поимают его, а басурман всех высекут, а иных в свою веру крестьянскую приведут; наша басурманская вера вся разоритца от тебя, только не вступишься за нас, и за все те души, ответ взыщет бог на тебе»¹. Тут дело конечно не в опасениях шамхала за целостность мусульманской веры, а за то, что русские в это время «теснили» его на Койсу и на его земле город построили. Шамхал ожидал против себя большой московской рати из Астрахани и из Терков. Шамхалу также было известно, что кахетинский царь намеревался воевать с ним с тыла². В связи с просьбой кахетинского царя в 1594 г. против шамхала Тарковского был предпринят поход царских войск под командованием воеводы А.И. Хворостинина. Не-

¹ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. I. Оп. I. Д. 54. Л. 18.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. I. Оп. I. Д. 54. Л. 18-19.

смотря на поражение царских войск в шамхальстве в 1594 г., России удалось сохранить свои позиции на Тереке и на р. Койсу, но удержать в своей власти такое огромное владение, как Тарковское шамхальство, она в конце XVI в. еще не могла [9, с. 385].

После похода А.И. Хворостинина в 1594 г. началась полоса дипломатических переговоров с шамхалом, в которое включилась и шахская сторона. Эти переговоры, как и посредничество в 1595 г. посла шаха Анди-бека, не привели к успеху [13, с. 284]. Шамхал Тарковский по-прежнему вел двойственную политику в отношении шаха и султана. Под военным давлением царских войск в 1589-1594 гг., не ощущая реальной военной помощи от турок, шамхал направил к шаху Аббасу I своего посланца Утемиша с выражением покорности и с просьбой защитить его от притязаний России. Видимо поэтому, одобряя «разоренье» тарковского шамхала русской ратью, шах Аббас I впервые в 1594 г. письменно через посла Анди-бека предупредил московское правительство, чтоб оно впредь о походах на шамхала сообщало сефевидскому двору [2, с. 231].

Аббас I опасался не только похода шамхала Тарковского под протекцию Порты, но главным образом дальнейшего продвижения царских войск в Дагестан, союза царя Федора Ивановича с кахетинским царем Александром и завоевания Россией шамхальства Тарковского. Для ограничения российского проникновения в Прикаспийские провинции необходимо было остановить русских и помирить их с шамхалом, даже за счет временного признания царского сюзеренитета над ним и отдачи в Москву в

аманаты сына шамхала [2, с. 231]. Однако шамхал Тарковский в российское подданство не был принят. В этом немалую роль сыграли Порты и Иран. По свидетельству персидского посла Анди-бека, в 1598 г. «приезжал к шевкалу от турецкого на сей зиме посол Аспанбек з жалованием и говорил шевкалу, чтоб шевкал дал турским людям на койсынском устье поставить город» [20, с. 4, 49]. В связи с этим шамхал отказал в присяге царю Федору Ивановичу, ставя ее условием снос Койсинского острога. Шамхал в грамоте царю Федору Ивановичу, объясняя причину своего отказа в присяге России, писал о повелении турецкого султана «не одиначитись с Теркою» и о подготовке, совместно с войсками кумыкских владетелей и «с крымскою ратью», похода против Койсинского острога [13, с. 284]. Однако позиция шамхала Тарковского не находила поддержки у кумыкских владетелей, в том числе его сыновей. Посланник сына шамхала Андия Атай в 1602 г. бил челом, «что он Андия учинился под его Великого Государя и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси самодержца высокою рукою и хочет Великому Государю его Царскому Величеству и сыну его Царского Величества служити и прямити во всем по своей вере, отстав от всех государевых недругов» [1, с. 365]. В 1603 г. в Москву прибыли послы «шевкаловых детей» «Суркай-Шевкала» Тарковского и Султан-Мута Эндиреевского Ибреим, а также Дербыш с двумя узденями «бити челом, что он Суркай-Шевкал перед Терским воеводой правду дал и шерть учинил и сына своего Ахлова в заклад в Терский город пришлет и хочет быти под государевою рукою во всем послушен» [1,

с. 365-366]. Послы были отпущены с жалованьем [19, с. 133].

Таким образом, изложенный материал показывает, что в рассматриваемый период шамхальство Тарковское в русско-иранских и русско-турецких отношениях играло важную роль ввиду своего выгодного стратегического положения. Россия, Иран, Турция и ее вассал Крымское ханство вели упорную борьбу за господство на Северном Кавказе. В своих захватнических устремлениях эти великие сопредельные государства старались любыми методами и средствами привлечь шамхалов Тарковских на свою сторону и тем самым сделать их орудием своей политики в регионе. В такой сложной международной обстановке шамхалы проводили политику лавирования, умело играя на ирано-русских и русско-турецких противоречиях. Они получали от правителей этих стран подарки и жалованье, формально обещали им покорность, чем сумели в XVII в. в целом сохранить свою политическую независимость.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Мин. ин. дел. Вып. 1 (1578-1613 гг.). М., 1889. 582 с.
2. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586-1612 гг. М.: Наука, 1976. 478 с.
3. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 391 с.
4. Гасанов М.Р. Дагестан в эпоху Султан-Махмуда // Материалы международной конференции, посвященной 460-летию Султан-Махмуда. Махачкала, 2010. С. 134-144.
5. Гасанов М.Р. Из истории русско-дагестанских взаимоотношений. Махачкала: Алеф, 2010. 220 с.
6. Джахияев Г.А. Внешнеполитическое положение шамхальства Тарковского на рубеже XVI-XVII вв. // Материалы международной научной конференции, посвященной 460-летию Султан-Махмуда. Махачкала, 2010. С. 123-133.
7. Джахияев Э.Г. Борьба Турции, Ирана и России за Кавказ на рубеже XVI-XVII вв. // Материалы международной научной конференции, посвященной 460-летию Султан-Махмуда. Махачкала, 2010. С. 187-193.
8. Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М.: Политиздат, 1952. 467 с.
9. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. I / Отв. ред. А.И. Османов. М.: Наука, 2004. 627 с.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. акад. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. Т. I. 544 с., ил.
11. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы / Сост. В.М. Букалова. В 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. I. 477 с.
12. Кидирнязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – нач. XX в. Махачкала: Изд. дом «Народы Дагестана», 2008. 296 с.
13. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.
14. Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552-1572 гг. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 236-287.
15. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. Кн. I. Ч. I. 448 с.
16. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, 1615-1640 / Документы подготовил М. Полиевктов. Тбилиси: изд-во Тбилисского государственного университета, 1937. 483 с.

17. Муртазаев А.О. Политическое положение Кайтага в XVI в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2014. № 1(37). С. 5-15.
18. Новичев А.Д. История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI-XVIII вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 314 с., ил., карт.
19. Очерки истории Дагестана. Т. I. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 392 с.
20. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: В 3-х т. / Сост. Н.И. Веселовский. СПб.: Тип. «Лештуковская Наровая Скоропечатия П.О. Яблонского», 1892. Т. II. 445 с.
21. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала: Тип. ДагФАН СССР, 1964. 279 с.
22. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.

УДК 94(47).05

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-107-116

Козлова Ю.А.*Московский государственный областной университет***ПРЕБЫВАНИЕ ПЕТРА I В ГОЛЛАНДИИ В 1716-1717 гг.
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ**

Аннотация. В статье раскрываются основные аспекты пребывания Петра I в Голландии в 1716-1717 гг. Особое внимание уделено культурному аспекту поездки, благодаря которому продолжился процесс интеграции российской культуры в европейскую. Проведя сравнительный анализ исторического компонента источников по данной поездке, автор пришел к выводу, что русско-голландские отношения развивались очень противоречиво. Экономический аспект поездки был связан с проблемой торговли на Балтике и недовольством негоциантов проводимой российским царём политикой в отношении российских портов. В Голландии начались переговоры о завершении Северной войны, инициатором которых выступила шведская сторона.

Ключевые слова: Россия, Голландия, культурный аспект, политический аспект, культурный аспект, европейская интеграция.

Yu. Kozlova*Moscow State Regional University***PETER I'S VISIT TO HOLLAND IN 1716-1717:
THE ECONOMIC, POLITICAL AND CULTURAL ASPECTS**

Abstract. The article describes main aspects of Peter I's stay in Holland in 1716-1717 years. Special attention is paid to the cultural aspect of the trip, due to which Russian culture continued integration into the European one. The comparative analysis of the historical component of the sources describing this trip enabled the author to draw the conclusion that the Russian-Dutch relations were very contradictory. The economic aspect of the trip was related to the problem of trade in the Baltic and merchants' discontent with the Russian tsar's policy pertaining to the Russian ports. The negotiations on finishing the Great Northern War, initiated by the Swedish party, started in Holland.

Key words: Russia, Holland, cultural aspect, political aspect, economic aspect, European integration.

Следующий год будет ознаменован 300-летием со времени пребывания Петра I в Голландии в 1716-1717 гг. Это был его уже второй визит в эту страну. Чем же он был вызван на этот раз? В отечественной историографии,

впрочем, как и в зарубежной, довольно подробно изучено первое пребывание Петра I в Голландии. Пребывание российского монарха в Нидерландах во время его второго большого путешествия в страны Западной Европы малоизученно.

Путешествие российского монарха в 1697-1698 гг., имеет исключительное значение, так как оно было первым. Впервые российский царь покинул территорию своего государства. Цели, которые преследовал Петр I в своем путешествии, имеют важнейшее значение для геополитического пространства России. В довершение ко всему, осталось огромное количество источников, которые помогают восстановить маршрут, цели и само пребывание монарха на европейских землях.

Второе большое путешествие Петра I в Западную Европу в 1716–1717 гг. по своим целям и масштабам не уступало первому. Это путешествие царя-победителя, который был близок к победе над одной из мощнейших держав Северного региона. Если в первом посольстве российского царя не все воспринимали всерьез, то теперь Европе приходилось считаться с тем, что на европейской арене появляется «новый хозяин» такого важного региона. Вопрос стоял лишь, каким образом окончить войну, чтобы все завоевания на Балтике остались за Россией. Существовали два пути, которые могли бы завершить Северную войну. Первый путь, к которому вначале склонялся российский царь, это посредничество в окончании войны Англии. Однако к 1716 г. взаимоотношения России и Англии сложно было назвать дружественными. Петр I окончательно разочаровался в Георге I, который, получив заветные земли Бремен и Верден, резко поменял свое отношение к России, во главе с Петром I. Иной вариант заключался в том, что нужно было найти страну, которая смогла противопоставить себя Англии, и такая страна нашлась. Это была Франция. Однако при

выяснении цели путешествия российского царя в Западную Европу встает вопрос о целесообразности посещения Петром I Голландии, что в данном путешествии имеет особое значение.

Именно в Голландии по-новому раскрывается характер российского царя. Он живет, как обычный обыватель, без почестей, без роскоши. Он активно общается с обычными гражданами, пытается чему-то научиться, познает новую культуру. Он скромнен в одежде, трапезе и т.д. Через призму такого «портрета» можно проследить и цели данного путешествия. И тем не менее Петр I всегда помнил о цели данной поездки, о необходимости завершить Северную войну. Немаловажным было сохранить и развить внешнеторговые связи со странами Западной Европы. Задача данной статьи – рассмотреть эти разные аспекты и разные стороны пребывания Петра I в Нидерландах в 1716–1717 гг. Поездка касалась фактически всех основных аспектов русско-голландских взаимоотношений: политического, экономического, культурного. Они и будут рассмотрены нами, насколько это возможно в рамках небольшой статьи.

Источниковедческая база исследования истории этого путешествия не особо обширна. Основой являются документы Российского государственного архива древних актов, в которых подробно описаны конференции 1717 г. в Гааге и Амстердаме, итогом которых стало подписание Амстердамского трактата¹.

Незаменимы при изучении данной темы воспоминания очевидца тех событий Яна Номена, который

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 50. Д. 30. Оп. 1. Л. 7.

утверждал, что лично видел российского монарха [2]. Данный источник носит довольно противоречивый характер. Имеющиеся в нем сведения можно разделить на несколько групп. Во-первых, это то, что видел непосредственно сам Ян Номен. Во-вторых, это рассказы очевидцев событий, пересказанные Яну Номену, например рассказ К. Калфа о том, что Петр I сам соорудил макет лодки. В-третьих, это собранные Яном Номеном материалы, касающиеся пребывания российского монарха в Голландии. Несмотря на обилие интересных сведений в этом источнике, нельзя не отметить, что некоторые события кажутся абсолютно фантастическими.

Большое значение для изучения темы статьи имеют «История Свейской войны» и «Походный журнал Петра Великого» [1; 3]. Данные документы составлены на основе записей, которые фиксировали «каждый шаг» монарха. Например, по «Истории Свейской войны» можно проследить весь маршрут российского царя. Там описаны значимые события, например, встреча российского царя с датским королем Фредериком IV в Альтоне, как и прибытие Петра I в Нидерланды.

В «Материалах для истории русского флота» опубликована переписка Петра I с Екатериной и А.Д. Меншиковым, из которой становится понятно, что важная встреча Петра I с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I состоялась так, как задумывал русский царь. [4].

Историография пребывания Петра I в Нидерландах в те годы тоже не обширна. Косвенно эта тема затрагивается в обобщающих работах

С.М. Соловьева, А.Г. Брикнера, которые довольно подробно описывают политические взаимоотношения европейских стран и постепенную интеграцию России в систему интернациональных контактов. А.П. Языков в конце XIX в. опубликовал труд под названием «Пребывание Петра I в Заандаме и Амстердаме в 1697-1717 годах», где подробнейшим образом описано пребывание Петра I в Голландии [13].

Автор опирался на воспоминания упомянутого выше Яна Номена. Кроме того, он активно использовал труд голландского исследователя – юриста Якоба Схелтемы.

Работа Я. Схелтемы для изучения истории правления Петра I имеет резонансное значение [6]. Четыре тома, посвященных Петровской эпохе, были написаны по заказу нидерландской королевы и российской принцессы Анны Павловны, которая вышла замуж за короля Виллема II. В результате был создан колоссальный труд по взаимоотношениям России и Голландии при Петре I, путешествию Петра I по Голландии и политической истории того времени. В частности, третий том посвящён пребыванию Петра I в Голландии в 1716-1717 гг. Я. Схелтема в своем описании использовал политический журнал того времени «Mercure de France», воспоминания Яна Номена и также труды российских исследователей. В его многотомном исследовании даётся подробнейший анализ международной обстановки в XVIII в., в том числе взаимоотношений России с Англией и Францией, выявляются причины поддержки Англией Швеции. Благодаря данному труду вырисовывается не только маршрут Петра I, но и цели данной поездки. Проблема изучения

данного труда для многих исследователей состоит в том, что написан он на голландском языке.

Что касается современных исследователей, можно отметить ряд работ, где рассматриваемая тема затрагивается лишь косвенно. В работах голландского исследователя Х. Конингсбругге детально описана обстановка на Балтике до 1709 г. через призму взаимоотношений России и Голландии. В трудах другого голландского исследователя В. Схелтьенса рассматривается политика России в отношении торговли на Балтики и реакция на нее голландского правительства. Из работ российских авторов можно отметить труды Г.А. Шатохиной-Мордвинцевой и Е.И. Швачкиной. В трудах Г.А. Шатохиной-Мордвинцевой, которые охватывают исключительно обширный хронологический период, о поездке Петра I в Голландию в 1716–1717 гг. сказано сравнительно немного [11]. Е. И. Швачкина уделяет большое внимание Великому посольству Петра I, косвенно касаясь второй поездки российского царя в Голландию [12]. В любом случае, нельзя не отметить, что в России русско-голландскими отношениями занимается очень узкий круг исследователей.

Политическая цель пребывания Петра I в Голландии была обусловлена начавшимися переговорами о заключении мирного договора. Основным инициатором переговоров выступил шведский посол Г.Г. фон Гёрц, который напрямую говорил об этом с российским послом в Голландии А.Б. Куракиным. Лично Петр I с Г.Г. Гёрцем не общался, но, покинув Голландию и отправившись во Францию, Б.И. Куракин получал от Петра I подробнейшие

инструкции о том, чего нужно добиться от Швеции. Перед Россией стояла задача присоединения к России части Карелии с Выборгом, Эстляндии с Ревелем и Лифляндии с Ригой, а также включение в мирный договор союзников: датского, прусского и польского королей. В связи с чем было две конференции. Первая проходила 8 августа в Гааге. 8 августа 1717 г. произошла совместная встреча шведских послов с Б.И. Куракиным. Русский дипломат поставил шведских представителей в известность о согласии Петра I на съезд в Финляндии. Он предложил для этого остров Аланд с тем, чтобы переговоры назначили в течение ближайших двух или трёх месяцев. Петр I также хотел включить в мир королей прусского и польского. 21 августа 1717 г. произошла встреча Б. И. Куракина и с Г.Г. фон Гёрцем в голландской провинции Гельдерн в замке Лоо, на которой вновь говорилось о созыве мирной конференции на острове Аланд. Одно из «условий», которое объявил Г.Г. Гёрц, это наличие российского паспорта, чтобы беспрепятственно проехать по территории России в Швецию, чтобы оттуда начать переговоры о мире с Карлом XII.

Вскоре Б.И. Куракин сообщил Г.Г. Гёрцу, что паспорт готов и он может проезжать через Ревель в Финляндию, а потом в Швецию¹.

Несмотря на то, что данные конференции не дали четкого ответа на вопрос, когда и на каких условиях будет окончена Северная война, они способствовали дальнейшим международным конференциям, которые должны были завершить Северную войну. Автор пришел к выводу, что на данном

¹ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1 Д. 135. Л. 8.

этапе ни Россия, ни Швеция не могли прийти к консенсусу. Швеция не готова была просто так отдать те территории, на которых настаивала Россия. Более того, Карл XII боялся кондиций, которые могли последовать, если окончание войны не устроит шведскую шляхту, о чем заявил С. Понятовский на одной из конференций¹.

Более того, чтобы завершить Северную войну, нужна была страна, которая подтвердила бы территориальные приобретения России на Балтике. Для этого Петр I принял поспешное решение отправиться во Францию.

Следствием этих конференций и посещения Петром I Франции стало заключение Амстердамского трактата, который зафиксировал определенные изменения в международных отношениях. Был создан новый альянс стран-союзниц: Франции, Пруссии и России, запущен при этом медленный механизм окончания Северной войны.

В своем путешествии Петр I намерен был улучшить и торговые отношения между двумя странами. Российский монарх проводил жесткий протекционистский курс в области внешней торговли. В частности, это выразилось в его стремлении перевести всю торговлю из Архангельска в Петербург, но это существенно подрывало торговлю Голландии на Балтике. Да, с одной стороны, Петр I приглашал беспрепятственно все страны торговать по Балтийскому морю. Однако, с другой стороны, Голландия терпела от такой торговли одни убытки, так как Каперский устав Карла XII запрещал торговлю на Балтийском побережье, в связи с чем многие голландские суда были захвачены. Голландские купцы

надеялись перенаправлять все свои товары в Архангельск [7]. В свою очередь Петр I, который в 1703 г. основал новую столицу и порт Санкт Петербург, на законодательном уровне пытался «приглушить торговлю» Архангельска. Товары, которые там хранились, портились, и купцы, в том числе голландские, несли колоссальные убытки. Усугубило положение издание указа 1713 г., который запрещал ввозить из внутренних регионов России в Архангельск главные предметы экспорта – юфть и пеньку, предписывая направлять их сразу в Петербург. Сюда же намечалось привозить казенные, персидские и китайские товары [10, с. 345].

Тем не менее, ещё в начале Северной войны в политических и торгово-промышленных кругах Голландии произошло разделение на два «лагеря». Если Соединенные провинции в целом во главе с Гаагой официально поддерживали Швецию, то Амстердам полностью поддержал Россию в Северной войне [5, р. 63]. Это объясняется тем, что Амстердам тем самым хотел добиться преференции в балтийской торговле [10].

В связи с этим отношения с голландскими негоциантами также были важной целью данного путешествия. Осип Соловьев, которого Петр I назначил своим торговым представителем в Голландии, высказал Петру I общее настроение, которое было характерно для голландцев, в связи с торговой политикой царя. Как пишет А.П. Языков, негоцианты Амстердама не высказывали былой преданности российскому царю, а наоборот, они были крайне недовольны тем, что Петр I перенес торговлю из Архангельска в Петербург. Противоречило их интересам и уч-

¹ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 122.Л. 7.

реждение фабрик и заводов в России. Они терпели убытки, так как их товары находили теперь меньший спрос в России [11, с. 65]. Однако в рамках пребывания Петра I в Голландии этот вопрос не поднимался, так как Голландия была крайне недовольна политикой Петра I на Балтике, которая подробно изложена выше.

Культурный аспект поездки российского монарха по голландским землям имел также большое значение для развития российской культуры в целом. Многое из того, что Петр I «перенял» у голландцев, прижилось в России и пополнило ее культурную сокровищницу.

Хорошо известно, что Петр I изначально, чтобы беспрепятственно проехать по территории России в Швецию, испытывал большую симпатию к голландской культуре, выделяя ее из всех других. Эта симпатия не уменьшилась во время первого путешествия, в рамках Великого посольства, когда Петр I был поражен культурой Голландии. Это относится и к архитектуре, и к кораблестроению, и даже к ландшафтам Голландии. Именно тогда у российского монарха формируется представление, как должна выглядеть передовая столица Европы. Хотя об основании Петербурга еще не было и речи, Амстердам и Заандам надолго «запали в душу» российскому монарху.

Во время своего второго путешествия Петра I в Нидерланды Санкт-Петербург был уже официальной столицей, вопрос состоял лишь в том, что теперь можно использовать для превращения обыкновенного города-порта в европейскую столицу. До путешествия Петра I во Францию ответ был однозначным, что именно Гол-

ландия должна стать некой моделью того, как должен выглядеть Петербург в дальнейшем. Тем не менее, побывав во Франции, Петр I был удивлен шикарностью, помпезностью, в конце концов, величием Парижа. Голландия же была более «скромной», ориентированной на спокойную, умиротворенную жизнь бюргеров в тихих, томных городах, или крестьян, которые живут в небольших чистых и зеленых деревнях на подобие Зандаама, которым так некогда восхищался Петр I. Однако есть два момента, которые окончательно разъясняют, почему российский царь склонился все-таки более к Франции, нежели к Голландии. Во-первых, Петр I приехал в Европу как победитель и вел себя, кстати, подобающим образом. Ему нужно было показать свою победу, свое величие и величие своего государства. Побывав в Париже, увидев собственными глазами величие Версаля и то, с какой легкостью Людовик XIV, «справился со всеми нюансами» расположения и непосредственно архитектуры Версаля, Петр I переориентировал свои взгляды окончательно на Францию. Именно французские идеи того, как вести себя в обществе, какие стили будут преобладать в архитектуре, живописи, стали приоритетными.

Во-вторых, Голландия на тот момент не была столь просвещенной страной, какой была Франция. Накладывался опечаток противоречивых социально-экономических процессов, которые проходили в Голландии на рубеже XVII-XVIII вв. К довершению ко всему, будучи страной протестантского вероисповедания, Голландия не могла диктовать обществу те догмы свободного поведения, которые

успешно насаждала Франция по всей Европе.

После посещения Франции, можно сказать, поменялось и мировоззрение российского монарха. Возвратившись в Голландию из Франции, Петр I стал довольно живо интересоваться не только научно-практическими вопросами, но и гуманитарными. Петра I стали интересовать картины, редкие книги и многое другое.

Вряд ли есть смысл описывать по дням пребывание Петра I в Голландии, так как это изложено подробнейшим образом в источниках и в политическом журнале того времени «*Mercure de France*». Важно обратить внимание на сферы интересов российского монарха.

Одним из приоритетных направлений интересов Петра I в Голландии были мануфактуры, мельницы, заводы. Выбор был не случайным, именно с осмотра этих объектов российский монарх и начал свое путешествие по голландским землям. Дело в том, что российскому монарху в свете проводимой им экономической политики был крайне интересен зарубежный опыт. Такие объекты Петр I посещал везде, где бывал. Он посетил: бумажную фабрику De-Kok, бумажную мельницу под названием De Walvis (Кит) [2, с. 67].

На обратном пути, возвращаясь из Голландии, российский монарх посетил меднолитейный завод [6, р. 422]. Петр I осматривал его очень внимательно, спросив одного из спутников, мог ли он сделать такой же в России. Петра I интересовали и медные котлы для выварки жира, с производством которых он внимательно познакомился.

Научно-практическое знание всегда имело для Петра I колоссальное

значение. Во втором заграничном путешествии это проявилось в наибольшей степени. Доподлинно известно, что Академию наук, впрочем, как и Кунсткамеру, Петр I планировал давно. Вопрос состоял лишь в том, какую модель взять за основу. На начало XVIII в., идея по устройству энциклопедического музея, тесно связанного с Академией наук, принадлежала не Голландии. В Голландии коллекционирование было делом частных лиц, таких, как аптекари, врачи, аристократы и т.д. Однако в ряде других стран начался процесс увеличения масштабов подобной деятельности, научной систематизации, что привело к созданию различных энциклопедических музеев, связанных с Академией наук. К самым ранним королевским начинаниям можно отнести Коллегиум Каролинумс с его Домом искусств в Касселе (1696-1709), Дворец наук в Дрездене (1728), Галерея Уффици во Флоренции [8, с. 32].

Петр I же сделал Кунсткамеру, по голландскому образцу, пригласив работать туда именно голландских мастеров. Более того, многие экспонаты он закупил именно в Голландии. Кунсткамера Петра I отличалась от всех европейских музеев того времени. Прежде всего, она замышлялась как часть Академии наук. Однако помимо Академии наук и Кунсткамеры в научный комплекс Петра I должен был войти и ботанический сад. Данная модель была не случайной: и в Голландии, и во Франции присутствовали именно такие идеи того, как должен выглядеть крупный научный комплекс страны. Кунсткамера была открыта в 1718 г., а Академия наук – немного позднее, в 1721 г.

Суггестивные украшения из раковин напоминают узоры в кабинетах Себы и Винстена, а присутствие украшенных крышек на банках анатомическими препаратами воскрешают в памяти коллекцию Рюйша [8, с. 49]. Украшение Кунсткамеры стало следствием того, что увидел Петр I в Голландии и по возможности перенес в Россию. Тем самым можно отметить, что, несмотря на то, что новая русская научная и культурная традиция зародилась самостоятельно, голландский опыт стал своего рода толчком к её созданию.

28-го марта 1717 г. российский царь посетил Лейденский университет. На приеме в университете царь обмолвился, что хотел бы встретиться с знаменитым медиком Германом Бурхаве, чтобы тот показал ему Ботанический сад, который находился за зданием Академии наук. Во время прогулки, можно предположить, что царь зашел в типографию и книжную лавку Питера ван дер Аа, который выполнял заказы как городских властей, так и университета [8, с. 261]. И это посещение, очевидно, было не случайным: в последующие годы Питер ван дер Аа будет поставлять книги не только в личную библиотеку Петра I, но и в Академию наук.

Как явствует из книги Якоба Схелтемы, российский царь второе свое путешествие по Нидерландам решил посвятить изучению живописи и изящных искусств [6, с. 389]. Петр I встречался со многими живописцами того времени, подолгу беседовал с ними. Примечательным событием стала встреча Петра I с Генриеттой ван Пи, известной в XVIII в. художницей-миниатюристкой, которую царь звал

в Россию, предложив ей зарплату в шесть тысяч гульденов, но она отказалась [6, с. 388].

Помимо Генриетты ван Пи, приглашение в Россию получил Георг Гзель с женой Марией Доротеей. В отличие от Генриетты ван Пи, они согласились переехать в Россию. Основная заслуга этого по-настоящему художественно одаренного тандема – создание и украшение российской Кунсткамеры. Петр I купил коллекцию голландской художницы Марии Сибиллы, которая была матерью Марии Доротеи. Её внушительная коллекция стала украшением Кунсткамеры и кабинета Петра I.

После посещения художников российский царь приобрел знания по оценке живописи и скульптуры [11, с. 64].

У Якоба Схелтемы мы видим упоминание о том, что в 1716 г. Петр I приказал своим придворным на его деньги напечатать в Амстердаме Библию [6, р. 396]. Еще в 1712 г. Петр I выпустил указ, предписывавший «в московской типографии печатным тиснением издать Библию на словенском языке». Текст на страницах Библии должен был располагаться в два столбца: один – на русском языке, другой – на голландском. Уже через год, в 1717 г., был напечатан «Новый Завет». [6, р. 396]. Позже должны были быть готовы Ветхий Завет и Апокриф. Менее чем через четыре года Петр I умер. Что же стало с его Библией? Столбцы, предназначенные для русского текста, так и остались незаполненными. Библии огромными пачками были сложены в подвале и сгнили, не осталось ни единого целого экземпляра! Синод принял решение «продать остаток купцам» [9].

Так закончилось путешествие Петра I в Западную Европу в 1716-1717 гг.

Цели, которые ставил перед собой российский царь, отправляясь в Голландию, были достигнуты не в полной мере. Переговоры, от которых Петр I ожидал большего, так и не дали ответ на уже ставший вечным вопрос, когда же окончится Северная война. Однако после Голландии Петр I отправляется во Францию, благодаря чему подписывается Амстердамский трактат, который служит началу «усиленных» переговоров об умиротворении Севера.

С экономической точки зрения данная поездка не была успешной. Возможно, Петр I размышлял о подписании выгодного торгового трактата с голландцами, но так как голландцы были недовольны политикой Петра I на Балтике, этим переговорам не суждено было состояться. Наиболее удачным моментом в путешествии Петра I по Голландии стало познание голландской культуры. Российский царь приобрел коллекции некоторых голландских художников, познакомился с голландскими художниками и скульпторами.

Россию посетили знатные голландские художники. Санкт-Петербург все более становился похожим на европейский город, сочетая в себе лучшие традиции, взятые Петром I из Голландии и Франции. В целом данная поездка способствовала интеграции России в европейскую культуру.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

Источники:

1. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Велбикого) / сост Т.С. Майкова, под общей ред. А.А. Преображенского. В 2-х вып. Вып. 1. М.: «Кругъ», 2004. 440 с.
2. Записки Я. К. Номена о пребывании Пе-

тра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. Киев, 1904. 93 с.

3. Журнал, или Поденная записка. Ч. 2. [Электронная ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/PetrI/1700-1705/zurnal_1.htm (дата обращения: 10.09.2015).
4. С.И. Елагин. Материалы для истории русского флота. Спб. 1865-1904. Т. 2. [Электронная ресурс]. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1740735> (дата обращения: 15.10.15).

Литература:

5. Koningsbrugge J.S.A.M. Of diplomats, merchants, and regents; Dutch-Baltic Relations in the period 1697-1709 // Russian and Dutchmen. Groningen. 1993. 233 p.
6. Scheltema Jacobus. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelven wederkeeringe betrekkingen. – Amsterdam: Gartman, 1817. Bd. III. 621 p.
7. Werner Scheltjens. New routines, growing interference and operational efficiency gains: the influence of Czar Peter the Great's economic policy on Dutch maritime shipping with Russia, 1709-1724. [Электронная ресурс]. URL: <https://mpira.ub.uni-muenchen.de/17168/> (дата обращения: 15.10.15).
8. Мейерс Д.Й. Кунсткамера Петра Великого. Нидерландский вклад в создание музея нового типа. // Петр I и Голландия. Амстердам. 1994. 408 с.
9. Синичкин А.В. Из истории русской Библии [Электронная ресурс]. // Слово для тебя [сайт]. URL: <http://www.word4you.ru/publications/14647/> (дата обращения: 15.10.15).
10. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах с древнейших времен до ныне настоящего. Т. IV. СПб, 1781-1787. 545 с.
11. Шатохина-Мордвинцева Г.А. Нейтральный внешнеполитический курс Нидерландов: от Мюнстерского мира

- 1648 г. до конца Первой мировой войны. М. 2010. [Электронная ресурс]. URL: http://www.igh.ru/upload/information_system_8/3/4/4/item_344/shatokhinaga.pdf (дата обращения: 9.09.15).
12. Швачкина Е.И. Русско-нидерландские отношения в первой половине XVIII века: дис... канд. ист. наук., М. 2002. [Электронная ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/russko-niderlandskie-otnosheniya-v-pervoi-pолоvine-xviii-v> (дата обращения: 9.09.15).
13. Языков А. П. Пребывание Петра Великого в Сардаме и Амстердаме в 1697 и 1717 годах. Берлин, 1872. 71 с.

УДК 94(47)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-117-125

Васильев Д.В.*Институт государственного управления,
права и инновационных технологий (г. Москва)*

РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЗАХАМИ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. *

Аннотация. В статье разбираются проекты и реформы управления казахами Оренбургского края. Исследование вопроса начинается с законопроекта, предложенного оренбургским военным губернатором П. Эссенем в 1823 г. Особое внимание уделено изучению Положения об управлении оренбургскими киргизами 1844 г. В завершении статьи рассматривается законодательство о Сырдарьинской линии 1854–1856 гг. Изученные источники указывают на формирование в Казахской степи уникальной административной модели и позволяют выдвинуть гипотезу о том, что российское правительство в первой половине XIX в. было занято поиском наиболее оптимальной модели управления казахским населением.

Ключевые слова: История Казахстана; Малая орда; Сырдарьинская линия; Оренбургский край; политика Российской империи; административное управление.

D. Vasilyev*Institute of State Management, Law and Innovative Technologies, Moscow*

REFORMS OF KAZAKH ADMINISTRATION IN ORENBURG GOVERNORATE IN THE SECOND QUARTER OF THE 19TH CENTURY

Abstract. Administration projects and reforms for Kazakhs of Orenburg region are considered in the article. The author starts to study the problem with the bill offered by Orenburg military governor P. Essen in 1823. Special attention is paid to the study of the 1844 Statute for Management of the Orenburg Kyrgyz. The article finishes with consideration of the 1854–1856 legislation for Syr-Darya Line. The studied sources indicate that a unique administrative model formed in the Kazakh steppe. It allows to develop a hypothesis that the Russian government in the first half of the 19th century was occupied with the search of the most optimum model of management for the Kazakh population.

Key words: History of Kazakhstan; Small Horde; Syr-Darya Line; Orenburg region; policy of the Russian Empire; administrative management.

Вопросы управления казахами
Младшего жуза Оренбургского ведом-

© Васильев Д.В., 2015.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Политика Российской империи в Центральной Азии. Первая половина XIX века», проект № 11-01-00511.

ства, принявшими российское подданство еще в 1730-е гг., столетие спустя были отнесены к предметам ведения Азиатского комитета (1819–1850), в который входили руководители внешнеполитического, военного и финансового ведомств, Министерства вну-

тренних дел, Главного штаба, высшие чиновники, имевшие опыт управления азиатскими окраинами России. Решение об учреждении комитета было принято в 1819 г., а в его заседании 16 июля 1821 г. впервые принял участие тайный советник М.М. Сперанский¹. Тогда же он впервые высказался, причем весьма категорично, о практике управления оренбургскими казахами. Имея в виду постоянные волнения в степи Оренбургского ведомства он заявил, что причину этого «...должно искать в слабом устройстве Оренбургской линии и в самой системе ее управления; что непрерывные почти замешательства в орде, грабежи на самой линии и опасности, коим подвергаются в степи купеческие караваны, доказывают с очевидностью, что система сия, быв не сообразна с положением страны и правами народа, в течение многих лет не произвела того действия, коего от нее ожидали и весьма мало содействовала к образованию смежных народов и к безопасности торговли, что по сему должно обратиться к пересмотру самой сей системы и собрав из дел исторических сведения, извлечь из самого опыта и бывших доселе происшествий начала к лучшему страны сей устройству»². Новая система управления кочевым населением азиатской степи, созданная для управления казахами Оренбургского края получила законодательное утверждение уже в начале 1824 г. [1, с. 205-209].

Представленный на рассмотрение Азиатского комитета в 1823 г. проект

оренбургского военного губернатора П.К. Эссена предлагал поставить во главе этой системы Оренбургское азиатское правление, в ведении которого должны были состоять линейное и степное управления. Оренбургское азиатское правление, осуществляющее высшее управление степным населением, следовало составить из председателя (в генерал-майорском чине), двух советников, двух ассессоров, четырех депутатов от казахов и по депутатству от бухарских и хивинских торговцев. При Азиатском правлении полагалась канцелярия в составе 21 служащего, из которых четыре конфидента были предназначены для наблюдения за состоянием внутри Казахской степи. К ведению Азиатского правления предлагалось отнести дела исполнительные и судные. Надзор за благоустройством в степи и ее неказахскими жителями, дела линейного управления в отношении казахов, распоряжение казенными финансами были отнесены к исполнительной части. Суд (ревизия суда) между казахами и азиатскими иноземцами, исковые дела – к судебной³.

Уральская пограничная линия, отделявшая казахскую степь от остальной России, в административном отношении должна была делиться на 11 дистанций. Во главе каждой из них полагалось назначить командиров дистанций, отвечавших за охрану линии, контролировавших местную полицию и выполнявших особые поручения начальства.

Непосредственное управление кочевниками Малой орды⁴ (как внеш-

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161, I-1. Оп. 781. 1819-1828. Д. 488. Л. 6.

² АВПРИ. Ф. 161, I-1. Оп. 781. 1825. Д. 490. Л. 3.

³ АВПРИ. Ф. 161, I-1. Оп. 781. 1825. Д. 490. Л. 3

⁴ В административном отношении Малая орда (так российские чиновники стали назы-

ней, кочевавшей за Уральской линией, так и внутренней, кочевавшей внутри Уральской линии) должны были осуществлять степное управление, делившееся на три уровня. Первичный уровень составляло управление аулами, во главе с аульными старшинами. Племенами, объединявшими аулы, должны были руководить правители. А каждая из четырех частей орды – старшим султаном и ханом вместе с особыми советами. При этом их полномочия не были разграничены, старший султан и хан¹ пользовались фактическими равными правами и могли оказывать влияние друг на друга, что создавало определенное двоевластие. Все указанные должности должны были стать выборными.

При обсуждении проекта были высказаны предложения создать в Оренбургской степи пограничную область (или Область оренбургских киргизов) в составе 11 внутренних округов (вместо прежде предполагавшихся дистанций), 3 внешних (восточная, средняя и западная части Малой орды) и особого округа казахов – Внутренней орды, кочевавшей в пределах Астраханской губернии. Оренбургскую пограничную комиссию было решено переименовать в Областное пограничное правление. Предлагалось отказаться от двоевластия на старшем уровне управления кочевниками – во главе орды поставить лишь старше-

вать Младший жуз) делилась на четыре части: западную, среднюю, восточную и внутреннюю.

¹ У казахов султаны и ханы – потомки Чингисхана по линии старшего сына Джучи. При этом хан – верховный правитель, наделенный широкими правами – избирался из среды султанов. Старший султан – российский имперский консул, призванный ослабить традиционный авторитет ханской власти.

го султана с советом, а действующего хана перевести в Оренбург, назначив его почетным председателем Оренбургского пограничного правления, «...доставить ему все экономические выгоды, но не возлагая на него никаких важных обязанностей...». Во Внутренней (Бокеевской) орде было признано необходимым сохранить за правителем звание хана², образовав при нем совет в составе и с полномочиями совета при старшем султани. Кроме того, при каждом старшем султани полагалось содержать казачью команду, а объединения аулов (для унификации по аналогии со Средней ордой) переименовать из «племен» в волости. Начальников волостей было предложено именовать султанами.

Не дожидаясь окончательного утверждения правил управления Оренбургским краем, Азиатский комитет предложил оренбургскому военному губернатору переместить хана Малой орды Шергазы в Оренбург, предоставив ему звание первоприсутствующего в Пограничной комиссии; осуществить разделение Малой орды на три внутренних округа и назначить в них главных султанов (султанов-правителей), приняв меры для превращения этого звания в выгодное и привлекательное для кочевников; управление Внутренней орды оставить без изменения.

Из всех предложенных мер император утвердил лишь деление Малой орды на четыре округа, включая Внутреннюю орду, сохранение хана Жангира во главе последней и приглашение хана Шергазы в Оренбург [1, с. 210].

² Хан здесь был избран и утвержден высшей властью.

В 1844 г. сроком на 5 лет были введены в действие Положения об управлении оренбургскими киргизами¹ и о школе для киргизских детей [2, с. 392-403]. Заселенные казахами земли признавались особой областью империи и передавались в ведение Министерства иностранных дел (§ 4). Поэтому центральным органом, заведующим оренбургскими казахами, оставался Азиатский департамент МИД; непосредственное же руководство делами кочевников было сосредоточено в руках оренбургского военного губернатора (§ 1).

Все управление кочевниками делилось на общее и частное. Областное (общее) управление принадлежало Оренбургской пограничной комиссии в составе председателя, его товарища, четырех советников из русских, четырех заседателей из казахов и канцелярии (§§ 5–9). Председатель комиссии назначался императором²; его товарищ – МИДом; советники – оренбургским военным губернатором по согласованию с МИДом; чиновник особых поручений, заседатели, секретари канцелярии и врач – военным губернатором (§§ 22–23).

Местное (частное) управление составляли представители местного населения: султаны-правители, дистаночные начальники и начальники аулов. При каждом султано-правителе должны были состоять помощник, письмоводитель, писец, пять рассылных, один фельдшер из казахов, а также казачий отряд (§§ 10–13). Султаны-правители назначались оренбургским военным губернатором по согласованию с Министерством ино-

странных дел, помощники султанов-правителей – военным губернатором. Прочие чины областного и местного управления назначались на свои должности постановлениями Пограничной комиссии (§§ 22–24).

Примечательно, что для защиты интересов прилинейных казахов, постоянно вступающих в разного рода отношения с русским населением линии, предполагалось учредить шесть должностей попечителей из русских чиновников (§ 16).

В отношении управления кочевым населением оренбургский военный губернатор пользовался правами главного начальника края (генерал-губернатора), руководствуясь инструкциями МИД (§ 27). Ему непосредственно подчинялся председатель Оренбургской пограничной комиссии, управлявший этой комиссией на основании Общих губернских учреждений. Сама комиссия являлась коллегиальным учреждением и осуществляла функции губернского правления, палат казенной и государственных имуществ, гражданского и уголовного судов. Без посредства комиссии председатель не мог принимать решения по управлению кочевым населением за исключением дел, возлагаемых лично на него оренбургским военным губернатором или Азиатским департаментом МИД (§§ 29–30, 34). Пограничной комиссии непосредственно подчинялись все лица местного управления кочевников (§ 37). Сношения с сопредельными азиатскими владетелями комиссия и ее председатель могли осуществлять лишь с ведома оренбургского военного губернатора (§ 31).

На султанов-правителей, дистаночных и аульных начальников возлага-

¹ Этноним, обозначающий до начала XX в. казахов.

² По представлению МИДа.

лись надзор за поведением казахов, содержание их в верности и послушании правительству, сбор сведений о народонаселении и о хозяйстве кочевников (§ 46). Султаны-правители сверх того обязаны были «...всемерно стараться об искоренении в степи барымты и вообще всякого самоуправства» (§ 47).

В развитие Положения 1844 г. была издана инструкция попечителям оренбургских прилинейных киргизов¹, которая возлагала на них обязанность «...защищать сих ордынцев по всяким делам их с линейными [русскими. – Прим. авт. – Д.В.] жителями...», а также требовала предостерегать казахов от справедливого недовольства со стороны русских. Пожалуй, главное предназначение попечителей оренбургских прилинейных киргизов было сформулировано в § 27 инструкции: «При всяком удобном случае внушать киргизам их долг повиноваться начальству, исполнять законные требования постановленных над ними властей, воздерживаться от баранты, грабежей, похищений и вообще таких дел, за которые виновные подвергаются суду и наказаниям, причем доказательно объяснить собственную пользу ордынцев, происходящую от честности, кротости и исполнения законов и безусловного повиновения начальству».

Особого внимания заслуживает обстоятельство, что Положение возложило на Оренбургскую пограничную комиссию обязанность собрать и систематизировать нормы казахского права, создать из них кодекс обычного права и передать его на утверждение правительства (§ 64). Это указывает не

только на отсутствие у власти реальных представлений о традиционном судопроизводстве у кочевников, но и о том, что имперская администрация намеревалась его сохранить на довольно длительную перспективу.

Положение об управлении оренбургскими киргизами 1844 г. демонстрирует значительную степень обособленности управления коренным населением степи. Это касается передачи всего местного управления в руки казахов, включения местной традиции судопроизводства в судебную систему региона. По-видимому, это было продиктовано намерением облегчить интеграцию степи и ее населения в империю, смягчить переход к европеизированной государственной системе. Стремлением стабилизировать обстановку в регионе и по возможности снять социальную и межэтническую напряженность были вызваны меры, направленные на ограждение интересов коренного населения перед угрозой социально-экономической агрессии русских. В этом, по всей видимости, проявляется непосредственное участие МИД в разработке этого закона.

Люди, сведущие в делах МИДа, отмечали, что основной целью Положения было не изменение прежней общественно-политической системы у казахов, а намерение «...не вводить у них русского управления, а предоставить им ведаться своими властями, *под наблюдением только Оренбургской пограничной комиссии*» [1, с. 228].

5 июля 1854 г. приказом военного министра был обнародован императорский указ об учреждении командования Сырдарьинской линии. Несмо-

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 5025. Л. 437-442 об.

² Выделено курсивом в документе.

тря на то, что в самом приказе ничего не говорится о подведомственности сырдарьинских казахов Министерству иностранных дел, штат управления включал чиновника МИДа «...для занятий по управлению киргизами [казахами. – Прим. авт. – Д.В.] и по части пограничной» с подчиненными ему помощником, письмоводителем и переводчиком [3, с. 104].

Спустя два года, 14 августа 1856 г., император Александр II повелел принять к исполнению Инструкцию по управлению пограничной Сырдарьинской линией¹. Проект этого документа был подготовлен оренбургским и самарским генерал-губернатором В.А. Перовским, изменения в него внесли министерства иностранных дел и финансов. Срок действия инструкции ограничивался пятью годами – периодом, в течение которого могли открыться новые непредвиденные прежде «неудобства и частные обстоятельства», которые могли потребовать пересмотра документа². Инструкция призвана была установить обязанности военного командира линии и старшего чиновника МИДа по отношению к управлению сырдарьинскими казахами, а также к сношениям с соседними Хивой, Бухарой и Кокандом.

Инструкция возлагала заведывание казахскими и пограничными делами на старшего чиновника МИДа непосредственно. Функции командующего линией в этом плане ограничивались наблюдением за ее должным исполнением со стороны старшего чиновника. При этом обо всех своих замечаниях в этом отношении коман-

дующий должен был лишь незамедлительно докладывать оренбургскому генерал-губернатору, «...не входя сам ни в какие распоряжения...» (§1). Сам же старший чиновник напрямую мог общаться в Оренбурге лишь с Пограничной комиссией, как органом, непосредственно ответственным за руководство жизнью всех казахов Оренбургского ведомства, а к генерал-губернатору он имел возможность обращаться практически всегда лишь через командующего линией (§§ 2, 3). Задачи по управлению местным населением должны были разрешаться при посредстве начальства, назначаемого из среды самих же казахов (§ 11).

Несмотря на то, что фактически все управление сырдарьинскими казахами находилось в руках внешнеполитического чиновника, инструкция, тем не менее, сохраняла военную административную вертикаль. Все местные и родовые начальники из казахов назначались и увольнялись со своих должностей командующим линией по представлению старшего чиновника МИДа. Следует обратить внимание и на еще одно ограничение власти старшего чиновника. Дело в том, что назначенные на должность казахи получали не от него, а от Оренбургской пограничной комиссии специальное наставление с изложением своих обязанностей на казахском языке (§ 13), которым им и следовало руководствоваться в повседневной практике.

Обеспечение внутреннего порядка, личной и имущественной безопасности в кочевьях возлагались исключительно на казахское местное и аульное начальство. Российские должностные лица должны были лишь контролировать строгое исполнение инструкции

¹ АВПРИ. Ф. 161, I-1. Оп. 781. Д. 96. Л. 86-107 об.

² Там же. Л. 85-85 об.

должностными лицами из кочевников. Каждый такой начальник был обязан следить за «нравственностью», образом жизни подведомственных лиц и их контактами со внешним миром (§ 40).

Часть функций казахских начальников определялась наличием не особо знакомых, а потому априори опасных соседей – среднеазиатских ханств. Поэтому местная власть была призвана противодействовать связям подведомственных ей лиц с Хивой и Кокандом. С подозрительными лицами следовало поступать так же, как и с совершившими тяжкие уголовные преступления – незамедлительно арестовывать их и доставлять в ближайшее укрепление. Наконец, местные начальники должны были вести своего рода разведывательную работу – собирать сведения об угрозе барымты со стороны соседних казахов или о возможном нападении кокандцев или хивинцев и незамедлительно доносить об этом ближайшему российскому военному начальству. Если угроза превращалась в реальность, казахский начальник обязывался уведомить об этом своих соседей и принять соответствующие меры предосторожности вплоть до откочевания под защиту военных укреплений. Характерно, что старший чиновник, получивший сведения о подобных враждебных действиях, тут же должен был доложить о случившемся командующему линией и поступал в его полное распоряжение вплоть до минования опасности (§ 44).

По исполнительной части казахские начальники выполняли следующие функции: доставка в суд ответчиков и свидетелей; наблюдение за исполнением судебных решений; высылка людей и скота для исполнения

повинностей; формирование, при необходимости, вооруженного отряда из подведомственных казахов и передача его в распоряжение соответствующего воинского начальника (§ 45).

Составители инструкции допускали, что в степи имперским чиновникам не всегда удастся изобличить преступников. По вполне понятным причинам, не желая оставлять серьезные преступления вообще без наказания, они предложили в тех случаях, когда «...виновность обвиняемых ясна, но юридически доказана быть не может...», решение судьбы подозреваемых в лжесвидетельстве, бегстве из-под стражи военных арестантов, предоставлении убежища заведомому вору или возмутителю спокойствия, насильственном удержании людей, умысел на вооруженный грабёж и др. передать генерал-губернатору, который по докладу командующего линией должен был наказывать указанных лиц в административном порядке (§ 62).

Заботой о состоянии здоровья новых подданных вызвано было решение учредить в форте Перовском больницу для казахов на 50 мест обоих полов. Одной из обязанностей старшего чиновника должны были стать забота о состоянии этого заведения, а также об обеспечении казахов бесплатными медикаментами и распространении среди них оспопрививания (§ 66). Ему же надлежало содействовать пропаганде среди кочевников элементарных санитарных норм и принимать меры к предотвращению распространения в степи эпидемий и эпизоотий (§ 67). Во избежание голода среди местного населения в неурожайные годы старшему чиновнику позволялось ходатайствовать перед командующим ли-

нией о выдаче казахам ссуд хлебом с обязательным возвратом в следующем году (§ 68). Еще одной попечительской обязанностью старшего чиновника должно было стать наблюдение за тем, чтобы оплата вольнонаемным казахам за казенные работы осуществлялась своевременно и в полном объеме (§ 70). Ко всему прочему он должен был беспокоиться о том, чтобы состоятельные казахи не ущемляли интересы бедных в пользовании землями и угодьями, чтобы приходящие зимовать на Сырдарью кочевники не притесняли живших там постоянно, чтобы оросительные системы содержались в исправности и не было злоупотреблений в водопользовании, чтобы понапрасну не истреблялись камыш и лес (§ 71).

В инструкции особо рассматривались вопросы организации караванной торговли. Все линейные власти, а особенно командующий линией, должны были оказывать ей полное содействие вплоть до выделения при необходимости военного сопровождения (§§ 77, 78). Прилинейная торговля также должна была получить полную поддержку российской администрации. Вести ее разрешалось всем, но исключительно при фортах, где для этой цели полагалось отвести специальные места (§ 83).

27 июля 1864 г. император утвердил мнение Государственного совета о передаче управления казахами Сырдарьинской линии [4] из ведомства Министерства иностранных дел в ведение Военного министерства¹, а в следующем году был возбужден вопрос об объединении управления всей степью

и передаче высшего заведывания казахами одному центральному органу. С целью рассмотрения этого вопроса на месте была сформирована особая комиссия под председательством члена Совета министра внутренних дел Ф.К. Гирса в составе представителей МВД, Военного министерства и представителей администраций Оренбургского края и Западной Сибири [1, с. 255-256].

Краткий анализ российского законодательства о Казахской степи первой половины XIX в. показывает, что к середине столетия в подчиненной Оренбургу Малой орде сложилась самостоятельная административная модель. Управление здесь в большей степени учитывало местные традиции, чем кардинально отличалось от административных моделей других частей подведомственных России казахских земель. Во Внутренней орде утвердилась система, основанная на комбинировании местных традиций и бюрократических реалий империи. Администрация Средней орды была основана на общеимперских принципах административно-территориального управления. Большая орда не имела обособленной административной системы, охватывавшей все уровни управления.

Проведенное исследование позволяет выдвинуть гипотезу о том, что российское правительство в Казахской степи шло по пути поиска оптимального образца для дальнейших административных преобразований в русле превращения региона в единое целое с государственным организмом Российской империи, учитывая при этом особенности местной внутренней и внешнеполитической обстановки.

¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 383. Оп. 1. Д. 73а. Л. 69-71 об.

Самостоятельность и определенная целостность оренбургской административной системы свидетельствует о неслучайности ее появления, о продуманной деятельности правительства в этом направлении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники

1. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции) / Сост. М.Г. Масевич. Ал-

ма-Ата: Изд-во Акад. Наук КазССР, 1960. 441 с.

2. Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2-е. (ПСЗРИ-П). Т. XIX. 1844. Отд. 1-е. СПб., 1845.
3. ПСЗРИ-П. Т. XXIX. 1854. Отд. 2-е. СПб., 1855.

Литература

4. Васильев Д.В. Туркестанская область: становление административного законодательства в Русском Туркестане. 1854-1866 // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2013. № 4. С. 174-180.

УДК: 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-126-132

Сарыков Е.С.*Московский государственный областной гуманитарный институт (г. Орехово-Зуево)*

РАЗВИТИЕ МЕЛКОЙ СЕЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические условия становления и развития кустарной отрасли крестьянских хозяйств Курской губернии в середине XIX в. Несмотря на схожий с другими земледельческими регионами характер экономической эволюции, развитие общественного хозяйства Курской губернии имело свои отличительные черты, в частности широкую вовлеченность в национальный рынок. Это обстоятельство определило региональную специфику роста ремесленной отрасли крестьян в пореформенный период, которая и описывается в статье.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, крестьянская реформа, аграрный кризис, кустарные промыслы, отходничество.

E. Sarikov*Moscow State Regional Humanitarian Institute, Orekhovo - Zuyevo*

DEVELOPMENT OF SMALL-SCALE RURAL INDUSTRY IN KURSK REGION IN THE POST-REFORM PERIOD

Abstract. The article examines the socio-economic conditions of formation and development of the handicraft industry farms in Kursk province in the middle of the XIX century. Despite the economic evolution of Kursk province being similar to other agricultural regions, its social economy development had its own distinctive features, such as: extensive involvement in the national market. This circumstance determined the regional specificity of the peasants' handicraft sector growth in the post-reform period, described in the article.

Key words: peasant economy, peasant reform, agrarian crisis, cottage industry, seasonal work.

Курская губерния отличалась достаточно высоким уровнем вовлеченности в национальный рынок. Купцы региона обеспечивали активный обмен товаров курского производства (зерна, сала, пеньки, конопляного масла и семян) на промышленную продукцию центрального промышленного региона. В губернии действовало 357 ярмарок, на которые в 1862 г. было привезено товара на сумму 8 727 000

руб., а реализовано продукции местного производства на 4 742 000 руб. [5, с. 22]. В отличие от Воронежской губернии, где вывоз значительно превышал ввоз [2, с. 30], а потребности товаров промышленного назначения в подавляющей доле удовлетворялись местной, в том числе кустарной, промышленностью, в Курской губернии благодаря большому ввозу продукции из промышленно развитых губерний запросы местного населения удовлет-

ворялись в основном за счет ввозимого товара [3, с.160].

На ярмарку доставлялся большой выбор меховых и шерстяных товаров, в том числе из Сибири и Малороссии. Отдельный ряд составляли лавки касимовских татар, доставлявших изделия из войлока, мерлушки и овчины.

С заводов Пермской, Вятской и Тульской губерний привозили в широком ассортименте изделия из железа и стали, медные изделия поставляли уральские фабрики, скобяной товар – предприятия Москвы и Ярославля, листовое стекло – брянские заводы, иконы – мастерские г. Суздаля, «мочальный товар, как то рогожа, кулье и циновки доставлялись из Калужской губернии» [5, с. 99], **рыболовецкие снасти** – с Дона, деревянная посуда – из Нижнего Новгорода.

Высокая степень вовлеченности экономики губернии в общенациональные хозяйственные связи обусловила два последствия для развития кустарной промышленности. Во-первых, служила толчком к появлению в губернии высокотоварных кустарных «гнезд», ориентированных на производство продукции для национального рынка. Во-вторых, значительно сократила функциональное пространство домашнего натурального производства промышленных изделий.

Уже накануне реформы 1861 г. в губернии сформировались специализированные товарные отрасли кустарной промышленности. Вязание шерстяных кушаков составляло помысел деревенских жителей (большей частью государственных крестьян) в уездах Курском, Щигровском и Тимском, а также в Грайворонском, Путивльском и Рыльском. Этим изделием занима-

лись женщины, называемые «кушачницами». Одни из них вязали кушаки, а другие красили, употребляя для этого марену, ольховую кору, сандал и кошениль. В особенности славилось вязанием кушаков с. Дубовец Курского уезда. Продукция кушачниц сбывалась оптом на Коренной ярмарке, а затем развозилась скупщиками по всем регионам России [5, с. 91-104].

Чеботарным промыслом занимались крестьяне пригородных слобод вокруг губернского города и слободы Михайловской Новооскольского уезда, в основном работающие на заказы военного ведомства. Параллельно с чеботарным производством в этих же населенных пунктах крестьяне изготавливали тулупы и ткали волосяные сита.

Валяльная и шерстобитная отрасли крестьянской промышленности были распространены в Белгородском, Рыльском и Путивльском уездах. Производимые шерстобитами и валяльщиками крестьянские колпаки и войлочные шляпы расходились не только в губернии, но и в соседних регионах.

Сучению бечевы посвящали свою промышленную деятельность крестьяне Курского, Львовского и Фатежского уездов. Производство телег, колес, саней располагалось в Фатежском, Дмитриевском, Львовском и Суджанском уездах. Тележная отрасль кустарной промышленности, в основном, удовлетворяла потребности местных селян. Выделкой мельничного и жернового камня славилась исключительно кустари Путивльского уезда.

Одним из наиболее распространенных промыслов губернии являлся гончарный, широко развитый в с. Дроноево и Касиновке Курского уезда, в

Сбыт основных видов продукции кустарной промышленности за пределами Курской губернии (середина XIX в.)

Наименование продукции	На сумму в год (руб.)	Место сбыта
Мыло	221 900	города соседних губерний, Воронежская, Черниговская губернии
Пенька	4 800 000	Санкт-Петербург
Сырые кожи и овчина	2 230 000	за границу, Санкт-Петербург, крупные ярмарки России, Москва
Овечья шерсть	900 000	крупные ярмарки России
Воск	1 300 000	крупные ярмарки России
Канаты	20 000	Таганрог
Кушаки	45 000	на ярмарки соседних губерний
Сапожные изделия	190 000	крупные ярмарки России

Источник: 1, Табл. 29

слободе Гончарной Суджанского уезда, в слободе Ямской Старооскольского уезда, в слободе Бурыне и деревне Гончары Путивльского уезда. Гончары изготавливали не только крестьянскую посуду, но и кафель для нужд горожан. В Белогорье крестьяне промыслили добычей мела, который через скупщиков продавался в Одессе и на Кавказе.

Вышеприведенные данные о наличии в дореформенный период товарных отраслей кустарного производства подтверждаются материалами исследования Коренной ярмарки 1862 г. Собственная продукция кустарей-кожевников практически заместила привозимый товар и стала предметом вывоза из губернии [5, с. 69].

Сапожники слободы Михайловской Новооскольского уезда выигрывали в конкуренции чеботарного товара [5, с. 70]. Московские, харьковские, воронежские экипажи, тарантасы, телеги, колеса вытеснила продукция местных мастеров Кашеваровых и Поповых [5, с. 71]. Курские восковые свечи успешно соперничали с московскими [5, с. 75], местное мыло отодвинуло на второй план поставки из г. Казани

[5, с. 76]. На ярмарке не было альтернативы курской пеньке и продуктам ее переработки (веревке, бечеве, канатам, рыболовецким снастям и т. д.) [5, с. 99], а также деревянным изделиям (сундукам, самопрялкам, кузовам, дугам, колесам и т. д.) [5, с. 101–102].

Согласно далеко не полным данным Губернского Статистического комитета, в середине XIX в. вывозилось за пределы губернии товара кустарного производства на сумму 9 706 000 руб. Самыми значительными статьями вывоза являлись пенька крестьянской выделки и сырые кожи, которые шли в том числе и за границу [1, табл. 27].

Следует заметить, что значительный поток сбыта изделий кустарной промышленности курских мастеров за пределы губернии сопровождался не менее значительным поступлением на региональный рынок кустарной продукции из других областей России. О приблизительном объеме ввоза товаров кустарного рукоделия в Курскую губернию можно судить по далеко не полным данным, собранным офицерами Генерального штаба в 1850 г. Согласно учтенному количеству, постав-

ляемые товары оценивались в сумму 310 266 руб.

Увеличивающийся с каждым годом приток товаров кустарного производства, прежде всего из промышленных губерний страны, стимулировал рост качества изделий курских мастеров.

Обусловленная многими факторами товарность отраслей кустарной промышленности Курской губернии не исключала широкого присутствия в ее социально-экономической структуре патриархальных форм. Как и в «давние времена», значительную часть потребностей в промышленных продуктах куряне удовлетворяли за счет домашнего производства. Так, большинство сельских семей сами изготавливали холсты «низких сортов», «пеньковые и замашные» [1, с. 108].

Начавшие появляться в середине XIX в. негативные явления в сельском хозяйстве губернии: «малоземельность и неплодородие почвы», «дурное устройство земледельческих орудий, худая разработка полей, истощенное состояние скотины» стали стимулировать часть крестьян «обращаться в ремесленников или промышленников» [1, с. 70].

Всего к середине XIX в. в губернии насчитывалось более 35 000 крестьян, занимающихся промышленной деятельностью. В это количество не входили хозяева фабрично-заводских предприятий, значительное количество которых также принадлежало к сельским жителям и представляло собой кустарные мастерские. Самую многочисленную группу кустарей составляли плотники (22,3 %), работавшие как внутри губернии, так и за ее пределами. В Географическом описании России под редакцией В. Семенова-

Тян-Шанского говорится: «Плотники существуют почти повсеместно. Небольшое число их можно найти почти в каждом селении нашей области, но в некоторых селениях почти все население или значительная часть его знает это ремесло и, формируясь в небольшие артели, производит строительные работы в окрестностях своего селения на расстояниях до 40 и 50 верст, а иногда уходит на такого рода заработки и в другие губернии и города» [4, с. 240].

На месте и в отходе трудились каменщики (9,1 %), сапожники (8,8 %), бондари (8,2 %), портные (7,7 %), кузнецы (7,4 %), тележники (6,6 %), топники (5,5 %). В связи с тем что в первой половине XIX в. земледельческая отрасль крестьянского хозяйства практически не испытывала проблем, отходничество не играло сколько-нибудь значительной роли в его доходах. «В эпоху, предшествующую освобождению крестьян, – говорится в Полном географическом описании, – отхожих промыслов из рассматриваемой нами области (Центрально-Черноземной. – *Прим. авт. – Е.С.*), и в особенности ее черноземных местностях, почти совсем не существовало. После реформы 19 февраля 1861 г., при быстром росте населения, потребность заработка стала более и более возрастать, вследствие чего стало расти и увеличиваться количество крестьян, уходящих на заработки в другие губернии и города, и отхожие промыслы стали играть все большую и большую роль в экономической жизни крестьянского населения области» [4, с. 260].

По мере нарастания кризисных явлений в традиционном крестьянском хозяйстве масштабы отходничества расширялись, в том числе отход за пре-

дела губернии мелких промышленников. Высокая конкуренция с привозными промышленными товарами и с местными кустарями, давно освоившими определенные сегменты внутреннего рынка, давление скупщиков и комиссионеров вынуждало крестьян искать возможность для применения навыков промышленной деятельности за пределами губернии.

Значительная доля вновь рекрутируемых кустарей пополняла ряды отходников, количество которых росло с каждым годом. Расширению отходничества мелких сельских промышленников способствовало благоприятное с точки зрения применения промышленных навыков окружение земледельческих губерний.

Курская губерния не относилась к числу промышленно развитых регионов, однако ее промышленность, начиная с последних двух предреформенных десятилетий, получила значительное развитие, прежде всего в отраслях, ориентированных на переработку сельскохозяйственного сырья.

Поденная плата работников-мужчин составляла 20 коп., женщин – 15 коп. За 20 предреформенных лет облик курской промышленности претерпел значительные изменения. Общее количество фабричных предприятий с 1847 по 1862 г. уменьшилось с 704 до 540. Численность заводов уменьшилась исключительно за счет сельских предприятий, в большинстве своем принадлежащих помещикам (с 637 до 295), в то время как число городских заведений увеличилось на 178 единиц. Несмотря на общее уменьшение числа заводов и фабрик, их средняя годовая производительность увеличилась с 2802 руб. до 8985,7 руб., а количество

занятых на каждом заводе – с 11,3 чел. до 22,1 чел. [3, с. 54; 5, с. 40–41].

Несмотря на качественные изменения, промышленность региона в целом находилась на низком технологическом и техническом уровне. Крупное фабрично-заводское производство, не справляясь в полном объеме с переработкой произведенного в губернии сельскохозяйственного сырья (свидетельством этому служит значительная доля вывозимого из Курской губернии не перерабатываемого или первично перерабатываемого сырья: пеньки, сала, сырых кож и овчин), не составляло серьезной конкуренции крестьянским промышленным промыслам.

Практически не оказывало никакого влияния на эволюцию крестьянской промышленности городское ремесло. Число мастеров-промышленников не соответствовало потребности в продукции промышленности граждан, не говоря о возможности столь малочисленных ремесленников удовлетворить спрос сельского населения.

За последние три предреформенные десятилетия число городских ремесленников несколько увеличилось, с 5202 чел. (это число включает мастеров, рабочих и учеников) до 5696 чел., причем практически половина численности мастеров приходилось на губернский город. В некоторых уездных городах, например, в г. Новый Оскол и в г. Тим, ремесленники составляли совсем незначительное количество. Набор ремесленных специальностей: живописцы, каретники, столяры, печники, медники, позолотники, перчаточники и другие в городах в большинстве своем говорил о специализации на выпуске продукции, не востребованной на селе.

«Городские промыслы, – отмечали офицеры Генерального штаба, обследовавшие Курскую губернию, – столь ничтожны во многих уездных городах, что купцы большую часть своих товаров продают не в городах, а на соседственных и отдаленных сельских ярмарках. Мещане же тоже не бывают в городах, где живут только их семейства» [1, с. 69].

Так же как и крупное промышленное производство, городское ремесло оставляло для крестьянской промышленности широкое поле деятельности.

Обширность рынка промышленных товаров и невысокая конкуренция с крупной и городской ремесленной продукцией создавали благоприятные условия для эволюционного развития хозяйственного строя кустарных промыслов. Революционирующая роль капитала практически не проявлялась в крестьянских промышленных занятиях в середине XIX в. Концентрация во многих отраслях кустарной промышленности направлялась не частнокапиталистической инициативой, а через объединение материальных и трудовых усилий мелких промышленников в простейшие формы кооперативной организации. Так, например, на кооперативной основе строился колесный промысел белгородских поселян, работающих в Суджанских лесах. «Некоторые из занимающихся этим промыслом только гнут дуги или ободья, другие вытачивают ступицы и делают палицы, собирают колеса, третьи делают все это вместе, а четвертые, кроме того, приделывают к колесам оси, подушки, подлисы, повозки и кибитки» [1, с. 105].

Наряду с условиями, способствующими развитию кустарной промыш-

ленности, имелись факторы, препятствующие становлению кустарных промыслов губернии в качестве самостоятельной отрасли хозяйства. Одним из таких факторов стало отсутствие у мелких промышленников средств на развитие предприятий. По свидетельству авторов Военно-статистического обозрения, ростовщический процент на ссуженные кустарям деньги нередко составлял 200–300 % [1, с. 69].

Несмотря на инерцию функционирования крестьян в прежних традиционных устоях и препятствия, возникающие на пути освоения новых видов деятельности, крестьянские хозяйства с каждым годом все шире обращались к промышленным занятиям, используя при этом навыки домашнего рукоделия.

Таким образом, уже к середине XIX в. начали проявляться признаки истощенности экстенсивных методов развития аграрной отрасли традиционного хозяйства. Крестьянское население губернии было поставлено перед выбором дополнительных источников дохода, не обеспечиваемого в полном объеме привычным для селян Черноземья ведением земледелия. В этом смысле одним из лидеров диверсификация хозяйственной стратегии крестьянского населения явилось использование навыков примитивной промышленной деятельности для извлечения дохода. Плотники, каменщики, тележники, бондари, портные и др., ранее обеспечивавшие потребности односельчан, обратили свои умения на зарабатывание денег как внутри губернии, так и за ее пределами. Отходничество в Московской губернии служило кустарям средством сохранения мелких предприятий от

натиска более удачливых и пассионарных однопрофильных мастеров. Переходя на территории, где уровень промышленного развития был значительно ниже, московские кустари как бы консервировали собственное дело в состоянии, унаследованном от отцов и дедов. Иной социальный смысл приобретало отходничество курских кустарей. Уходя за пределы губернии, крестьяне учитывали значительную метаморфозу, приспособлявая примитивные навыки домашнего производства к конкуренции, хотя и не очень взыскательного, но все же враждебного рынка.

Рост кустарной промышленности не встречал противодействия со стороны фабрично-заводской промышленности и городского ремесла, так как оба сегмента экономики края не отли-

чались масштабами и к тому же ориентировались на узкий спектр удовлетворения промышленного спроса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Курская губерния. СПб., 1850.
2. Егоров В.Г., Антонов О.Ю., Зозуля О.А. Кустарные промыслы Воронежской губернии второй половины XIX – начала XX века. СПб., 2014.
3. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860.
4. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. Т. 2. Седнерусская черноземная область. СПб., 1902.
5. Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. второй. Курск, 1868.

УДК 94(470.319) «1864»:37.014.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-133-138

Воронкова И.Е., Хабалева Е.Н.*Орловский государственный институт экономики и торговли*

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В СФЕРЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 60-Е гг. XIX в. В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. В статье анализируется процесс обсуждения проектов реформы 1864 года в сфере начального образования в Российской империи, в частности, предложения с мест, а также начальный этап реализации утвержденного «Положения о начальных народных училищах». Рассматривается положение начального образования в Орловской губернии в пореформенное время. Новизна исследования определяется тем, что, помимо общероссийских тенденций развития начального образования, авторы анализируют состояние этой ступени обучения на примере одного из регионов, а именно – Орловской губернии.
Ключевые слова: образовательная реформа 1864 г., Министерство народного просвещения, уездные и приходские училища, Орловская губерния.

I. Voronkova, E. Khabaleva*Orel State Institute of Economy and Trade*

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF EDUCATIONAL REFORMS IN PRIMARY EDUCATION IN THE 60-S OF THE XIX CENTURY IN THE RUSSIAN EMPIRE (ON THE EXAMPLE OF OREL PROVINCE)

Abstract. The article analyzes the process of discussing the drafts of the 1864 primary education reform in the Russian Empire, the proposals from the provinces in particular. Besides, the initial stage of the «Regulations on the primary national schools» implementation is presented. The state of primary education in Orel province in the post-reform era is considered. The novelty of the research is determined by the fact that in addition to the nationwide trends in the development of primary education the authors analyze the state of education on the example of one of the regions - namely, Oryol province.

Key words: educational reform of 1864, the Ministry of Education, district and parish schools, Orel province.

В российской системе образования на протяжении XIX – начала XX в. начальная школа занимала особое место. Это была первая ступень обучения,

наиболее доступная для населения дореволюционной России. Особенностью развития начальной школы в обозначенный период было наличие различных типов учебных заведений данного уровня. Помимо уездных и приходских училищ, находящихся в ведомстве Министерства народного

© Воронкова И.Е., Хабалева Е.Н., 2015.

Работа выполнена при поддержке ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт экономики и торговли»

просвещения, начальное образование в стране давали земские школы, церковно-приходские школы, школы грамоты и др. Все они подчинялись различным ведомствам и имели свои особенности в организации учебного процесса.

Однако стоит отметить, что среди многих типов начальной школы именно министерские городские приходские и уездные училища выделялись особо как по своему положению – они выполняли функцию главных начальных школ в уездах, так и по организации учебного процесса – давали начальный уровень знаний.

«Проект уставов низших и средних учебных заведений, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения» [3, с. 85-163] появился в феврале 1860 г., в бытность министром народного просвещения Е.П. Ковалевского. С целью получить отзывы специалистов и общественности Проект был опубликован в журнале Министерства, в Санкт-Петербургских и Московских ведомостях. Пересмотр проекта уставов и принятие его окончательной редакции пришлось уже на годы руководства Министерством А.В. Головина, считавшего необходимым усилить религиозно-нравственную составляющую образования, формировать у молодого поколения серьезные умственные интересы, взвешенно подходить к соотношению физического воспитания и эстетического образования.

В 1862 г., с учетом официальных и частных отзывов, замечаний Ученого комитета, появился новый «Проект устава общеобразовательных учебных заведений». В этом уставе нашли отражение следующие идеи – средние

и низшие учебные заведения должны иметь общеобразовательный характер и подчиняться одному ведомству, а именно Министерству народного просвещения; особое внимание в них необходимо обращать на подготовку воспитателей и учителей; каждому учебному заведению должна предоставляться возможность самостоятельно совершаться в учебном и воспитательном отношении; главная задача всех учебных заведений – воспитание человека, то есть гармоничное развитие его нравственных, умственных и физических сил. Согласно Проекту, все учебные заведения делились на три разряда – народные училища, прогимназии и гимназии [2, с. 95-146]. Второй проект устава был также вынесен на гласное обсуждение общественности и заинтересованных лиц.

Всестороннему изучению и анализу законопроект был подвергнут и в учебных заведениях Орловской губернии, в частности в Орловской губернской гимназии, где он рассматривался путем сопоставления его с Уставом 1828 г. Итогом неоднократных заседаний-обсуждений становились рекомендации или замечания к проекту будущего Устава.

Главные вопросы, которые поднимались на обсуждениях в Орловской губернской гимназии, касались следующих моментов. Во-первых, новый Устав предполагал существование начальных учебных заведений, принадлежащих разным ведомствам, а не только Министерству народного просвещения, причем их разрешалось открывать также по инициативе различных обществ и частных лиц. В этой связи предлагалось продумать процедуру открытия начальных учебных за-

ведений, исходящую от частных лиц, которая, как представляется, могла создать некие барьеры для открытия школы «неблагонадежными лицами», могущими внушить детям вредные, опасные для государства идеи.

Во-вторых, на заседаниях поднимался вопрос о преподавании Закона Божьего и значимости этого предмета для начальной ступени образования. Предлагалось, чтобы «местный священник был обязан наставлять детей в правилах веры и доброй нравственности по обязанности духовного отца, а не только как классный законоучитель»¹.

В-третьих, обсуждался вопрос о материальном обеспечении начальных учебных заведений и учителей. Высказывались идеи о необходимости предоставлять учителям помещения при училищах, в которых они могли бы жить, а также о материальной компенсации в случае закрытия учебных заведений.

В-четвертых, затрагивался вопрос об организации образовательного процесса в училищах. В низшие народные училища предлагалось принимать всех желающих без каких-либо вступительных испытаний. Также отмечалось, что на одного учителя должно приходиться не более 50 учеников, говорилось о необходимости отменить все телесные наказания.

О том, сколь ответственно подходили к обсуждению законопроекта Устава, свидетельствует частотность заседаний – только в мае 1860 г. в гимназии состоялось 12 заседаний². Данный факт весьма важен, поскольку те

рекомендации и пожелания, которые исходили с мест, т.е. из самих образовательных учреждений, имели особую ценность, позволяя понять, с какими проблемами сталкиваются училища в процессе своей работы. Все предложения, поступающие от гимназий Харьковского учебного округа, в т.ч. и Орловской, обобщались его попечителем и направлялись в Ученый комитет, где и осуществлялась разработка реформы.

В начале 1863 г. Ученый комитет на основании замечаний, внесенных в первые два проекта, составил новый проект Положения о начальных народных училищах. В его основу были положены следующие принципы: все народные училища разделялись на подведомственные Министерству народного просвещения и учреждаемые обществами и частными лицами; школы состояли в ведении местных училищных советов из представителей разных ведомств.

Не менее важными вопросами, которые должна была разрешить реформа, являлись: вопрос о введении бесплатного обучения в народных училищах и вопрос о преимуществах обучения в них, на которые, в конечном итоге, был дан отрицательный ответ – плата за обучение должна взиматься обязательно, а наделение учеников училищ какими-либо преимуществами недопустимо, т.к. «гораздо выгоднее для самого образования народного желать, чтобы народ шел учиться туда, где учат лучше и исправно, а не туда только, где за учение дают награды» [4, с. 449].

Новое «Положение о начальных народных училищах» было подписано императором 14 июля 1864 г. В соот-

¹ Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. 78. Оп 1. Д. 1709. Л. 20.

² ГАОО. Ф. 78. Оп 1. Д. 1709. Л. 21 об.

ветствии с ним к начальным народным училищам были отнесены все элементарные школы, подчиняющиеся различным ведомствам и финансируемые из средств казны, обществ и частных лиц. Обучение должно было осуществляться без сословных ограничений и с целью утверждения религиозных, нравственных понятий и распространения элементарных полезных знаний [1, с. 614].

Новый школьный устав регламентировал деятельность учебных заведений различных типов, относящихся к ведомству Министерства народного просвещения, ведомству Министерств государственных имуществ, внутренних дел, также удельного, горного и духовного ведомств. Народные училища по «Положению» 1864 г. могли открываться различными правительственными учреждениями, а также обществами и частными лицами. Принимая такое решение, правительство, прежде всего, учитывало вопросы их материального обеспечения – на развитие системы образования у государства просто не хватало денег.

Курс обучения в начальных народных училищах включал в себя следующие предметы: Закон Божий, чтение книг гражданской и церковной печати, письмо, начало арифметики, церковное пение, где это было возможно [1, с. 614]. Обучение в таких училищах носило религиозно-нравственную направленность, а Закон Божий был главным предметом.

Также «Положение» 1864 г. установило новую систему руководства начальным образованием, окончательно ликвидировав ту, которая была введена предыдущим уставом 1828 г. Образовательные учреждения начальной

ступени образования передавались в ведомство вновь создаваемых уездных и губернских училищных советов: «Для заведования начальными народными училищами учреждается в каждом уезде уездный и в каждой губернии губернский Училищные Советы» [1, с. 615]. Уездные училищные советы состояли из членов от Министерства народного просвещения, внутренних дел и духовного ведомства, двух членов от уездного земского собрания и по одному представителю от ведомства, финансирующего его деятельность. Губернские советы состояли из епархиального архиерея, губернатора, директора училищ, двух членов от губернского земского собрания [1, с. 616].

В обязанности уездного совета входили: наблюдение за преподаванием в училищах; дача разрешения на открытие новых заведений; предоставление сведений в губернский совет о закрытии училищ, признанных вредными; обеспечение учебных заведений руководствами и пособиями; составление ежегодных отчетов; предоставление звания учителям. В полномочия губернских советов входило общее попечение об училищах, рассмотрение отчетов уездных советов [1, с. 616-617].

Становление системы, генезис основных тенденций развития начального образования в Орловской губернии приходится на вторую половину 1860-х – первую половину 1880-х гг. В ходе этого этапа были реализованы основные положения реформы в сфере начального образования 1864 г., а также были заложены основы образовательной политики в этой области, просуществовавшие вплоть до революции 1917 г.

Орловская губерния с 1803 по 1874 гг. относилась к Харьковскому учебному округу, а с 1874 г. – была отнесена к Московскому учебному округу¹. На примере Орловской губернии органами управления начальным образованием, относящиеся к Министерству народного просвещения, являлись Дирекция народных училищ и губернский училищный совет.

Дирекция народных училищ находилась в непосредственном подчинении попечителя учебного округа. В полномочия данного органа входило принятие решения о закрытии и открытии государственных и частных начальных училищ, прием учителей и учеников, осуществление контроля за их благонадежностью.

После принятия Положения о начальных народных училищах 1864 г. в Орловской губернии начали создаваться органы управления, предусмотренные новым законом. Появились губернский и уездные училищные советы. Работа первого из них фактически была сведена к контролю за уездными училищными советами Орловской губернии, посредством рассмотрения предоставляемых ему годовых отчетов, с дальнейшим обобщением полученных сведений и направлением попечителю учебного округа.

Основная тяжесть организации начального образования на местах возлагалась на уездные училищные советы. Именно они заботились о процветании начальных народных училищ у себя в уезде, их материальном, техническом, методическом обеспечении.

Отметим, что в 50-е гг. XIX в., т.е. накануне осуществления образовательной реформы, Орловская губерния

включала в себя 12 уездов – Болховский, Брянский, Дмитровский, Елецкий, Карачевский, Кромской, Ливенский, Малоархангельский, Мценский, Орловский, Севский, Трубчевский². В каждом уездном городе губернии было по одному уездному и приходскому училищу, за исключением Орловского, где действовало три приходских училища, и Ливенского, в котором образовательную деятельность осуществляли два приходских училища³.

После начала реализации реформы 1864 г. в сфере начального образования Орловской губернии наметилась положительная динамика. Отчет о состоянии народных училищ губернии за 1869 г. показывает увеличение числа учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Количественный рост затронул, прежде всего, приходские училища – мужских к 1869 г. было уже 14, женских – 9⁴, а в Малоархангельском уезде в 1867 г. появилось двухклассное народное училище. Вновь открывшиеся женские приходские училища появились в губернии в промежутке с 1862 по 1865 гг. в таких уездных городах как Севск, Трубчевск, Мценск, Елец, Дмитровск, Болхов, Брянск. Подчеркнем, что во всех уездах Орловской губернии, за исключением Карачевского и Кромского, в период реализации реформы начальной школы были открыты новые учебные заведения.

Из отчетов можно почерпнуть сведения и о числе учеников, их социальном составе. Во всех уездных училищах губернии в 1869 г. обучалось 667 человек, из них подавляющее большинство –

² ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1288. Л. 45.

³ Там же, Л. 47.

⁴ ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 2474. Л. 7 об.

411 учеников – городского сословия. В мужских приходских училищах училось 1509 мальчиков (из них – 1248 городского сословия), в женских – 665 девочек (из них – 572 городского сословия)¹. Показатели социального состава свидетельствуют, что, несмотря на направленность реформы в сфере начального образования – стремление сделать его общедоступным, оно продолжало носить сословный характер, что было обусловлено двумя факторами: сословным делением российского общества и отсутствием у государства необходимых средств для финансирования начальных училищ.

Однозначно оценить результативность мероприятий по реализации основных положений реформы весьма затруднительно: с одной стороны, мы видим количественный рост числа учебных заведений, с другой – начальное образование так и не стало общедоступным и массовым. Центральные и окружные органы управления народным образованием предоставили большую самостоятельность регионам в решении задач создания и открытия новых учебных заведений, правда, сделано это было с целью переложить финансирование последних на местные общества. Министерству народного

просвещения удалось стать своего рода центром по обеспечению единообразия образовательного процесса, но при этом собрать под свою юрисдикцию все типы начальных учебных заведений ему не удалось.

Таким образом, многие поставленные реформаторами задачи продолжали оставаться актуальными и в последующие десятилетия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Высочайше утвержденное Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 39. Отд. 1. № 41068. С. 613–618.
2. Проект Устава низших и средних училищ, состоящих в ведении Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CV. Март. 1860. С. 85–163.

Литература:

3. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб: 1902. 785 с.
4. Johnson H. E. William. Russia's Educational Heritage. Pittsburgh, Pennsylvania : Carnegie Institute of Technology, 1950. 351 p.

¹ ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 2474. Л. 30 об.

УДК 371.124(470.311):94(470)"19"

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-139-147

Янковский А.Ю.*Московский государственный областной университет*

ПОДГОТОВКА И ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация. Основываясь на архивных источниках, автор анализирует некоторые аспекты жизни и труда учителей начальной школы Московской губернии. Автор рассматривает образовательный уровень, учебные заведения, которые оканчивали учителя, программы подготовки учителей и ценности, которые им прививали. Также рассмотрены аспекты жизни и проблемы учителей, указанные ими в отзывах. Статья основана на статистических источниках.

Ключевые слова: учителя, начальная школа, земская школа, сельская школа, Московская губерния, учительские институты, духовные ценности, грамотность, положение учителей.

A. Yankovsky*Moscow State Regional University*

LIFE AND STATUS OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS IN MOSCOW REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. Using archival sources the author analyzes some aspects of teachers' life and work in Moscow province. The author considers the educational level and educational institutions the teachers graduated from, as well as the teacher training programs and values that were instilled. Besides, some aspects of teachers' life and the problems they faced are considered. The article is based on the statistic data.

Key words: teachers, primary school, Zemstvo school, rural school, Moscow province, teacher training institutes, spiritual values, literacy, teachers' status.

Во второй половине XIX в., в ходе реформирования России происходили существенные изменения в начальном образовании. Положение о начальных народных училищах 1864 г. в корне изменило систему управления образованием. Система народного просвещения строилась сверху вниз. Наибольшее внимание уделялось университетам, техническим институтам и гимназиям. Начальное образование в меньшей степени контролировалось

государством. Оно находилось отчасти в руках Церкви и земства.

С введением нового «Положения» общество получило большую свободу в сфере образования. Разрешалось открывать частные училища. Система местного управления в виде земства получила широкие права по управлению народной школой. Перед земствами вставали сразу несколько задач в отношении школ: нужно было определить свое отношение к школе, понять, в каком направлении её развивать (на

что ушли первые годы после образования Московского губернского земства), строить школьные здания, нанимать учителей, находить источники для финансирования школ, договариваться с крестьянскими обществами. Но самой важной и сложной задачей для Московского губернского земства была подготовка учителей, обеспечение учебных заведений соответствующими кадрами.

Учительский корпус не стал еще предметом специального исследования, но в то же время отдельные его черты и характеристики отмечаются в работах общего характера, посвященных истории русской школы. В числе таких работ наиболее фундаментальными являются исследования П.Н. Милюкова [3], С.В. Рождественского [8], В.И. Чарнолуцкого [11], Н.В. Чехова [12], коллективная монография «Народное образование» [4], монографии А.В. Ососкова [5], Г.Б. Волковой [2].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать статистические сведения о численности, возрастном составе, профессиональной подготовке учителей начальной школы Московской губернии в преформенный период.

В систему начального образования в 1860-1890-е гг. входили следующие типы учебных заведений: земские школы, приходские школы, образцовые министерские училища. Постепенно, по мере улучшения обстановки, число начальных школ возрастало. Земские школы действовали на основании положения о земских учреждениях, хотя по закону учебные мероприятия не были обязательными в расходной части земств. Вся учебная и администра-

тивная часть была подчинена министерству, а расходы ложились на плечи земств и сельских обществ, что постоянно вызывало их недовольство.

Московское губернное земство уже в первые годы своей деятельности взяло на себя подготовку учителей. 11 января 1868 г. Московское губернное земское собрание избрало комиссию для устройства учительской школы. В 1871 г. Московское губернное земство открыло Поливановскую учительскую семинарию. Прилагали свои усилия по развитию образования и уездные земства губернии.

В Московском уезде для поддержки народного образования была создана особая комиссия. "Комиссия пользы и нужд", занимавшаяся вопросом об устройстве школьного дела в уезде, представила собранию 1871 г. доклад, в котором неудовлетворительное состояние школ объясняла следующими причинами: 1) тем, что преподавание во всех школах вверено не особым учителям, а приходским священникам, имеющим прямые и более главные обязанности по приходу и церкви; 2) тем, что школы имеют случайные помещения в домах священников, церковных сторожках и т.д. 3) недостатком училищных принадлежностей и учебных пособий; 4) разновременным поступлением детей в школу и произвольным выходом их из последней» [7, с. 40-41].

В 1887 г. в Московской губернии на 14 сельских училищ Министерства народного просвещения приходилось 14 законоучителей, 32 учителя, 5 учительниц. Всего 51 преподаватель¹.

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 203. Д. 884. Л. 22 об.

Из училищ, подведомственных училищным советам, то есть земских, было 12 мужских училищ, 12 женских и 527 «обоого пола». Проанализируем преподавательский состав 527 училищ. В них был 521 законоучитель, 358 учителей и 324 учительницы, всего 1203 преподавателя. Имеются сведения об образовании учителей. Окончивших курс в учительских институтах и семинариях и получивших специальную подготовку и образование было 132 учителя и 103 учительницы; окончивших курс в средних учебных заведениях 40 учителей и 74 учительницы; «не кончивших курса в средних учебных заведениях, но имеющих право на учительское звание» 176 учителей и 141 учительница. Есть также графа о преподавателях, «не имеющих право на преподавание». Таковых было 10 учителей и 6 учительниц. Таким образом, большинство преподавателей на 1887 г. было из числа не окончивших профессиональные учебные заведения¹.

В 1882/1883 учебном году в Московской губернии, без включения законоучителей, было 484 преподавателя начальных земских училищ: 266 учителей (55,0 %) и 218 (45,0 %) учительниц. К 1895/96 учебному году общее число преподавателей возросло до 781 человека. Из них было 317 учителей (40,6 %) и 464 учительницы (59,4 %) [6, с. 152].

Характерно, что относительная численность учительниц возросла более чем в 2 раза, а число учителей мужского пола увеличилось всего в 1,2 раза. Это явление можно объяснить тем, что «при определении на места предпочтение отдается учительницам, может быть потому, что в

общем они считаются более способными оказывать известные добрые воздействия на детей школьного возраста» [6, с. 152].

Большинство учителей и учительниц Московской губернии на 1884 г. были моложе 30 лет и составляли 89 % [10, с. 65]. Средний возраст учителя составлял 25,8 лет, учительницы – 23,2 года [10, с. 65].

Из 530 законоучителей в 1895/1896 учебном году подавляющее большинство (492 человека) состояло из священников, 34 было дьяконами, 4 – светскими лицами. Если учитывать, что светские законоучителя, так же как и 8 учителей, совмещающих должности законоучителя и учителя, принадлежали к духовному сословию и окончили духовные семинарии, то можно сделать вывод, что, как и в 1883 г., – «в земских школах Московской губернии преподавание Закона Божия находится всецело в руках духовенства» [6, с. 151].

В 1882 г. большинство сельских преподавателей Московской губернии составляли лица духовного звания. Учителей – 66 %, учительниц – 43 % [10, с. 62]. С 1882 по 1896 годы в преподавательском корпусе уменьшалось число лиц духовного сословия (с 66,9 % до 39,7 %) и увеличивалось число мещан (с 7,5 % до 14,8 %) и крестьян (с 9,8 % до 26,5 %) [6, с. 153].

В статистических отчетах по училищам эти процессы объяснялись двумя причинами: 1) ростом числа учителей со специальной педагогической подготовкой, которую проходят в основном крестьяне; 2) ростом с 1884/1885 г. числа церковно-приходских школ, в которые могли поступить лица духовного звания, особенно не окончившие

¹ РГИА Ф. 733. Оп. 203. Д. 884. Л. 23 об.

курса семинарий (так как количество учителей с полным семинарским образованием в земских школах за эти годы не уменьшилось) [6, с.153].

Большинство преподавателей в сельских школах были холостыми. По данным на 1882/1883 г. из 239 учителей холостых было 144 (60,3 %), вдовцов 3 (1,3 %), женатых 92 (38,4 %). Из 190 учительниц было незамужних 167 (87,9 %), вдов 5 (2,6 %), замужних – 18 (9,5 %). [10, с. 72].

Большинство преподавателей родилось в пределах Московской губернии (73,2 %), пришедшие из других губерний составляли 26,8 % [10, с. 63]. В основном люди из соседних губерний работали на окраинах Московской губернии.

Преобладающая часть учителей мужского пола учились в духовных семинариях – 93 человека, из них 53 не окончили курса. Характерно, что «на скромные места сельских преподавателей идут главным образом лишь те, которые лишены прав, предоставляемых оканчивающим курс» [10, с. 59].

Несмотря на то, что большая часть учителей была выходцами из духовных семинарий, в Московской губернии существовали специальные учебные заведения для будущих преподавателей – учительские семинарии. Рассмотрим учебные дисциплины и порядок жизни преподавателей в таких семинариях. В учительских семинариях Московского учебного округа преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский и церковно-славянский языки, педагогика, арифметика, геометрия, история, география, естествоведение, чистописание, черчение, рисование, пение, гимнастика, ручной труд, садоводство и огородничество. Сверх того,

воспитанники вели практические занятия в начальном училище [9, с. 197].

Первое место среди предметов учительских семинарий занимал Закон Божий, что следует из основной установки: «образование народа должно идти не иначе, как в духе религиозно-нравственном, ибо только религия, вводя человека в область высших духовных интересов, обладает силою сдерживать народные страсти и направлять народную жизнь по пути правды, добра и вообще нравственного преуспеяния» [9, с. 255].

Весь порядок обучения в учительских семинариях основан был на религиозном воспитании: «опыт нашего отечества и чужеземного народного образования, – замечает цитируемая «объяснительная записка», – с неотразимою убедительностью говорит, что учитель верующий, богобоязненный, христиански-убежденный, создает благополучие общества, давая ему в вере воспитанных и богобоязненных членов; напротив, учитель неверующий разлагает благо общественной жизни, внося в нее путем воспитания детей и личного примера жизни разрушительные начала своекорыстия, гордыни, материализма и т. п. Поэтому учительские семинарии, как рассадники воспитания будущих народных учителей, должны отличаться строго религиозным характером; желательно даже, чтобы вся их жизнь была проникнута и одушевлена христианскими, религиозно-нравственными началами: только при этом условии из них могут выйти люди верующие, способные внести действительное благо в жизнь народную» [6, с. 156].

Священная история (Ветхий и Новый завет), история Христианской

церкви и учение о богослужении преподаются в объеме гимназической программы по учебникам Д. Соколова, П. Смирнова и Пространному катехизису Филарета, в качестве пособий используются руководства Николаевского, Владиславлева и Лаврова. Русский и церковно-славянский языки воспитанники учительской семинарии проходили при помощи руководств Ельницкого и Солонины.

Программа педагогики ставила своей целью «сообщить ученикам главные основания и правила учебно-воспитательного дела в применении к начальным школам и ознакомить их с правами и обязанностями учителей этих школ» [9, с. 287]. Педагогику изучают по учебнику И. Николаевского, а в качестве учебных пособий предлагаются «Элементарная логика» Струве, «Подробный план занятий в начальной народной школе» Баранова, «Училищеведение» Солонины и «Руководство для учителей» Белокопытова. «Имея своим предметом образование и развитие духовной природы детей, а через то получая весьма важное воспитательное значение, – читаем мы далее в той же объяснительной записке, – преподавание педагогики должно быть проникнуто духом христианского вероучения и опираться на твердых его началах. Для этого в нужных случаях должно обращаться к авторитету Слова Божия, воспитательному примеру церкви, заветам родной старины и поучительным образцам христианского воспитания. С этой точки зрения должна быть оцениваема полезность как научных сочинений, служащих пособием преподавателю (семинарии), так и книг по этому предмету для домашнего чтения воспитанников» [9, с. 288].

Курс по арифметике по объему равнялся гимназическому. Геометрия изучается в меньшем объеме по сравнению с гимназией, программа «отличается от гимназического курса тем, что не содержит теорем и задач, требующих более или менее сложных алгебраических выкладок» [9, с. 308] и не содержит теории пределов. По физике рекомендуются учебники А. Малинина, предназначенные для городских училищ и женских учебных заведений и «Сборник первоначальных опытов» Ковальского.

Всеобщая география изучается в объеме курса прогимназий, городских или уездных училищ. География России изучается подробнее, в объеме курса средних учебных заведений. В объяснительной записке указано, что «кроме достижения общеобразовательных целей, преподаватель географии в учительской семинарии должен руководиться следующей общою идеей: воспитанники из всего курса географии должны вынести полное убеждение, что всякий русский, какого он ни был бы звания и состояния, может найти в своем отечестве совершенное удовлетворение всех своих потребностей. Русскому человеку нет надобности, например, искать богатств в чужих краях, нужно только приложить руки к тем кладам, которые хранятся в недрах России. Такое убеждение вызовет у молодых людей сознательную любовь к своей родине. Изъ этой общей идеи вытекает и содержание географического курса для учительских семинарий» [9, с. 317].

Программа всеобщей и русской истории опирается на учебники Белярминова «Элементарный курс всеобщей и русской истории» и Рож-

дественского. «Главное внимание преподавателя истории в учительских семинариях, говорится в «объяснительной записке» к программе этого предмета, – должно быть обращено на обстоятельное и возможно полное ознакомление учащихся с отечественной историей, при чем наиболее выясняются факты и события, которые могли бы способствовать развитию и укреплению в воспитанниках любви к отечеству и преданности престолу» [6, с. 158].

Естественная история преподается не так обстоятельно, как общественные и педагогические науки. Её изучение по программе «должно оставаться в пределах элементарных научных сведений; при постановке курса естественной истории в учительских семинариях, как это указывается в «объяснительной записке», должно преследовать три ближайшие цели: 1) общеобразовательную, 2) специальную, соответственно будущей деятельности начального учителя, и 3) прикладную или практическую, соответственно будущим условиям жизни сельского учителя» [9, с. 330].

Распорядок дня воспитанника семинарии регламентируется правилами. Всего правил 352, из которых 70 относятся к лицам, заведующим семинариями и обучающим в них, 139 – к воспитанникам, а остальные регламентируют внутренний распорядок в семинариях.

Первое «основное правило» для воспитанников гласит, что – «воспитанники учительской семинарии, как *православные христиане*, должны во всех своих поступках проявлять религиозно-нравственное направление, и при том не только внешностью поведе-

ния, но и внутренним сознанием, что иным быть нельзя»; понятно поэтому, что – «воспитанники семинарии, готовясь к временной земной деятельности, в то же время должны заботиться о своем высшем духовном благе, – о вечном спасении. В этой заботе они должны строго исполнять все установления православной церкви, как лучшие воспитательные средства в деле спасения, а именно: а) отправлять положенные в течение дня молитвы утренние и вечерние, перед классными занятиями и после этих занятий, перед обедом и ужином, после обеда и ужина; б) присутствовать накануне воскресных и праздничных дней на всенощной, а в воскресные и праздничные дни на литургии; в) бывать ежегодно на исповеди и приобщаться Св. Таин и г) соблюдать все посты. Утренние молитвы совершаются в учебные дни в 7 часов, а в неучебные дни в 7 ч. 30 м. утра; молитва перед учением совершается в 7 ч. 45 м. утра, а после учения в 1 час 25 мин. дня; молитва перед вечерними занятиями совершается в 6 часов, а молитвы вечерние в 10 часов вечера» [6, с. 160-161].

Особое значение в земской школе придавалось чтению преподавателей, их возможности совершенствовать своё педагогическое мастерство и культурный уровень. В 1883/1884 г. из 484 светских преподавателей выписывали периодические издания только 60 человек, что составляет 12,4 % [10, с. 77]. В отзывах учителей отмечается недостаток книг. Особенно он ощущается преподавателями тех уездов, где нет ни учительской, ни земской библиотеки, которой они могли бы пользоваться. Один из учителей написал в своем отзыве: «Положение уча-

щих в настоящее время худо тем, что не возобновляются и не пополняются их знания, так как для этого должна иметься богатая библиотека; в будущем же положение самое безвыходное по причине необеспеченности, а потому – желание каждого из нас – глядеть с меньшим страхом в будущее, т.е. когда оставят силы» [6, с. 179]. «Учительницы, – читаем в другом сообщении, – хотя крайне интересуются чтением книг, газет и журналов, но поставлены в полную невозможность добывать их при условиях своего материального положения» [6, с. 163]. «Вследствие материальной необеспеченности, – указывается в следующем отзыве, – нельзя пополнить полученного образования, причем далее отмечается, что лицо, дающее этот отзыв, более всего нуждается в книгах по отделу – «литературы и научно-педагогическому»» [6, с. 164]. «Книг очень мало в учительской библиотеке (при училище), а педагогических совсем нет <...> Более всего нуждаюсь в педагогических книгах, а также и других» [6, с. 164].

В большинстве отзывов учителей в первую очередь указывается нужда в книгах педагогических, затем научных и художественных. Также отмечается недостаток журналов и газет. Из 475 школ, по которым имеются статистические данные, журналы и газеты выписывались в 90 школах, из них в 81 школе они выписывались за счет преподавателей, а в 9 – за счет попечителей училищ [6, с. 164].

Из числа журналов и газет, выписываемых учителями, чаще всего указываются: «Нива», «Русские ведомости», «Русский листок», «Родина» и «Русская мысль» [6, с. 164]. Журналы и газеты получали преподаватели лишь

в 90 школах [6, с. 165]. Другие учителя читали газеты, получаемые лицами местного причта, волостными прибавлениями, лавочниками и трактирщиками [6, с. 165].

Анализируя читаемую учителями литературу, можно сделать вывод, что «состав газет далеко не удовлетворителен», и «только живущий или долгое время проживший в глуши наших деревень может представить себе, какое деморализующее или озлобляющее влияние может оказать эта «трактирная литература» даже не на молодого учителя» [6, с. 165]. Поэтому учителя отмечали в своих отзывах необходимость получать специализированную педагогическую литературу.

Среднее жалованье учителя составляло на 1883 г. 300 рублей в год [10, с. 53]. Трехсотрублевый оклад для учителей был введен в результате усилий Московского губернского земства, предпринятых им в 1878 г., в некоторых уездах он установлен только с 1880–1881 гг. До этого времени оплата труда учителя составляла от 100 до 200 рублей в год [10, с. 53].

К 1887 г. заработная плата учителей начальных сельских школ Московской губернии тоже сильно разнилась. 2 учителя и 1 учительница обучали бесплатно. 2 законоучителя получали менее 50 рублей. Учителей, получающих менее 50 рублей, не было. От 50 до 100 рублей получали 286 законоучителей и 3 учителя. От 100 до 150 рублей – 198 законоучителей, 8 учителей и 3 учительницы. От 150 до 200 рублей платили 27 законоучителям, 21 учителю и 34 учительницам. От 200 до 300 рублей зарабатывали 6 законоучителей, 207 учителей и 185 учительниц. От 300 до 400 рублей и выше платили 2 законоучите-

лям, 128 учителям, 110 учительницам¹. Из имеющихся данных можно сделать вывод, что в каждом уезде Московской губернии или конкретном училище заработная плата была различной. Треть преподавателей (207 учителей и 185 учительниц из 1203 преподавателей) получали жалованье от 200 до 300 рублей в год. Уровень зарплат законоучителей был в среднем ниже, чем уровень зарплат учителей.

Каково было жилищное обеспечение преподавателей? На наем помещения учителя получали 3, 4, или 5 рублей в месяц [10, с. 55]. Часто преподаватели жили в комнате за перегородкой. В отзывах учителей встречаются жалобы на холод, тесноту и отсутствие хозяйственных приспособлений.

По статистике на 1883 г. в Московской губернии было 239 учителей (мужчин) и 190 учительниц. Средний срок службы преподавателя составлял «на педагогическом поприще вообще» 6,1 лет для учителей и 5,0 лет для учительниц; в Московской губернии для учителей 5,7 лет, учительниц – 4,5 лет. Если говорить о продолжительности службы учителей в одном уезде или школе, то данные следующие: для учителей – 5,1, учительниц – 3,8 года в уезде, в данной школе для учителей – 3,2 года, для учительниц – 3,0 года [10, с. 69]. По данным на 1882/1883 год из 239 учителей никогда не меняли школу с начала службы 95 человек (39,5 %), из 190 учительниц – 96 (50,5 %) [10, с. 71].

Из 239 учителей во время отпуска жили при школе 98, из 190 учительниц проводят летний отпуск 62 учительницы. Из 274 помощников учителя живут при школе 2, из 28 помощниц 5 остаются [10, с. 73].

¹ РГИА Ф. 733. Оп. 203. Д. 884. Л. 24.

Ученый и педагог, почетный член Академии наук и Академии художеств России К.П. Яновский, занимаясь улучшением постановки обучения, предложил следующие меры:

«Деятельность учителя вообще, а следовательно, и учителя среднего учебного заведения, станет тогда плодотворна, когда он, получив надлежащую к ней подготовку, будет поставлен в условия, благоприятные не только для сохранения, но и для правильного развития своей энергии. К таким условиям принадлежат: 1) посильная его работа с учениками в учебном заведении; 2) посильная его работа домашняя, заключающаяся главным образом в пересмотре письменных работ учащихся и в приготовлении себя к предстоящему преподаванию предмета в заведении; 3) материальное обеспечение учителя и его семьи во время его службы и по прекращении её; 4) положение его в обществе; 5) самосовершенствование посредством самообразования и 6) его правильный образ жизни, основанный на началах гигиены и нравственности» [2, с. 465-466].

Таким образом, подготовка учителей для начальной школы была одной из основных задач земств Московской губернии. Несмотря на недостаток средств и (первоначально) индифферентное отношение крестьянского населения к школе, занятость детей в промышленности и домашнем хозяйстве, учителя Московской губернии служили и просвещали народ. Усилиями государства и земств удалось за рассматриваемый период поднять качество преподавания, уровень жизни и численность учителей сельских школ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. М.: Педагогика, 1990. 608 с.
2. Волкова Г.Б. Земская школа в России: уроки истории: Монография. Московский региональный институт высшего социально-экономического развития / Под общей редакцией В.И. Качнева. М.: МПА-Пресс, 2007. 120 с.
3. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 ч. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб.: Издание журнала «Мир Божий», 1897. 375 с.
4. Народная энциклопедия научных и прикладных знаний: в 14 (21) томах. Т. 10. Народное образование в России / Сост. И.П. Белоконский, Э.О. Вахтерова, В.П. Вахтеров. М.: Издание Товарищества И.Д. Сытина, 1910. 351 с.
5. Ососков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861-1917). М.: Просвещение, 1982. 208 с.
6. Петров В.В. Вопросы народного образования в Московской губернии. М.: Товарищество Скоропечатня А.А. Левенсон, 1897. В 5 вып. Вып. 1. 192 с., прил. 36 с.
7. Петров В.В. Обзор двадцатипятилетней деятельности (1865-1890) Московского земства. Попечение о народном образовании. (Земская школа). М.: Типография Д.И. Иноземцева, 1892. 132 с.
8. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Государственная типография, 1902. 840 с.
9. Сборник постановлений и распоряжений по учительскому институту, учительским семинариям и низшим учебным заведениям Московского учебного округа: Ч.1. Постановления и распоряжения по Учительскому институту, учительским семинариям и школам. М.: Товарищество типография А.И. Мамонтова, 1895. 460 с.
10. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Том IX. Народное образование. М.: Московское губернское земство, 1884. 1073 с. (разд. паг.)
11. Чарнолуский В.И. Земство и народное образование. В 2 ч. Ч.1. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 186 с.
12. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX века. М.: Польза, 1912. 224 с.

УДК 94(470-25)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-148-155

Семин Г.А.*Московский государственный областной университет*

ВРАЧИ КАК ЧАСТЬ ЧИНОВНОГО СООБЩЕСТВА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. С давних времен в любом обществе врачи занимают заслуженно высокое положение. Пользуясь высоким авторитетом, они также часто получают некоторые привилегии и от государства. В Российской империи положение врачей было достаточно необычным. Многие врачи пользовались привилегиями, которые давала государственная служба. В этой статье врачи рассматриваются как часть чиновного сообщества России в начале XX в, выявляются специфические признаки этой социальной группы и проводится анализ сословного происхождения медиков Московской губернии.

Ключевые слова: чиновники, врачи, сословный состав, государственный аппарат, медицинские чиновники.

G. Semin*Moscow State Regional University*

OFFICIALS OF MOSCOW DISTRICT POLICE IN THE BEGINNING XX CENTURY.: THE SOCIAL ASPECT

Abstract. Since ancient times, in any society, doctors deservedly occupy a high position. Using high prestige, they also often get some privileges from the state. The position of the Russian Empire doctors were quite unusual. Many doctors enjoy privileges that gave the public service. In this article, the doctors are considered as part of the bureaucratic community in Russia in the early XX century, considered the specific features of this social group and the analysis of the origin of the medical birth Moscow province.

Key words: officials, doctors, social structure, the state apparatus, medical officials.

В наши дни мы уже не относимся к врачам как к чиновникам. Во-первых, юридическое положение медицинских работников сегодня отличается от такого их положения в Российской империи. Во-вторых, род их деятельности совсем иной, чем у «классического» бюрократа. Многие историки поэтому, обходя вниманием вопрос о врачах как чиновниках. Традиционно под чиновниками понимают лиц, занима-

ющихся административным управлением, об этом пишет Зайончковский, но также историк выводит отдельную категорию «в широком понимании слова», куда попадают даже служащие частных банков и железных дорог [2, с. 3]. В Российской империи чиновником считалось лицо, имеющее чин и состоящее на государственной службе, либо лицо, занимавшее «классную» должность. Согласно принципу терминологического подхода: «Учет исто-

рического, т.е. меняющегося, содержания терминов, слов источников – одно из необходимых условий научного историзма в понимании и оценке общественных явлений», «...необходимо учитывать развитие его (т.е. термина. – Прим. авт. – Г.С.) содержания в зависимости от условий, времени, места и т.д.» [21, с. 243, 249]. Таким образом, исходя из этой установки, врачей также можно считать частью чиновничества, хоть и специфической.

Как и многие другие чиновники, врачи относились к МВД, в составе которого существовал медицинский совет, ведавший цензурой медицинских сочинений, рассмотрением и испытанием медицинских открытий на практике, изданием инструкций для медицинских и аптекарских чиновников и др. Совет являлся высшим в империи врачебно-учебным учреждением [19, с. 176]. Другим органом в составе МВД был медицинский департамент (в 1904 г. департамент был упразднен, а его функции распределены между управлением главного врачебного инспектора, главным управлением по делам местного хозяйства и др. [17, с. 277]), по гражданской части основными задачами этого департамента была инспекция медицинских и ветеринарных гражданских ведомств [4, с. 158-159]. Врачи пользовались правами гражданской службы, как и другие чиновники, получали чины, могли получить награды, а также имели право на пенсию. Следует обратить внимание, что даже современники в своих работах обращали внимание на некоторую двойственность их положения. Так, например, Г.А. Коваленко, критикуя врачей, пишет о том, что, став чиновниками, они начали ста-

вить карьерные устремления и корпоративные интересы выше своих обязанностей [3, с. 47].

Врачи имели очень высокий социальный статус в Российской империи, хотя уважительное отношение к «людям в белых халатах» характерно для всех эпох. Но до революции огромную роль в положении человека в обществе играли такие формальные, неэкономические элементы, как чины и награды. За стремление к ним врачи подвергались критике: «Врачи имеют привилегию, состоя на земской службе, числиться якобы на государственной и получать чины. Когда-то врачи этим пренебрегали, но затем нравы изменились, и врач-чиновник стал обычным явлением» [3, с. 47]. Автор публицистического очерка считает, что это серьезно снизило качество их работы, они стали подобны «канцеляристам, или другими людьми, неудовлетворенными своим делом, и только ради получения куска хлеба влекущими свою служебную лямку, как неизбежное зло». Кроме того, обращаясь к той же работе Коваленко Г.А., можно заметить, что у врачей появилась какая-то особая спесь: «Вероятно, врачи надели форменные фуражки – для более удобного «общения с народом», для лучшего выполнения «культурной миссии <...> как-никак, а все же мужики шапки снимают и низко кланяются, видя кокарду...» [3, с. 47]. Разумеется, все эти оценки и выводы отражают только одну грань. Сегодня, зная о злоупотреблениях и недостатках нашей медицинской системы, мы все же испытываем к врачам уважительные чувства, доверяя им здоровье и жизнь. Так, например, известный Московский деятель общественного управления

Астров в своих воспоминания описывал случаи, когда его отец не подвергался ограблению, лишь потому что нападавшие признавали в нем врача [1, с. 119].

В Российской империи врачи образовывали достаточно замкнутую и привилегированную касту внутри слоя государственных служащих. От основной массы чиновников их главным образом отделяло обязательное наличие высшего образования. Законодательство Российской империи при поступлении на службу отдавало предпочтение сыновьям потомственных дворян, в этом отразились пережитки XIX в., когда среди чиновников это сословие занимало господствующее положение. «Но между тем правительство желает и главным начальникам надлежит поощрять, чтобы молодые дворяне, по окончании наук, употребляли себя к изучению <...> законов своего отечества <...> и для сего определялись бы в гражданскую службу» [18, с. 4]. При этом в такой сложной и требующей дополнительной подготовки профессии сложно было удовлетворить потребность в кадрах лишь благородным сословием. На это обратили внимание еще дореволюционные юристы, так, Н.И. Лазаревский писал, что «для многих должностей <...> научная подготовка и специальное образование очевидно были гораздо существеннее благородства происхождения» [5, с. 72]. Замкнутость этой группы отражается даже в факультетском обещании врача: «Принимая с глубокою признательностью даруемые мне наукою права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не

помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю»¹.

Правами поступления на гражданскую службу по образованию пользовались сыновья докторов медицины, лекарей, магистров фармации, магистров ветеринарных наук, провизоров и ветеринаров. По происхождению сыновья лекарских учеников и фельдшеров имели право на поступление в государственную службу в канцелярские служители 3-го (самого низшего) разряда. Медицина являлась «социальным лифтом» для лиц, которым доступ на службу по их происхождению был закрыт. Например, евреи, получив ученые степени доктора медицины и хирургии или доктора медицины, могли поступить на службу в любое ведомство, кроме того, с них снималось ограничение, связанное с чертой оседлости. Евреям-врачам, не имеющим высшей медицинской степени, разрешалось поступать в медицинскую службу везде, кроме столиц (Москвы и Санкт-Петербурга). Также по медицинской и фармацевтической частям могли быть определены иностранцы, несмотря на то, что последние фигурировали в числе лиц, не допускавшихся на службу [18, с. 8-9].

Врачам предоставлялись широкие возможности для усовершенствования своих знаний, для этих целей их могли откомандировать к клинике или больнице, а также за границу. Губернатор и градоначальник своей властью могли назначить сверхштатных врачей в города на казенное содержание с правами государственной службы [19, с. 182]. Кроме того, медицинские чиновники V и VI классов назначались

¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 3.

непосредственно министерством внутренних дел. При увольнении, назначении на должность, перевод сверхштатных врачей на государственную службу составлялись специальные протоколы за подписью губернского врачебного инспектора и подавались губернатору на утверждение [19, с. 183].

Звание уездного врача давалось после окончания высшего учебного заведения. Для этого будущие врачи подвергались испытаниям в университете. Уездный врач – это учено-служебное наименование, также врачи имели и учено-практические степени, к которым относились начальная степень – лекарь, а также доктор медицины и доктор медицины и хирургии. Большая часть врачей имели степень лекаря и звания уездного врача. Медицинский персонал играл немаловажную роль и в органах полиции. При каждом полицейском участке Москвы имелся приемный покой, который обслуживали врачи и фельдшеры. Они подчинялись не только Московскому врачебному управлению, но и обер-полицмейстеру, а когда эта должность была упразднена (1906 г.), то – градоначальнику. Главой врачебно-полицейского управления был старший врач, под его началом находился весь штатный персонал управления: полицейские врачи, повивальные бабки и фельдшеры. Кроме штатных должностей существовали и сверхштатные с правами государственной службы, они отбирались обер-полицмейстером и назначались министром внутренних дел. Штатный персонал отбирался старшим врачом и назначался генерал-губернатором по представлению начальника полиции [14, с. 59-60].

Если врач поступал на службу в больницу, то его определением занимался попечительский совет этой больницы. Также врачи служили в учебных заведениях. Например, Владимир Никитович Кулигин, который служил врачом-хирургом в Егорьевской городской земской больнице в 1913 г., к 42 годам успел поучаствовать в военных действиях на Дальнем востоке во время Русско-японской войны, был земским врачом в Харьковской губернии, состоял преподавателем в Тобольской фельдшерской школе и одновременно тобольским санитарным врачом, с 1910 г. стал хирургом вышеупомянутой больницы, штатным врачом Егорьевского училища, с 1914 г. – врачом Егорьевской гимназии. В период с 1906 по 1908 гг. служил в госпитальной хирургической службе Московского университета, где проводил свою научную работу. Несмотря на совершенно нехарактерную для чиновников деятельность, своей службой этот человек получал чины наравне с другими государственными служащими. Всего Кулигин с 1911 по 1917 гг. провел 1532 операции и получал дополнительную плату за занятие хирургией сначала 300 р., а затем 600 р. в год¹. Конечно, загруженность работой хирурга начала XX в. нельзя сравнить с загруженностью современных врачей. Во-первых, судя по характеру операций, в условиях работы небольшой земской больницы практически отсутствовала специализация. Все операции были различны по сложности, поэтому нельзя считать их равноценными. Даже если бы современный хирург выполнял всего по две операции в день при 250 рабочих днях в году, он

¹ ЦИАМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 210.

бы сделал такое количество операций в два раза быстрее.

Врачи при учебных заведениях могли получать жалование как из казны, так и из средств земств, городских обществ, сословий или частных лиц [9, с. 728]. Врач занимался освидетельствованием учеников и следил за здоровьем учащихся. Например, в учительском институте поступающие осматривались врачом для выявления имеющихся телесных недостатков, которые могли препятствовать выполнению обязанностей учителя [9, с. 734]. В гимназиях врачи также следили за соблюдением гигиенических условий в помещениях, свои замечания представляли педагогическому совету для обсуждения [8, с. 92]. При этом жалование врача в учебном заведении министерства народного просвещения было ощутимо ниже по сравнению с зарплатами в больницах, где ординатор мог получать 1200 р. в год, в то время как жалование врача учительского института [10, с. 281] или прогимназии [11, с. 175] составляло всего лишь 300 р. в год, хотя обе должности были положены в VIII классе. При этом, основываясь на логике, можно предположить, что работа врача в больнице намного более интенсивная, чем при учебном заведении.

Распределение по классам должностей не очень равномерное, это вызвано тем, что найти штатные расписания с указанием классов должностей для каждого медицинского или учебного заведения, где работали врачи, было достаточно сложной задачей. Поэтому должности большинства врачей относили к VIII классу. Такое решение основано на исследовании большого количества штатных расписаний. На-

пример, VIII класс имели врачи по штатам учительского института [10, с. 281], прогимназии [11, с. 175], а также по отдельным законодательным актам об учреждении должности врача VIII класса в разных заведениях, таких как Лазаревский институт восточных языков. Врачи при уездных училищах тоже были отнесены к VIII классу [12, с. 154]. При коммерческих городских училищах должность врача относилась к VII классу [16, с. 1039].

Врачи в больницах носили наименование ординаторов – врач, заведующий палатой или отделением. Ординаторы делились на старших и младших [22, с. 122]. Ординаторы также относились к VIII классу [6, с. 1]. Также к этому же классу относились ординаторы Павловской больницы в Москве [17, с. 358]. При Московской Мариинской больнице старшие ординаторы относились к VII классу, а младшие – к VIII [7, с. 151]. Старшие ординаторы московских тюремных больниц относились к VII классу, младшие также – к VIII [7, с. 149]. Остальные медики, такие как врачи-ассистенты, штатные аптекари при больницах, относились к тому же классу.

При тюрьмах и больницах состояли врачи-консультанты по разным болезням, они принадлежали к разным классам должностей. Например, консультант при Московской Голицынской больнице по нервным болезням состоял в VI классе, по акушерству – в V классе [15, с. 576], врачи-консультанты при софийской детской больнице состояли в VI классе [15, с. 189], в делопроизводственных документах консультант по ушным и горловым болезням значится как VII класс¹. Кон-

¹ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 50. Д. 755. Л.20

сультанты при тюремных больницах Москвы причислялись к VI классу (как и старшие врачи [7, с. 149]).

Прозекторы (современное – патологоанатом – в буквальном смысле производящий вскрытие) при больницах полагались по штату для вскрытия трупов с целью «проверки прижизненного диагноза и для производства гистологических исследований» [23,

с. 366]. По штату лечебных заведений Министерства внутренних дел прозекторы приравнялись к старшим врачам, соответственно имели либо VI, либо VII класс в зависимости от класса больницы. Например, при больнице для чернорабочих они имели VII класс [13, с. 259].

Как можно видеть из таблицы, дворянство сохраняло небольшое пре-

Социальный состав врачей Московской губернии за 1900-1913 гг¹.

Чин	Должность	Из дворян	Из л. дворян	Из крестьян	Из мещан	Сын купца	Из об.-офицер. детей	Из поч. гражд.	Из цеховых	Сын военного	Казаки	Сын священност.	Сын врача ²	Сын чиновника	Другие ³	И/Д
	V															2
	VI				1	2						3		1		
	VII	2			4	1	1							2		
	VIII	32	2	2	27	13	10	2	2	1	2	24	3	18	4	4
		34	2	2	32	16	11	2	2	1	2	27	3	21	4	6
III																1
IV						3								1		1
V		5			2		3			1		2	1	2		
VI		9	1		7	4	6		1		1	12		5		
VII		3		2	6			1				4	1	1	1	
VIII		1			6	4	1	1			1	4	1		2	
IX		2			3	2	1					1		4		
X		1			1											
XII		1														
0		12	1		7	3			1			4		8	1	4

¹ ЦИАМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3; Ф. 1. Оп. 4. Д. 654; Ф. 1. Оп. 4. Д. 264; Ф. 179. Оп. 50. Д. 948; Ф. 179. Д. 50. Оп. 6165; Ф. 1. Оп. 3. Д. 210; Ф. 1. Оп. 4. Д. 8; Ф. 179. Оп. 50. Д. 683; Ф. 179. Оп. 50. Д. 755; Ф. 179. Оп. 50. Д. 777; Ф. 179. Оп. 50. Д. 905; Список врачей служащих в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения на 1906 г. СПб., 1906.

² Сын аптекарского помощника также включен в эту категорию.

³ Сын учителя(2), сын пробирщика, бывший швейцарский гражданин, принявший русское подданство.

имущество среди врачей Московской губернии, из 165 врачей 34 были дворянами (20 %), 32 – мещане (19 %). В целом нет четкого преобладания какого-либо одного сословия. Дворян больше, так как им было более доступно высшее образование, но карьера врача была сложна, а дворянство имело массу других способов получить награды и чины. К тому же традиционно карьера лекаря не считалась престижной для привилегированного сословия. Для мещан получение высшего медицинского образования был хорошим способом поступить на гражданскую службу. То же самое относится и к купечеству, их число заметно меньше, потому что купцы обычно имели большую финансовую независимость, а также склонность к предпринимательству. Также к мещанам и купцам часто относились семьи крещеных евреев, с которых медицинское звание снимало ряд ограничений. В списках за 1913 г. количество мещан уже больше, чем дворян, но так как количество самих источников небольшое, то сложно судить, являлось ли такое изменение тенденцией. В большинстве случаев по окончании университета врач получал чин титулярного советника (IX) по образованию. Чины X и XII классов нехарактерны для врачей. В эти категории попали Уманец Лев Игнатьевич врач комиссаровского технического училища, управляющий аптекой Московской 1-ой городской больницы Видмонт Петр Иванович и врач Московской 6 гимназии Карпов Владимир Саввич. Причиной может быть недостоверность сведений источника. Врачи, не имеющие чина, обычно только недавно поступили на службу и, соответственно, только недавно по-

лучили права государственного служащего. Большинство врачей имело чин коллежского советника (VI) – 43 (26 %), что соответствовало должностям податных инспекторов, земских начальников или губернского архитектора и инженера, между остальными чинами врачи распределены более равномерно.

Таким образом, врачи в Российской империи занимали достаточно высокое положение среди чиновников. Обязательное наличие высшего образования и снятие ряда ограничений сделали врачей разнообразной группой по сословному составу. Вытеснение дворянства другими сословиями тут начало происходит намного раньше, чем в других ведомствах (например, в казенной палате [20, с. 113-119]).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Астров Н.И. Воспоминания. Т. 1. Париж, 1941. 360 с.
2. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.
3. Коваленко Г.А. Врачи и общество. СПб., 1905. 80 с.
4. Кривенко В. Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб., 1889. 270 с.
5. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 2. 1910. 276 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 36. Ч. 2. СПб., 1861. 673 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 37. Ч. 1. СПб., 1862. 832 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 46. Ч. 2. СПб., 1871. 814 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 47. Ч. 1. СПб., 1872. 1047 с.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 47. Ч. 3. СПб., 1877. 643 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Ч. 3. СПб., 1874. 867 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 51. Ч. 1. СПб., 1876. 714 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 52. Ч. 2. СПб., 1877. 343 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 1. СПб., 1881. 379 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 16. Ч. 2. СПб., 1896. 621 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 19. Ч. 1. СПб., 1899. 1324 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 2. СПб., 1882. 493 с.
18. Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 1-3. СПб., 1912. 404 с.
19. Свод законов Российской империи. Кн. 5. Т. 13-16. СПб., 1913. 353 с.
20. Семин Г.А. Чиновники Московской казенной палаты в начале XX в.: социальный аспект // Вестник МГОУ. 2014. № 5. С. 113-119
21. Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2007. 272 с.
22. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 22. СПб., 1897. 480 с.
23. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 25. СПб., 1898. 478 с.

УДК: 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-156-162

Ловягин Н.В.*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (г. Коломна)*

ЗЕМСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ*

Аннотация. В статье рассматриваются публикации в британских газетах, посвященные позиции земств по вопросу политических преобразований накануне Первой российской революции. Пристальное внимание британских журналистов было привлечено к ноябрьскому совещанию земских деятелей 1904 г. и отношению к нему министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского. Резкой критике в британских изданиях подверглось неприятие императором требований земцев и стремление ограничить их права, что, по мнению корреспондентов, стало следствием влияния на него консервативных кругов.

Ключевые слова: земство, ноябрьский земский съезд, британская пресса, Первая российская революция, либеральные реформы.

N. Lovyagin*Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute, Kolomna*

ZEMSTVO AND THE GOVERNMENT ON THE EVE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION ACCORDING TO THE BRITISH PRESS

Abstract. The article deals with the publications in British newspapers devoted to the zemstvo's attitude to the political reforms on the eve of the first Russian revolution. British journalists' attention was drawn to the November Meeting of the Zemstvo leaders in 1904 and to the Minister of the Interior P.D. Svyatopolk-Mirski's attitude to it. The British press sharply criticized Emperor's rejection of Zemstvo's demands and the desire to limit their rights, which the British correspondents considered to be the result of the impact of the conservative circles.

Key words: zemstvo, November Meeting of Zemstvo, the British press, the first Russian revolution, liberal reforms.

В отечественной исторической науке изучение проблем взаимоотношений земства и власти было начато уже в дореволюционный период. Одними из первых работ, в которых были рас-

смотрены обстоятельства созыва и проведения ноябрьского совещания земских деятелей 1904 г., стали издания И.П. Белоконского и Б.Б. Веселовского. Авторами была дана критика позиции правительства по отношению к политическим устремлениям земств [29, с. 212-240; 30, с. 590-601].

В советской историографии особое место занимает работа К.Ф. Шацилло,

© Ловягин Н.В., 2015.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №15-31-01010 «Земство и проблемы политической модернизации России начала XX века в освещении британской прессы».

посвященная организации, программе и тактике либералов накануне Первой российской революции, а деятельность общеземских съездов в период Первой российской революции была подробно рассмотрена в монографиях Е.Д. Черменского и Н.Г. Королевой [33-35].

Реакция британской прессы на революционные события в России стала предметом специального исследования А.Н. Зашихина. Автор характеризует корреспондентский корпус и деятельность телеграфных агентств и утверждает, что, по мнению английских публицистов, Россия на тот момент не была готова к развитому конституционному управлению, напротив, слишком радикальные требования либералов и сближение с революционными силами стали поводом для критики, и в целом негативного отношения к ним британской общественности после июльского съезда 1905 г. [31, с. 126-129].

В данной статье предпринята попытка рассмотреть на материалах британской периодической печати взаимоотношения земских либералов и власти в «эпоху доверия», связанную с деятельностью министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского. Особое место в публикациях британских корреспондентов занимало частное совещание земских деятелей, состоявшееся в ноябре 1904 г., и реакция императора на принятые земцами резолюции.

Британские журналисты, описывая проблемы земских учреждений, отмечали, что термин «земство» труден для понимания англичанина [12, р. 2]. Поэтому, стараясь пояснить своему читателю его суть, обычно проводили аналогию с советами графств в Вели-

кобритании, указывая, что в России самоуправление всячески притеснялось и ограничивалось [26, р. 3]. Главной причиной этого зарубежные публицисты считали стремление властей пресечь объединительные тенденции земских органов. Корреспондент газеты «The Times» писал: «Согласно идеям русских либералов, земства есть нечто большее, чем просто местные собрания, поскольку создают возможный фундамент для представительного правления. Согласно мнению реакционеров, лучшее им определение – проклятье» [22, р. 6].

Земства подвергались гонениям, когда во главе министерства внутренних дел находились Д.С. Сипягин, а затем В.К. фон Плеве [30, с. 592]; а после назначения на эту должность князя П.Д. Святополк-Мирского в обществе появилась надежда на осуществление либеральных реформ и улучшение положения органов самоуправления. Первоначально министр даже разрешил проведение земской конференции, запланированной на ноябрь 1904 г. и предполагавшей обсуждение обстоятельств, мешавших эффективной работе земских органов, и определение роли земств в решении вопросов, связанных с русско-японской войной [16, р. 2]. Комментируя программу, журналист «*Portsmouth Evening News*» отметил: «Очевидно, что первый пункт носит весьма обширный характер» [18, р. 8].

Вскоре появились сообщения о том, что земский съезд отложен, сперва – на неопределенный срок [21, р. 3], затем – что он перенесен на следующий год [9, р. 7]. Князь П.Д. Святополк-Мирский, опасаясь потерять расположение общественных деятелей,

лей, разрешил земцам беседовать «за чашкой чая» на частных квартирах [35, р. 82]. Корреспондент газеты «Daily Telegraph» сообщил, что 125 делегатов встретились в 2 часа дня в субботу в доме И.А. Корсакова, и оставались там не менее четырех часов [8, р. 4]. Журналист «Aberdeen Journal» писал, что заседания проходили каждый день, но две встречи никогда не устраивались в одном и том же доме [4, р. 5]. В газете «Yorkshire Post and Leeds Intelligencer» отмечалось, что делегаты не выглядели даже настоящими русскими: они приехали из Перми, Нижнего Новгорода, Крыма и Сибири, и были похожи «на собрание садоводческой выставки английского провинциального города». Одновременно с началом совещаний появилась и новая газета, под названием «Свобода». Название это оказалось «...настолько провокационным, – иронизировал автор статьи, – что первый номер был конфискован» [24, р. 7].

Участники съезда выработали постановления, отражавшие насущные потребности земств, и решили представить их монарху через министра внутренних дел. В резолюции признавалась необходимость создания механизма для сближения народа и правительства, а также важность предоставления свободы собраний, слова, печати, отмены административных мер. Описывая обстановку в столице в связи с началом работы земской конференции, британский журналист сообщал, что весь Санкт-Петербург на время забыл о войне и обо всем, кроме съезда. По его словам, сторонники правящего режима упрекали министра внутренних дел в том, что, разрешив частные совещания, он не предотвратил принятия резолюций, содержание

которых «непременно должно было стать известным широкой общественности» [8, р. 4].

По словам журналиста газеты «Evening Telegraph», через все решения земской конференции красной нитью проходила мысль, что государственный организм почти мертв и может быть реанимирован лишь посредством введения представительного органа и ответственного перед ним правительства [3, р. 5].

Окончательным итогом частного совещания земских деятелей стала программа из 11 пунктов, основные положения которой предусматривали введение народного представительства, установление гражданских свобод и равноправия сословий, расширение полномочий местного самоуправления [32, с. 31]. Однако при обсуждении резолюции мнения земцев по вопросу о характере предполагаемого представительства разделились. В окончательном варианте была отражена и позиция меньшинства, выступавшего за законосовещательный орган, и позиция большинства, желавшего созыва законодательного парламента.

Важным пунктом земской программы, по мнению британских журналистов, стал вопрос о принципе верховенства закона и неприкосновенности личности. В связи с этим, корреспондент «Evening Telegraph» отмечал, что на заседаниях съезда была признана необходимость разработки особого законодательства о крестьянах, а также отмены сословного деления общества. Признавалось верховенство закона: ни один человек не должен был задерживаться полицией без предъявления предписания суда; ни один человек не

должен был быть наказан без суда и следствия [3, р. 5]. И.П. Белоконский в своем труде писал, что постановления совещания произвели громадное впечатление на всю страну, а «земская партия открыто перешла в наступление» [29, с. 236].

Съезд принял решение направить депутацию к министру внутренних дел, но он в частном порядке уведомил организаторов совещания, что не может принять депутацию, поскольку собрание не было санкционировано, а принять представителей, значит придать съезду официальный статус. Тогда председательствовавший на совещании Д.Н. Шипов решил лично нанести визит князю и спросить, является ли его решение окончательным. «Если ответ будет положительным, Шипов и его коллеги направят резолюции почтой, – отмечалось в газете «Edinburgh Evening News». – Хотя министр отклонил просьбу принять депутацию, он не отказался передать пожелания земств царю. Почти весь Санкт-Петербург ожидает прямого и судьбоносного ответа» [2, р. 3]. По данным газеты «The Times», князь П.Д. Святополк-Мирский сообщил Шипову, что царь, скорее всего, не одобрит конституционных требований и регулярных собраний представителей земства, но с остальными положениями мог бы согласиться [19, р. 5]. Как следствие, в «Edinburgh Evening News» была высказана надежда на «скорое поразительное и благотворное изменение России» [15, р. 4]. Журналист «Dundee Courier» писал: «Россия находится накануне великой конституционной революции, вероятность которой возрастает с каждым днем» [27, р. 4].

Некоторое время было трудно судить об эффекте и результатах земского съезда. В ближайшем окружении царя шло обсуждение программы, прорабатывались различные варианты развития событий. Британские корреспонденты отмечали, что царь долго совещался как с обер-прокурором Священного Синода К.П. Победоносцевым, так и с князем П.Д. Святополк-Мирским [25, р. 4]. Журналист «Western Times» обращал внимание на факт ослабления цензуры и смягчения внутреннего режима в России, что, по его мнению, было хорошим знаком [1, р. 9]. В газете «Manchester Courier and Lancashire General Advertiser» подчеркивалась опасность промедления в осуществлении реформ, поскольку для революции царь и бюрократия оказались бы не большими преградами, чем «замки из песка» [20, р. 6].

Но в итоге, император выразил недовольство рядом пунктов второстепенной важности и не стал давать оценку конституционному вопросу, что вызвало разочарование в либеральной среде. При этом в британских изданиях и прежде всего в газете «The Times» российских либералов критиковали за слишком радикальные требования, однако еще большая критика звучала в британской прессе в адрес правительственного лагеря и лично Николая II [32, с. 20].

По мнению корреспондентов газеты «Nottingham Evening Post», либеральная эра, начавшаяся на земском съезде 6 (19) ноября, завершилась 3 (16) декабря, когда редакторы российских газет были собраны цензором, и получили приказ повиноваться всем секретным распоряжениям под угрозой закрытия. Журналы также были

предупреждены, что публикация петиций об отмене самодержавия с этого момента являлась уголовным преступлением, а сообщения о ноябрьском съезде и вовсе были запрещены. Оценивая первую реакцию общественности, британский журналист писал: «Среди продвинутой части либералов налицо сильное уныние, а пропаганда революционных партий может занять их место в умах «собо́рно-настроенных» людей» [14, р. 4].

На страницах газеты «Northampton Mercury» отмечалось, что царь, вместо того чтобы обозначить начало великих перемен в системе управления, отверг реформу, уличив земство в «дерзости требовать преобразований». Главной причиной отказа от реализации земской программы британская пресса считала сильное влияние реакционных кругов, из-за чего становилось невозможным проведение более либеральной политики. Впрочем, в желании царя придерживаться ее публицисты сильно сомневались. На страницах газеты «Northampton Mercury» указывалось, что более дальновидный и сильный духом правитель смог бы преодолеть все преграды на своем пути и сформировать более либеральную систему управления, но Николай II не являлся правителем такого типа. По мнению журналистов, желания монарха могли быть искренними, но у него не было ни силы характера, ни управленческого таланта для перестройки российской системы управления. Отмечалось, что реформа неоднозначно воспринималась в различных слоях общества. Так, если средний класс был инициатором идеи реформирования системы управления, то крестьянство, длительное время остававшееся ин-

дифферентным по отношению к политическим проблемам, едва ли поддержало бы реформаторов, что царь и его сторонники полностью осознавали [13, р. 4].

В «Evening Telegraph» появилось сообщение о том, что в Царском селе состоялось важное совещание под председательством царя, на котором обсуждался вопрос о политических реформах. При этом Николай II, выслушав все мнения, не стал давать собственную оценку событий и закрыл совещание, вследствие чего журналист «Evening Telegraph» заключил: «Реакционная партия перешла в наступление. Князь П.Д. Святополк-Мирский разослал в газеты циркуляр с запретом критики существующих государственных институтов, включая форму правления» [6, р. 3]. Губернаторы действительно получили распоряжение запретить земствам обсуждать конституционные вопросы до очередной сессии, а ответственность за нарушение этого предписания должны были нести председатели земских собраний [11, р. 2]. Комментируя эту запретительную меру, корреспондент «Shields Daily Gazette» отмечал, что император окончательно принял решение отказаться от предложенных министром внутренних дел преобразований [10, р. 6].

По мнению британских журналистов, ответом царя на требования реформаторов стал указ 12 (25) декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», предписывавший принять меры для обеспечения законности, расширить полномочия органов самоуправления, ограничить применение чрезвычайных законов и упразднить излишние ограничения по отношению

к инородцам [28, с. 1197]. Журналист «Aberdeen Journal» назвал манифест «самым большим прорывом в сторону реформ за всю историю России» [7, р. 5]. Однако вместе с указом в российских газетах было напечатано правительственное сообщение о том, что деятельность земцев привела к проведению «шумных сборищ», на которых высказывались идеи, несовместимые с порядком, угрожающие режиму и, в целом чуждые русскому народу [29, с. 602].

По данным газеты «Gloucester Citizen», указ был тепло встречен в России, где люди были рады любой малости, но «все надежды рухнули после публикации сообщения, которое можно расценивать, как официальное толкование документа» [23, р. 3]. Эти события стали причиной пессимистичных оценок и послужили началом очередной волны критики в адрес правящих кругов: «Правительственное сообщение основано на традиционных принципах самодержавия и бюрократии, – отмечалось в газете «Dundee Courier». – Стремление ограничить земства и другие институты не очень хорошо сочетается с высказываниями о стремлении расширить сферу представительного управления» [17, р. 4]. Вскоре Московское, Черниговское, а за ними и другие земские собрания приняли решение отложить работу на неопределенный срок, поскольку их деятельность оказалась несовместима с распоряжениями властей [5, р. 10].

Подводя общий итог, отметим, что накануне Первой российской революции в британской прессе прослеживалась позитивное восприятие идей развития представительного управления и проведения либеральных преобразо-

ваний в России. Ноябрьское совещание земских деятелей 1904 г. вызвало немалый интерес корреспондентов, подробно освещавших обстоятельства его работы. При этом правительственные круги, в том числе и сам Николай II, подвергались критике за ограничения, последовавшие в отношении земств.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. A Constitution for Russia // Western Times. 1904. Dec. 2.
2. A fateful reply // Edinburgh Evening News. 1904. Nov. 25.
3. A new era in Russian history // Evening Telegraph. 1904. Nov. 23.
4. Demands of zemstvos representatives // Aberdeen Journal. 1904. Nov. 26.
5. Excitement caused by the czar's threat // Manchester Courier and Lancashire General Advertiser. 1904. Dec. 30.
6. Expected manifesto by the Tsar // Evening Telegraph. 1904. Dec. 17.
7. Manifesto by the Czar // Aberdeen Journal. 1904. Dec. 26.
8. Meeting of the zemstvos // Derby Daily Telegraph. 1904. Nov. 21.
9. Meeting of the zemstvos // Manchester Courier and Lancashire General Advertiser. 1904. Nov. 18.
10. No reform in Russia // Shields Daily Gazette. 1904. Dec. 21.
11. Renewal of reactionary policy // Derby Daily Telegraph. 1904. Dec. 20.
12. Russia's dilemma // Dundee Evening Post. 1904. Dec. 29.
13. Russia's regime // Northampton Mercury. 1904. Dec. 23.
14. Stern warning to the press // Nottingham Evening Post. 1904. Dec. 19.
15. The constitutional agitation in Russia // Edinburgh Evening News. 1904. Nov. 26.
16. The Czar and his people // Lancashire Evening Post. 1904. Nov. 21.
17. The Czar's decree // Dundee Courier. Dec. 28.

18. The meeting of the zemstvos. Glimmering of a parliament? // Portsmouth Evening News. 1904. Nov. 19.
19. The programme of the Russian zemstvos // The Times. 1904. Nov. 29.
20. The quickening spirit // Manchester Courier and Lancashire General Advertiser. 1904. Dec. 14.
21. The Russian zemstvos // Edinburgh Evening News. 1904. Nov. 11.
22. The Russian zemstvos // The Times. 1904. Nov. 23.
23. The shadow and the substance // Gloucester Citizen. 1904. Dec. 28.
24. The zemstvo constitution // Yorkshire Post and Leeds Intelligencer. 1904. Nov. 24.
25. Untitled // Aberdeen Journal. 1904. Nov. 28.
26. Untitled // Exeter and Plymouth Gazette. 1904. Nov. 24.
27. Will reactionary party triumph? // Dundee Courier. 1904. Nov. 30.
28. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. XXIV. Отд. I. СПб., 1907. № 25495.
- Литература:
29. Белоконский И.П. Земское движение. М.: Задруга, 1914. 397 с.
30. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4 т. Т. 3. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. 725 с.
31. Зашихин А.Н. «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии, вторая половина XIX – нач. XX в.: Очерки. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1994. 204 с.
32. Зашихин А.Н. За строкой «Таймс»: британские корреспонденты в России и революция 1905-1907 гг. Архангельск: Солти, 2004. 106 с.
33. Королева Н.Г. Земство на переломе (1905-1907 гг.). М., 1985. 236 с.
34. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Мысль», 1970. 448 с.
35. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: Организация. Программы. Тактика / Отв. ред. В. И. Бовыкин. М.: Наука, 1985. 347 с.

УДК 94(470+571)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-163-169

Чемакин А.А.*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)*

НЕЗАВИСИМАЯ ГРУППА (ФРАКЦИЯ НАРОДНОЙ ПАРТИИ) IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ (1913–1917 гг.)

Аннотация. Статья посвящена истории Независимой группы (фракции Народной партии), малоизученному депутатскому объединению 4-й Государственной думы Российской империи. Опираясь на материалы прессы и Российского государственного исторического архива, автор рассматривает состав фракции и динамику изменений ее численности в 1913–1917 гг. На первом этапе идея «народной фракции» обеспечивала рост группы. На втором этапе фракция переместилась на левый фланг Думы, следствием чего стало резкое падение ее численности.

Ключевые слова: Независимая группа, национал-демократы, Государственная дума четвертого созыва, Имперская народная партия.

A. Chemakin*Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg)*

THE INDEPENDENT GROUP (FACTION OF THE PEOPLE'S PARTY) OF THE 4TH STATE DUMA: COMPOSITION AND SIZE (1913–1917)

Abstract. The article is devoted to the history of the Independent Group (faction of the People's Party), an insufficiently known association of the 4th State Duma of the Russian Empire. Using the materials from the newspapers and the documents of the Russian State Historical Archive, the author considers the composition of the fraction and the dynamics of changes of its size in 1913–1917. At the first stage the idea of the «people's faction» ensured the growth of the group. The second stage meant that the Independent Group moved to the left wing of the Duma, which led to a sharp decline of its size.

Key words: the Independent Group, National Democrats, the 4th State Duma, Imperial People's Party.

Независимая группа (фракция Народной партии) – одно из самых малоизученных депутатских объединений Государственной думы Российской империи. Ее представители называли себя национал-демократами и стремились объединить русский национа-

лизм с демократическими и либеральными идеями [18]. В данной статье мы остановимся на вопросе о персональном составе и численности этой фракции.

4 декабря 1913 г. старший делопроизводитель Думы сообщил, что образована новая фракция под названием

«независимая группа» в составе 8 человек¹. Это были бывшие прогрессисты М.А. Караулов, И.К. Ерымовский, М.И. Канашев, Е.Д. Логвинов, К.К. Фирсов, бывший кадет А.П. Савватеев, бывший октябрист барон А.Ф. Мейендорф и недавно избранный внефракционный А.В. Иванов. Ядро ее составляли соратники терского депутата М.А. Караулова, ранее вышедшие вместе с ним из фракции прогрессистов. О том, что образуется Независимая группа, заведующий Министерским павильоном при Государственной Думе Л.К. Куманин сообщал еще в донесении от 31 октября 1913 г. Он назвал фамилии тех же 8 депутатов, что указаны и в информации, сообщенной позже старшим делопроизводителем. Кроме того, Куманин дополнительно информировал о том, что «председателем фракции намечается бар[он] Мейендорф» [5, с. 3]. Новая фракция «независимых» достаточно быстро понесла первую потерю, которая, возможно, была только на руку Караулову. Барон Мейендорф 6 декабря 1913 г., всего лишь несколько дней спустя после официального создания Независимой группы, вышел из нее и стал одним из учредителей фракции левых октябристов – Думской группы «Союза 17 октября» [10]. Независимая же группа осталась в полном распоряжении Караулова. Постепенно численность ее увеличивалась. Так, в начале марта 1914 г. к «независимым» присоединился крестьянин П.Ф. Мерций, ушедший от националистов из-за несогласия с запретом празднования юбилея Т.Г. Шевченко [17]. Кроме того, в скором времени в группу всту-

пили бывшие октябристы В.В. Кочубей, А.С. Юхтанов, П.Н. Ягодинский и бывшие прогрессисты М.С. Лащухин и А.П. Сидоров. Видимо, большинство из них присоединились ближе к весне 1914 г., так как в начале февраля, согласно данным приставской части Думы, в Независимой группе состояло 9 человек [14]².

Независимая группа, планировавшая в дальнейшем принять название «фракция Народной партии» (она должна была стать парламентским крылом национал-демократической Имперской народной партии), окончательно сорганизовалась в конце мая 1914 г. Председателем бюро фракции был избран М.А. Караулов, товарищами председателя – К.К. Фирсов 2-й и А.П. Савватеев [12]. До этого времени, по всей видимости, временным руководителем группы числился сам Караулов в статусе ее секретаря [2, с. 188].

Возникает вопрос как о численности новой фракции, так и о том, можно ли считать всех ее членов национал-демократами. Еще в феврале 1914 г. журнал «Дым Отечества» отмечал, что «думские прогрессивные крестьяне» Евсеев, Миляков, Колбинцев, Мерций «совместно с казаком М.А. Карауловым организуют свою новую группу, которая явится действительным голосом народной крестьянской России» [15, с. 12]. 13 марта там же говорилось, что «сейчас крестьяне группируются в разных фракциях, но тяга “зажить своей политически самостоятельной жизнью” у них обнаруживается все сильнее и сильнее. Прообразом будущей *народной* фракции является фракция независимых, в которую входят пока 15 человек» [8]. 26 апреля идеолог

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1124. Л. 22.

² РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 13. Л. 116 об.

национал-демократов П.В. Васильев писал, что национал-демократическое движение «получает уже организационно-политические формы, в Государственной Думе; депутаты крестьяне, казаки и проч[ие], группирующиеся во фракциях независимых, прогрессистов и октябристов, образуют собою народную фракцию, которая займет место между кадетами и октябристами. Во главе стоят: М.А. Караулов, А.П. Савватеев, К.К. Фирсов, И. Т. Евсеев, П.Ф. Мерщий. Общая численность ее свыше 20 человек, но все данные говорят за то, что число это быстро возрастет» [13]. Савватеев 8 мая выражал надежду, что «новая партия, являясь отголоском существующего в стране настроения, найдет себе много сторонников и сможет объединить в себе лиц, сочувствующих демократическим национально-прогрессивным стремлениям, числящихся в составе групп от националистов до трудовой включительно» [16, с. 4].

В конце мая «Дым Отечества» определял численность группы депутатов национально-демократического прогрессивного направления в 12 человек, и выражал надежду, что к осени «численность фракции возрастет; к ней примкнут, главным образом, крестьяне» [12]. 19 июня Караулов писал, что «организовавшаяся в Гос. Думе партия независимых, в составе 13 человек, объединила <...> “средние” элементы; из этой же группы и образуется Народная фракция, которая выступит со своей декларацией и обрисует с прогрессивно-национально-демократической точки зрения отношение к правительству, Гос. Думе и русской действительности. Я надеюсь, что осенью к Народной фракции примкнут многие из крестьян,

ранее пытавшихся, но, к сожалению, неудачно, наладить свою особую группу» [6]. 26 июня 1914 г. Караулов объяснял, что «в Думе мы сейчас объединены во “Фракцию независимых”, большинство членов которой являются национал-демократами. Но, безусловно, мы примем название “Народной фракции” и выступим с декларацией, в которой выскажем свое отношение к русской действительности, Думе и правительству и обрисуем задачи народной партии, необходимость каковой русской демократией ощущается давно и фундамент которой уже заложен» [7].

Таким образом, к лету 1914 г. фракция Народной партии находилась в процессе своего формирования и не приняла каких-то окончательных форм, а данные о динамике ее численности, взятые из сочувствующей ей прессы, достаточно противоречивы. Также из вышеприведенных цитат можно сделать вывод, что не все члены Независимой группы были национал-демократами, но, в то же время, были сторонники Народной партии, числящиеся пока что в других фракциях и планирующие примкнуть к ней в осеннюю сессию.

Более или менее определенно можно утверждать, что в Независимой группе к концу 2-й сессии (середина июня 1914 г.) состояло 14 человек (И.К. Ерымовский, А.В. Иванов 2-й, М.И. Канашев, М.А. Караулов, В.В. Кочубей, М.С. Лашухин, Е.Д. Логвинов, П.Ф. Мерщий, Н.А. Мирошниченко, А.П. Савватеев, А.П. Сидоров, К.К. Фирсов 2-й, А.С. Юхтанов, П.Н. Ягодынский)¹, то есть 3,18 % от

¹ Н.А.Мирошниченко присоединился к Независимой группе в начале лета 1914 г., но справочники сообщили об этом значительно позже.

440 имевшихся на тот момент в наличии депутатов. В ходе работы 1-й сессии Думы большинство из них – 7 человек – числились в рядах прогрессистов (почти все в статусе примыкающих, некоторые из них в промежутке между выходом из фракции прогрессистов и вступления в «независимые» были внефракционными), 3 – октябристов, 1 – кадетов (примыкающий), 1 – националистов, 2 были внефракционными. Средний возраст составлял 41,9 лет¹, самым старшим был 60-летний Ягодинский, самым младшим – 30-летний Кочубей. Все члены фракции – православные, все – русские (с учетом того, что Мерций определял себя как малоросса). 4 имели высшее образование, 3 – среднее, 6 – низшее, 1 – домашнее. По сословиям распределение было следующее: казаков – 6 (в том числе 4 из них были и дворянами), крестьян – 5, просто дворян – 2, личный почетный гражданин – 1. Регионы, от которых они были избраны: Область Войска Донского и Астраханская губерния – по 2, Терская область, Киевская, Казанская, Оренбургская, Пензенская, Полтавская, Рязанская, Самарская, Ставропольская, Таврическая губернии – все по 1 (то есть доминируют казачьи регионы, Малороссия с Новороссией, Поволжье). Если говорить о текущих занятиях, то практически все члены фракции были или земледельцами, или землевладельцами и в плане занятий и доходов принадлежали к средним слоям. Среди них были

бывший станичный атаман и бывший волостной старшина, волостной писарь, частный поверенный, агроном, рыбопромышленник. Несколько человек были гласными уездных и губернских земств и почетными мировыми судьями. Сильно на фоне прочих выделялись Кочубей и Ягодинский – оба они были уездными предводителями дворянства, а первый к тому же еще и камер-юнкером Двора.

Историк В.А. Демин пишет, что до 1915–16 гг. в составе Независимой группы «имелись консервативная и радикальная части» (правое и левое крылья) [4]. Соглашаясь с тем, что фракция была неоднородна по своему составу и по взглядам ее участников, полагаем, что не стоит говорить о каких-то серьезных группировках внутри фракции. Основу фракции составляли казаки и крестьяне, тяготеющие влево, они как раз и присоединились к национал-демократам и приняли участие в создании Имперской народной партии. Вторая же часть, действительно, состоявшая из дворян-помещиков, не составляла внутри Независимой группы какой-то оппозиции, а представляла собой людей, оказавшихся во фракции по воле случая во время масштабных перегруппировок в Думе 1913–14 гг. и до поры до времени преследующих какие-то свои личные, а не идеологические мотивы. Возможно, их по каким-то причинам не взяли в другие группы, а остались в одиночестве они не хотели. Возможно, Независимая группа привлекла их своей изначальной неопределенностью и аморфностью, отсутствием какой-то строгой дисциплины и идеологического диктата. К национал-демократическим увлечениям лидера фракции Караулова они

Согласно справочнику, вышедшему в апреле 1914 г. [2, с. 188], в Независимой группе состояло 13 человек (без учета Мирошниченко).

¹ Подсчитано автором по материалам личных дел членов Независимой группы: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 268, 301, 321, 332, 390, 426, 444, 507, 518, 692, 717, 835, 924, 927.

были, по всей видимости, абсолютно равнодушны. Можно предположить, что случайными людьми во фракции являлись, в первую очередь, именно Кочубей и Ягодинский. Они отличались от других и по своему сословному статусу, и по имущественному положению, и по уровню образования, и даже по внешнему виду. Ягодинский ранее принадлежал к правому крылу октябристов¹, фактически смыкаясь с националистами. В заметке о работе членов партии в комиссиях, опубликованной в конце июне 1914 г., Кочубей и Ягодинский вообще не упоминаются [19], хотя и в Независимой группе они формально состояли, и в комиссиях работали. Из этого можно сделать вывод, что журнал «Дым Отечества» не воспринимал их как сторонников национал-демократии и потенциальных членов Имперской народной партии. Справедливости ради отметим, что не упомянут был и М.С. Лашухин, но он на тот момент ни в одной из комиссий не принимал участия.

С другой стороны, были сторонники национал-демократии и в иных фракциях. Речь идет о депутатах, так или иначе упоминавшихся в связи с Народной партией – прогрессистах И.Т. Евсееве и Е.Г. Колбинцеве и левом октябристе Г.М. Милякове. Скорее всего, именно их имел в виду Васильев, когда говорил про депутатов, «группирующихся во фракциях независимых, прогрессистов и октябристов». Про двух последних ничего конкретного сказать нельзя, и их упоминание в связи с национал-демократами может быть и ошибкой, хотя по своим характеристикам они вполне подходят – оба крестьяне, оба ранее

состояли в Крестьянской группе. А вот И.Т. Евсеев, вполне вероятно, мог стать одним из лидеров новой партии. В «Дыме Отечества» были напечатаны его портрет и стенограмма одной из речей в Думе [9], сам он заявил, что «следует всем честным людям, любящим свою родину, преданным своему Государю и верным дарованным им свободам, объединиться в одну силу – народную партию» [11]. Вряд ли можно сейчас ответить на вопрос, почему они не перешли в Независимую группу. Возможно, они действительно планировали это сделать осенью, но изменившаяся политическая обстановка заставила их пересмотреть решение. Можно даже предположить, что они все-таки вступили в Независимую группу на непродолжительное время, а затем из-за какого-то конфликта ее покинули. Впрочем, этот вариант менее вероятен.

Таким образом, с одной стороны, название «фракция Народной партии» было неофициальным наименованием Независимой группы. С другой – если понимать фракцию Народной партии как объединение сторонников национал-демократии, то она не полностью совпадает с Независимой группой: Кочубей и Ягодинский состояли в ней, но не были сторонниками национал-демократии, Евсеев, Миляков и Колбинцев, вероятно, сочувствовали национал-демократам, но не состояли в Независимой группе. Можно предположить, что Независимая группа на тот момент рассматривалась как ядро будущей Народной фракции, которая станет таковой после присоединения депутатов-крестьян из других фракций.

В первой половине 1915 г. численность группы даже увеличилась до 15

¹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 13. Л. 53 об.

человек – к ней перешел из фракции центра депутат Н.С. Орлов. Но затем, под воздействием событий на фронте и по мере радикализации ядра группы во главе с М.А. Карауловым и переходом его на левый фланг Думы, численность фракции стала падать. Чем радикальнее были высказывания Караулова – тем быстрее от него уходили умеренные депутаты, и, наоборот, из-за ухода умеренных фракция переходила на революционные рельсы. За время с сентября 1915 г. по июнь 1916 г. фракцию покинули 6 человек: Кочубей, Сидоров и Юхтанов ушли к земцам-октябристам, Ягодинский – к прогрессивным националистам, Иванов 2-й – к левым октябристам, Канашев – к кадетам. В середине ноября 1916 г. «Речь» сообщила, что из фракции вышли также Фирсов 2-й (перешел к кадетам), Орлов и Ерымовский [1]. П.Ф. Мерщий был исключен из фракции в середине января 1917 г. за участие в финансовых махинациях и дискредитацию звания депутата [3]. Согласно внутридумской статистике, в конце января 1917 г. в Независимой группе оставалось 7 человек¹. При этом, по нашим подсчетам, их должно было быть и того меньше, а именно 5 – Караулов, Лащухин, Логвинов, Мирошниченко, Савватеев. Получается, или кто-то за это время присоединился к группе (что маловероятно), или информация «Речи» была не совсем верна, и Орлов и Ерымовский в итоге из фракции не вышли. Но это, в принципе, не так и важно. Показательно то, что численность группы сократилась в 2 раза. Все умеренные депутаты покинули фракцию уже к лету 1916 г., а основное (собственно, национал-демократическое) ядро фракции

по политической ориентации мало чем отличалось от трудовиков [4]. К концу года начали выходить и те, кто принадлежал к числу ключевых фигур группы, в частности товарищ председателя Фирсов 2-й. К началу 1917 г. фракция, за исключением своих лидеров Караулова и Савватеева, практически никакой деятельности не вела и фактически находилась на грани окончательного распада. Февральская революция поставила точку в ее существовании.

Таким образом, на первом этапе (конец 1913 г. – середина 1915 г.) идея создания «народной фракции», представляющей новое, национал-демократическое направление мысли, обеспечивала рост численности группы. На втором этапе (вторая половина 1915 г. – начало 1917 г.), под воздействием событий на фронте, фракция переместилась на левый фланг Думы, следствием чего стало резкое падение ее численности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Выход из группы независимых // Речь. 1916. 16 (29) ноября. № 316 (3699). С. 4.
2. Государственная Дума. IV созыв. II сессия: Справочник. 1914 г. Выпуск седьмой. СПб.: Государственная типография, 1914. 470 с.
3. Дело П.Ф. Мерщика // Речь. 1917. 17 (30) января. № 15 (3757). С. 4.
4. Демин В.А. Независимых группа и фракция Народной партии // Государственная Дума Российской Империи. 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 403.
5. Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 3–32.
6. Караулов М.А. Думские итоги // Дым Отечества. 1914. 19 июня. № 25 (83). С. 3.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1080. Л. 10–11.

7. Караулов М.А. По новому пути // Туркестанский курьер. 1914. 26 июня. № 140. С. 2.
8. Крестьяне в Гос. Думе // Дым Отечества. 1914. 13 марта. № 11 (69). С. 13.
9. Крестьянин о законопроекте об ответственности должностных лиц. Речь депутата от Петербургской губернии И.Т. Евсеева, сказанная им в Гос. Думе 21 марта // Дым Отечества. 1914. 27 марта. № 13 (71). С. 13–14.
10. Литовцев С. Парламентский дневник // Речь. 1913. 8 (21) декабря. № 336 (2648). С. 2.
11. Мнение члена Гос. Думы И.Т. Евсеева // Дым Отечества. 1914. 17 апреля. № 15–16 (73–74). С. 5.
12. Народная думская фракция // Дым Отечества. 1914. 29 мая. № 22 (80). С. 12.
13. Новгородский А. [Васильев П.В.] Новая Россия // Туркестанский курьер. 1914. 26 апреля. № 92. С. 2.
14. Около Думы // Терек. 1914. 9 февраля. № 4826. С. 3
15. Раскол в крестьянской группе Гос. Думы // Дым Отечества. 1914. 6 февраля. № 6 (64). С. 11–12.
16. Савватеев А.П. «Народная партия», новая политическая организация прогрессивного национально-демократического направления // Дым Отечества. 1914. 8 мая. № 19 (77). С. 3–4.
17. Уход депутата Мерщего от националистов // Дым Отечества. 1914. 13 марта. № 11. С. 13.
18. Чемакин А.А. Имперская народная партия: история создания, лидеры, организационная структура // Научное мнение. 2014. № 10. Ч. 3. С. 86–93.
19. Члены Народной партии в думских комиссиях // Дым Отечества. 1914. 26 июня. № 26 (84). С. 10.

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-170-175

Земцов Б.Н.*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана*

ПРИЧИНЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ СТЕРЕОТИПОВ ВЛАСТИ

Аннотация. Анализируя причины Первой мировой войны, историки традиционно концентрируют свое внимание на общеевропейских геополитических изменениях конца XIX – начала XX вв. Они породили глубокие противоречия между Германией и Англией, с одной стороны, и между Германией и Францией – с другой. Автор данной статьи полагает, что на присоединение России к антигерманскому франко-английскому блоку существенное влияние оказали политические стереотипы царя и правительственных кругов.

Ключевые слова: политические стереотипы, самодержавие, великодержавие, национальная ментальность, причины Первой мировой войны.

B. Zemtsov*The Bauman Moscow State Technical University*

REASONS OF WORLD WAR I: EXTENT OF POLITICAL STEREOTYPES INFLUENCE

Abstract. Analyzing the reasons of World War I historians traditionally concentrate their attention on the all-European geopolitical changes of the end of XIX – the beginnings of the XX centuries. They generated deep contradictions between Germany and France, on the one hand, and between England and France, on the other. The author of this article believes that political stereotypes of the tsar and government circles had essential impact on the accession of Russia to the French-English anti-German block.

Key words: political stereotypes, autocracy, great-power, national mentality, reasons of World War I.

Политические стереотипы представляют собой «стандартизированный, схематизированный, упрощенный и уплощенный, обычно эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса)» определенной социальной группы [8, с. 81]. Стереотипы – естественный необходимый компонент человеческой психики [10]. Однако эти аксиомы относятся к простым людям.

Стереотипы в политике – феномен чрезвычайно опасный, поскольку мешает пониманию нового. Многократно эта опасность возрастает в недемократических государствах, так как власть не допускает до обсуждения общегосударственных, национальных проблем политиков с иными взглядами.

Политическая система России начала XX в. была как раз недемократичной. Даже после принятия в 1906 г. Основных государственных законов

Российской империи влияние на определение внешнеполитического курса не только общества, но и правительства оставалось минимальным. Этот курс определяли царь, министерство иностранных дел и Генеральный штаб.

Николай II **упрощенно воспринимал** внешнеполитические проблемы России и мира. Возможно, это происходило потому, что интерес к внешней политике и понимание ее значимости для судьбы страны не были заложены в юности: отец не привлекал его к решению международных вопросов. Это серьезно беспокоило некоторых министров уже в первые годы царствования Николая II. Так, военный министр генерал П.С. Ванновский оценивал молодого государя как человека «воинственного и самонадеянного». (И это притом, что сам П.С. Ванновский был «обскурантом – своего рода «военным Победоносцевым», а по характеру – вторым Паскевичем».) [9]. Его преемник генерал А.Н. Куропаткин в апреле 1901 г. с тревогой рассказывал С.Ю. Витте о своей встрече с царем, который собирался «взять для России Маньчжурию, идти к присоединению Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы» [1, с. 411].

На протяжении своего царствования Николай II **ставил перед** министерством иностранных дел задачи, расходящиеся с уже сложившимися общеевропейскими тенденциями. Например, хотя молодой государь знал об отношении своего венценосного отца к идее проведения конференции по разоружению (Александр III назвал ее «утопией») [12, с. 198], он настоял на проведении такой конференции

в Гааге в 1899 г. В результате один из организаторов конференции, член Совета Министерства иностранных дел России Ф.Ф. Мартенс так отозвался о поведении на ней французской делегации: «Они наши друзья и союзники, но не только не помогают нам, но, напротив, на каждом шагу пакостят, выступая против предложений России в военной и морской комиссиях» [12, с. 203]. Что уж говорить о позиции на конференции и отношении к ее решениям Англии и Германии.

Ключевыми чертами мировосприятия Николая II были великодержавие и иррациональная вера в самодержавие как наилучшую для России форму правления. Это проявлялось не только в настороженном и недоверчивом отношении к Государственной думе, но в отношении и к высшим государственным органам. Николай II заблокировал возможности подключения и Государственного Совета к обсуждению внешнеполитического курса правительства в целом [5, с. 9–10].

Этика правительственных кругов не позволяла членам правительства отстаивать свою точку зрения. Начальник канцелярии Министерства Императорского Двора, А.А. Мосолов писал, что Николай II не любил спорить. Как правило, он внимательно выслушивал министра «благодарил за сотрудничество, тем не менее, несколько часов спустя министр получал собственноручное письмо Его Величества, уведомляющее его об увольнении от должности» [11, с. 11–12]. В результате дебаты по вопросам внешнеполитических приоритетов не вели с царем даже министры иностранных дел.

В соответствии с бюрократической этикой министры, если они не собира-

лись уходить в отставку, фактически не могли иметь собственную точку зрения. Эту позицию исчерпывающе полно изложил министр иностранных дел В.Н. Ламсдорф: «Одно из двух – или наш государь самодержавный, или не самодержавный. Я его считаю самодержавным, а потому полагаю, что моя обязанность заключается в том, чтобы сказать государю, что я о каждом предмете думаю, а затем, когда государь решит, я должен, безусловно, подчиниться и стараться, чтобы решение государя было выполнено» [4, с. 211].

При таких условиях в правительство могли попасть лишь те, кто разделял взгляды государя на место России в мире и ее политическую систему. Это приводило к тому, что даже министры иногда теряли чувство реальности. Так, на совещании 21 января 1908 г. под председательством П.А. Столыпина обсуждался вопрос: воевать или не воевать с Турцией. А.П. Извольский высказался за войну, обосновав свое предложение аргументом, будто отказом от войны Россия «рискует разом потерять плоды вековых усилий, утратить роль великой державы и занять положение государства второстепенного значения, голос которого не слышен» [6, с. 13]. О том, что Россия еще не начала военную реформу и что предложение может обернуться очередной военной катастрофой, всегда осторожный и опытный А.П. Извольский даже не заикнулся.

Великодержавие и монархизм, естественно, были присущи генералам и офицерам Генерального штаба. Как отмечает В.Л. Кожевин, «согласно традиционным психологическим установкам, император в принципе не мог быть таким человеком, кото-

рый вызывал хотя бы малейший намек на критическое отношение» [8, с. 50]. Великодержавное отношение к международным проблемам порождало возможность войны и внутреннюю готовность к ней.

Ключевой проблемой внешней политики России был правильный выбор союзников. Мы знаем, чем закончился этот выбор, но тогда, в начале XX в., все было не так однозначно. Между Германией и Россией действительно назрел большой комплекс экономических и внешнеполитических противоречий. Однако это были естественные противоречия мирного времени. С другой стороны, между Англией и Россией их оказалось гораздо больше. Причем Англия занимала недружественную позицию по отношению к России уже многие десятки лет. Тем не менее, союзником в будущей войне Россия выбрала Англию, а не Германию.

Что касается Германии, то в течение десятилетий она стремилась привлечь Россию в будущей войне с Францией на свою сторону. К 1908 г. эта задача стала восприниматься как явно невыполнимая, поэтому Германия сменила курс: теперь следовало спровоцировать еще не подготовленную Россию к войне. И был нанесен дипломатический удар в самое уязвимое для России место – Балканы.

Россия опекала этот регион в течение столетий. Сербия, Черногория, Румыния, Болгария, возникшие в результате победы русского оружия, в качестве наиболее предпочтительных ориентиров выбрали не Россию, а Западную Европу. И к началу XX в. панславянские настроения в правительстве были уже изжиты. Балканы интересовали царское правительство

уже не сами по себе, а как ключ к решению проблемы проливов.

В 1908–1909 гг. разразился Боснийский кризис¹. В ходе этого кризиса Россия получила пощечину. Россия свое обещание выполнила, а Австро-Венгрия – нет. Германия же не просто безоговорочно поддержала Австро-Венгрию, а фактически предъявила России ультиматум: признать аннексию Боснии и Герцеговины, отказаться от созыва международной конференции по Боснийскому вопросу и заставить Сербию принять изменившуюся ситуацию на Балканах.

Аннексия Боснии и Герцеговины не несла для России экономических издержек, никак не влияла на внутриполитические процессы. Но статус России как великой державы был поколеблен. В результате, если до кризиса Россия проводила политику балансирования между Берлином и Лондоном, то после кризиса отношение к Берлину резко ухудшились. А.П. Извольский подал в отставку. Новым министром иностранных стал сторонник укрепления Тройственного Соглашения, антигермански настроенный С.Д. Сазонов.

Новый министр оказался такой же великодержавник, как и прежний. Даже в 1927 г., когда было ясно, чем обернулась для России ее внешнеполитические принципы и приоритеты,

С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях рассматривал Балканский регион как российскую сферу влияния. Не изменились его взгляды на Первую мировую войну. По его мнению, изменение отношения к Балканам означало бы «уничтожением там нашего исторически сложившегося влияния, что было бы равносильно обречению России на жалкое существование, зависимое от произвола центральных империй» [13, с. 240].

Для решения своих геополитических задач Германии была нужна война с Россией. В правительстве Вильгельма II знали, как ее спровоцировать, и использовали убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в качестве предлога в полной мере.

Разумеется, в каждый данный момент в международных отношениях существовали определенные ситуации, игнорировать которые невозможно. Такая ситуация, блокирующая возможность выбора решений, сложилась и для царского правительства.

Как отмечал А.П. Извольский, Франция и Англия накануне войны забыли прежние ссоры, и между ними началась «...эра взаимного доверия и дружбы <...> Если бы, наоборот, Россия пренебрегла новейшими фактами развития международного положения и поддерживала бы враждебные отношения с Англией и Японией, она оказалась бы рано или поздно в ложном положении между своим союзником Францией и этими двумя державами <...> Если бы Россия повернулась спиной к Франции и Англии и пошла бы по пути завоевания гегемонии в Азии, она оказалась бы вынужденной отказаться не только от её исторической роли в Европе, но также и от своей

¹ В связи с намерением Австро-Венгрии осуществить аннексию Боснии и Герцеговины министр иностранных дел России А.П. Извольский полагал возможным договориться с Венским кабинетом о компенсациях для России: взамен признания оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрия должна была поддержать требование России открыть Черноморские проливы для прохода русских военных судов и предоставление территориальных компенсаций Сербии.

экономической и моральной независимости vis-a-vis с Германией» [7].

Царское правительство не питало иллюзий относительно конечных целей союзников. Но Франция и Англия стремились к военному союзу с Россией, и это открывало перед Россией возможность восстановить свои позиции на Балканах и укрепить положение великой державы.

Между тем, в обществе существовали иные взгляды на внешнеполитические приоритеты. В Государственном Совете наиболее авторитетным противником внешнеполитического курса страны был П.Н. Дурново. В феврале 1914 г. он представил Николаю II записку, где подчеркивал, что между Россией и Германией нет принципиальных территориальных разногласий. Германия являлась основным торговым партнером России: она экспортирует в Россию товаров почти столько, сколько все остальные государства Европы вместе взяты. П.Н. Дурново признавал, что некоторые торговые договоры с Германией России невыгодны, при заключении их Германия воспользовалась удачно сложившейся для нее обстановкой, но «заключение других договоров вовсе не требует предварительного разгрома Германии» [3, с. 192]. Относительно болезненного восприятия балканской проблемы П.Н. Дурново писал, что основной причиной сближения России с Англией являлось решение в пользу России ее вековых притязаний на контроль черноморских проливов. Но выхода в открытое море проливы не дают.

Более взвешенный подход, чем царское правительство, демонстрировали и кадеты. Выступая на заседании III Государственной думы при обсужде-

нии балканских проблем, П.Н. Милюков говорил, что балканские проблемы могут быть решены только с учетом взаимных интересов России и Австро-Венгрии, а не исключительно одной России [2, стб. 2685-2686].

У правительства и общества были разные взгляды на геополитические интересы страны. Внутренние потребности общества состояли в увеличении в стране всех видов свобод. Понимание этого витало в воздухе. В результате за март – апрель 1917 г. Временное правительство пошло по пути внутренних реформ, и лишь в апреле было обращено внимание на внешнюю политику.

Рассуждения о неизбежности вступления России в 1914 г. в войну оказываются еще более уязвимыми при сопоставлении с внешней политикой большевиков. В октябре 1917 г. в «Декрете о мире» они продемонстрировали принципиально иной подход к внешней политике.

Анализ внешнеполитических приоритетов царских сановников позволяет сделать следующие выводы:

1. Политика должна была быть сферой рационального сознания, но в начале XX в. самодержавные мировоззренческие стереотипы сделали ее иррациональной, упрощенной, не отвечающей сложившимся в Европе внешнеполитическим реалиям.

2. Политические стереотипы представителей власти являлись частью национальной ментальности. Великодержавниками были и консерваторы, и либералы, монархизм оставался духовной ценностью даже образованного общества. Однако с традициями, мешающими решению социально-экономических проблемы, а тем более по-

рождающими военные жертвы, правительству требовалось расстаться. Этого не произошло из-за низкого качественного состава царской бюрократии (который, в свою очередь, был вызван негибкой системой чиновничьего производства, сословным цензом продвижения по службе, этикой отношений в правительственных кругах и т.д.).

3. Политические стереотипы носителей власти предопределялись местом, которое они занимали в политической системе. Возглавляя эту систему, Николай II и его окружение защищали интересы не общества, с его многообразными и сложными проблемами, а прежде всего интересы этой системы, политического режима.

4. К 1914 г. в основе внешней политики России лежали политические приоритеты, которые стремившаяся к войне Германия умело поставила под угрозу. В правительстве Вильгельма II знали как уязвить и спровоцировать Россию и использовали убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в качестве предлога в полной мере. Это и переплетение международных противоречий действительно делало вступление самодержавной России в Первую мировую войну логичным и неизбежным. Но только России самодержавной. Свои политические стереотипы царский политический режим расценивал как национальные интересы. Эта трагическая ошибка означала, что самодержавная политическая система себя изжила.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Геллер М.Я. История Российской империи. В 2-х томах. Т. 2. М., Изд-во «МИК». 2002. 320 с.
2. Государственная дума. Созыв III. Стенографический отчет. Сессия II. Ч. 1. СПб., 1909.
3. Записка П.Н. Дурново со вступительной статьей Мих. Павловича // Красная новь. 1922. № 6. С. 178–199.
4. Иванов И.С. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 18.02 2002. В 3 томах. Т. 3. ОЛМА Медиа Групп, 2002. 419 с.
5. Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3–24.
6. Извольский А.П. Воспоминания. М., Международные отношения, 1989. 192 с.
7. Извольский А.П. (министр иностранных дел России 1906–1910 гг.) [Электронный ресурс] // http://archive.mid.ru/bdcomp/dip_vest. (дата обращения 25. 7. 2015).
8. Кожевин В.Л. Монархизм как компонент картины мира русского офицерства в конце XIX – начале XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 3 (42). С. 49–53.
9. Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 3. Белград, 1938. [Электронный ресурс] // <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/12.html> (дата обращения 5. 8. 2015).
10. Макаренков Е.В., Карелина И.М., Герменевтика политических и военно-политических решений // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2013. № 4 (19). С. 54–60.
11. Мосолов А.А. При дворе последнего Российского императора: записки начальника канцелярии Министерства Императорского Двора. М.: Мир книги. 2008. 269 с.
12. Мультатули П.В. Внешняя политика Николая II (1894–1917). М.: Изд-во «ФИФ», 2012. 840 с.
13. Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. 398 с.

94(470) 1954-1955

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-176-182

Горлов В.Н.*Московский государственный областной университет*

СОВЕТСКИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБЩЕЖИТИЯ – АКЦЕНТ НА КОЛЛЕКТИВНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы жилищной неустроенности студентов, пути решения жилищной проблемы советских студентов, проблемы бытовой инфраструктуры студенческих общежитий. В статье уделяется внимание качественным характеристикам студенческого жилья. Автор анализирует коллективистские формы воспитания студентов, оказывающих большое воздействие на образ жизни советских студентов. Автор рассматривает эволюцию студобщежитий до качественных помещений не только одиноких, но и семейных студентов.

Ключевые слова: общежития, коллективистское воспитание, студгородки.

V. Gorlov*Moscow State Regional University*

SOVIET STUDENT RESIDENCES – THE EMPHASIS ON COLLECTIVITY

Abstract. The article deals with the problem of students' unsettled state, and the ways of solving the housing problems of Soviet students. The issue of student hostels infrastructure is also touched upon. Much attention is paid to the qualitative characteristics of student housing. The author analyzes the collectivist forms of educating students that had major impact on the life-style of Soviet students. The author examines the evolution of student hostels to high quality premises not only for the unmarried, but also for married students.

Key words: hostels, dormitories, collectivist education, campuses.

В августе 1918 г. утверждают новые правила приёма в высшие учебные заведения (вузы) страны. Советская власть решила создать для подготовки будущих студентов рабочие факультеты (рабфаки). Отменялась плата за обучение в вузах, устанавливались государственные стипендии и – что было очень важным – организовывались студенческие общежития. Эти новые правила не могли не вызвать роста числа студентов вузов.

Для развития сети студенческих общежитий в первую очередь советская власть использовала национализированные жилые дома буржуазии, гостиницы и ряд других зданий, которые хотя бы в какой-то мере могли быть приспособлены под студенческие общежития. Следовательно, первоначально решение жилищного вопроса для студентов производилось в разрезе решения жилищной проблемы в целом. В годы первой пятилетки строительство студенческих общежитий приняло массовый характер. Оно от-

личалось исключительным разнообразием в применении различных типов общежитий (по назначению, этажности, содержанию, степени капитальности, емкости).

Одни общежития предусматривали размещение культурно-бытовой и жилой групп помещений в самостоятельных зданиях. Эти здания объединялись в целостные квартальные застройки (студенческие городки), либо входили в общестроительный комплекс вуза (вузовские и университетские городки).

Практика показала, что размещение зданий жилого, спортивного и клубного характера оказалось недостаточно целесообразным. Как правило, из-за размещения общественно-бытовой группы нарушалась регламентация бытового режима общежития и затруднялась изолированность жилой группы. Помимо этого, исключалась возможность очередности строительства, предусматривающая, как правило, ввод в эксплуатацию, в первую очередь, жилой части. В силу именно этих причин такой приём решения не получил большого распространения в практике строительства студенческих общежитий.

Студенческие городки представляли собой группу студенческих общежитий в виде целостных квартальных застроек, территориально не связанных с учебным заведением. Такое размещение было характерно для крупных городов страны, в которых часто возникала необходимость единовременного строительства ряда общежитий для разных вузов, входящих в сеть учебных заведений. В вузовских и университетских городках группы студенческих общежитий размещались на

одном участке с учебным заведением. Такое размещение было характерным для новых вузов столицы.

Практика показала, что студенческие городки, представляющие собой концентрацию общежитий в целостные квартальные застройки, имели немало положительных сторон: улучшение административно-хозяйственного обслуживания; компактность планировки жилых корпусов; возможность очередности строительства; организация культурно-бытового обслуживания.

Проблема состояла в том, что для концентрации студенческих общежитий в территориальнообъединенные студенческие городки в каждом отдельном случае необходимо было выделить в Москве значительные участки. Выделение крупных участков для студгородков в условиях сложившейся городской застройки не всегда было возможным в районах сосредоточения высших учебных заведений. В силу этой причины практика строительства студгородков обычно характеризовалась нежелательной значительной территориальной отдаленностью их от места расположения высших учебных заведений (Алексеевский студгородок, студгородок «Сокол», бывший Всехвятский и др.).

Городские власти пытались этот недостаток устранить комплексным размещением учебных заведений и студенческих общежитий на одном участке (университетские и вузовские городки). Вузовские и университетские городки, обладая в отличие от студенческих городков значительным преимуществом (студенческое жилище у них максимально было приближено к месту учебы), сохраняли все

преимущества студгородков. Благодаря этому устранялись неудобства, связанные с излишним расходом времени студентов на транспортные передвижения. Такие случаи были характерны для тех новых высших учебных заведений, строительство которых заранее предусматривало городские земельные участки, необходимые для такого размещения.

Количество студентов в советский период непрерывно росло, что вызвало дальнейшее увеличение в различных размерах жилого фонда высших учебных заведений в зависимости от их величины. Наиболее маневренными с точки зрения возможности пополнения жилого фонда вузов общежитиями различной вместимости и поиска для них свободных участков в районе расположения вуза оказались одиночные общежития. Этот приём решения получил достаточно широкое распространение. Несмотря на отсутствие в составе помещений одиночных общежитий развитой культурно-бытовой группы (клуб, спортзал и т.д.), это не могло снизить значение такого приёма решения и степени распространения этого вида общежития, так как одной из наиболее целесообразных форм организации культурных мероприятий обычно оказывалась укрупненная форма их организации в масштабе всего вуза или даже ряда вузов, выделение для этой цели помещений общественного характера (студенческие спортивные базы, стадионы, клубы, дома культуры и т.д.)

В ряде правительственных постановлений 1930-х гг. подчеркивалась необходимость удешевления жилищного строительства. Начиная с 30-х гг., наряду с капитальным строитель-

ством общежитий, увеличивалось облегченное малоэтажное строительство. Встречались также и деревянные типы общежитий заводского изготовления. Первым опытом строительства сборного деревянного строительства в массовом масштабе был Алексеевский студгородок, который был построен по правительственному заданию в Москве в 1930 г. в Останкино. Алексеевский студгородок состоял из однотипных двухэтажных деревянных общежитий заводского изготовления. Малоэтажное облегченное строительство сыграло в то время большую положительную роль. Эти общежития строились в качестве временной меры, направленной на срочное обеспечение жилищем новых наборов студентов. Позднее строительство студенческих общежитий облегченного типа не получило развития.

Необходимо вспомнить об относящихся к этому времени попытках создания общежитий студентов, вошедших в архитектурную практику под названием «домов-коммун». Эти коммуны представляли собой попытку «одним прыжком» перескочить к социалистическому переустройству быта. Естественно, они не получили распространения.

Первые типовые проекты студенческих общежитий стали создаваться в 1930-е гг. Например, в типовых проектах общежития Наркомпроса было поэтажное распределение мужского и женского населения общежития. До войны студобщежития имели комнаты вместимостью на пять человек, однако они не обеспечивали нормальных условий для обучения и полноценного отдыха студентов. Наиболее экономичным, а потому и наиболее

массовым типом спальных комнат, были комнаты вместимостью на 3–4 человека, этому типу комнат отдавалось предпочтение. Одноместные комнаты были наиболее дорогостоящим типом спальной комнаты и потому в массовом строительстве играли лишь незначительную роль в общем составе спальных комнат.

После Великой Отечественной войны иногда строили студенческие общежития значительной вместимости: они вмещали несколько тысяч человек в одном здании. Такие общежития возникли в связи с появлением новых крупнейших учебных комплексов, которые включали студобщежития (Московский нефтяной институт, МГУ). Главной задачей строительства студобщежитий после войны было создание экономичных типовых проектов.

Однако министерство высшего образования СССР часто не принимало необходимых мер к подготовке к зиме студгородков. Проверка Исполкома Мосгорсовета депутатов трудящихся 1 октября 1947 г. установила, что Всехсвятский, Алексеевский, Дорогомиловский студгородки находились в крайне запущенном состоянии. Во Всехсвятском студгородке канализация была разрушена. В Алексеевском студгородке «кухонных очагов не было, санузлы были разрушены, кровля протекала». В плохом состоянии находились студобщежития сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, расположенные по Лиственничной аллее, МГУ на ул. Стромынка, 32¹. Вопрос о студенческих общежитиях рассматривался на совещании в МК ВКП (б) 21 ок-

тября 1947 г., где снова обнародовали абсолютно неприглядные факты. В общежитии МГУ на Стромынке «в комнатах не хватало подушек, полотенец, наволочек. Температура в комнатах была 12–13 градусов. У титанов создавались большие очереди»². Студенты общежития института цветных металлов жили прямо в физкультурном зале. «Там очень холодно, студенты забили окна фанерой, 25 студентов жили в столовой»³. Самым плохим общежитием было признано общежитие горного института Дорогомиловского студгородка. «Прачечной не было, стиркой нательного белья не занимались. На студента приходилось по одной простыни, почти не у кого не было по две простыни. Студент или сам стирал, или ходил в грязном белье. В комнатах часто были три стула на пять человек»⁴. Главный вопрос, который стоял перед Минвузом, – это приведение в приличное состояние студгородков; поручено было заняться этой проблемой министру высшего образования Кафтанову⁵.

В начале 1950-х гг. тщательно пересматривались и перерабатывались проекты по жилищному строительству. В 1952 г. Гипровуз выдвинул новую серию типовых проектов, в которых были учтены требования о необходимости снижения стоимости строительства [1, с. 19]. В новых проектах индивидуальных общежитий предусматривалось повышение их комфортности и, в первую очередь, повышение качества спальной комнаты. Бытовые условия студентов значительно

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 67. Д. 70. Л. 35–36.

² ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 67. Д. 30. Л. 238.

³ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 67. Д. 30. Л. 240.

⁴ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 67. Д. 30. Л. 244.

⁵ ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 67. Д. 30. Л. 247.

но повышались. Например, в общежитиях Московского архитектурного института, Московского энергетического института, Высшей партийной школы при каждой спальном комнате предусматривались умывальная и передняя. А в общежитии нового здания МГУ в каждой двух комнатах были не только передние и умывальные, но и уборные, и душевые кабины. Что важно отметить, повышение комфортности спальных комнат предусматривало не только улучшение сантехоборудования, но проводилось и за счет снижения их вместимости. Например, в общежитии Московской консерватории комнаты рассчитывались на два человека, Энергетического института – на два и четыре человека. Еще больший комфорт предусматривался в общежитии МГУ, где все комнаты были рассчитаны на одного человека. Успехи в типовом проектировании оказали сильное влияние на проектирование индивидуальных студенческих общежитий.

Надо отметить, что в послевоенный период здания студенческих общежитий обычно размещались на ответственных градостроительных участках, играя достаточно активную роль в ансамблевой застройке магистралей и улиц крупных городов. Например, общежитие Московского нефтяного института им. Губкина входило в состав общего комплекса учебного заведения и проектировалось на одном из главных проспектов юго-западного района Москвы. Эти здания представляли единую объемно-пространственную композицию. Наблюдалась устойчивая тенденция к повышению этажности и укрупнению общежитий. Этажность студобщежитий Консер-

ватории, Московского энергетического института, Высшей партийной школы и др. достигала десяти этажей. Для послевоенного периода также характерно было повышение качества внешней архитектуры студобщежитий, игравших значительную роль в ансамблевой застройке городов.

Комплекс нового здания МГУ, открытый в 1953 г., включал и студенческие общежития и квартиры профессорско-преподавательского состава. Они занимали особое место в главном здании университета и включали около шести тысяч жилых комнат, а также целый ряд бытовых и обслуживающих помещений (гостиные, библиотеки, столовые, спортзалы, плавательный бассейн, магазины и т.д.). С этого времени студент МГУ мог учиться, отдыхать, работать, развлекаться, не выходя из красивейшей высоты.

В советское время студенческие общежития приобрели значение жилища массового типа. Если в 1920-е–1930-е гг. строительство студобщежитий характеризовалось значительной пестротой как в составе их помещений, так и в самих типах и общих архитектурно-планировочных приёмах решений, то в послевоенное время с приобретением опыта проектирования строительства и эксплуатации, ряд типов и приемов решения общежитий отсеивались и со временем оставались наиболее экономичные и целесообразные. Вместе с одиночно расположенными общежитиями появились крупные комплексные застройки в виде университетских и вузовских городков, считающихся самыми перспективными и совершенными видами студенческих общежитий.

Как показала практика проектирования и строительства студенческих

общежитий, наиболее распространенной композицией здания студобщежития была коридорная система, в частности общежития Университета Дружбы народов им. Лумумбы, горного и текстильного институтов, института стали и сплавов, МВТУ им. Баумана, автодорожного, архитектурного институтов и др. В начале 1970-х гг. получили распространение секционные общежития, которые способствовали изоляции спальных комнат и более маневренному расселению женского и мужского населения. Такое общежитие было построено для студентов Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ.

До середины восьмидесятых годов существовало положение, которое запрещало проживание семей в студенческих общежитиях. Однако, несмотря на запреты, семейные студенты составляли большую часть от общего числа проживающих в студенческих общежитиях. Здесь надо отметить семейные студенческие общежития МГУ, Тимирязевской сельскохозяйственной академии, архитектурного, инженерно-строительного, автодорожного институтов. Однако чаще всего студенческие семьи располагались в зданиях, где проживали одинокие студенты. Такие здания не были приспособлены для проживания семейных студентов, особенно с детьми. При коридорной планировочной системе очень сложно было выделить изолированную семейную зону. Так как студенческие общежития обычно строились неподалеку от учебных зданий, студенческие семьи оказывались оторванными от детских поликлиник, детских дошкольных учреждений, молочных кухонь.

Часто студенческие семьи жили не только в разных комнатах, но и в разных зданиях. А детей вообще прописывать в общежитиях было запрещено. Чаще всего администрация общежитий относилась к студентам, становящимся родителями, совсем не дружелюбно. Существовал приказ министерства, запрещающий проживание детей в студобщежитиях. Объясняли все очень просто – общежитий и так не хватает. В общежитиях дети жили с родителями как бы нелегально. Поэтому во время рейдов по общежитию студенты-родители прятали детей. В одном из институтов руководство не нашло ничего лучшего, как отводить семейным студентам отдельную комнату в общежитии только при обязательстве их не заводить детей в период студенчества, беря с них расписку. Администрация таким образом стремилась обойти министерский приказ [3].

Наиболее благополучно семейным студентам жилось в МГУ. Здесь были даже свои шестидневные ясли, а сами они жили вместе с детьми. Также хорошо жилось студенческим семьям в общежитии 2-го медицинского института. На каждом этаже 16-этажного корпуса – пять квартир для молодых семей [4].

Наиболее рациональное размещение студенческих общежитий становилось важной градостроительной задачей, от решения которой зависел комфорт не только студентов, но и проживающих в данном районе жителей. Сокращение или вовсе исключение миграции студентов к месту учебы снижало транспортную нагрузку, что сильно повышало комфорт района.

Даже в Москве большинство зданий общежитий были старого образ-

ца, которые не предполагали наличия в комнате кухни, ванны и прочих атрибутов нормальной жизни. Общий холодильник, общие вечно занятые плиты на кухне, общий душ с постоянной очередью – здесь было всё общее и надо было привыкнуть к такому порядку вещей. Общим было и личное время, и личные вещи студентов. В сущности, всё здание общежития представляло собой коммунальную квартиру. С другой стороны, студент в общежитии волей-неволей превращался в самостоятельного человека. Жизнь в общежитии давала студенту бесценный опыт, который служил ему всю оставшуюся жизнь. В общежитии приобреталось умение адаптироваться в любом социуме и отстаивать свои интересы, легко входить в коллектив и ладить с людьми. В советском обществе студенческие общежития были совершенно новыми по своему социальному назначению учреждениями. Они выполняли функции не только жилища, но также играли очень важную роль в идейно-политическом и культурном воспитании студентов.

Следует сказать, что население городов увеличивалось и за счет учащихся вузов, что имело важное значение. Возглавляя Москву в конце 50-х гг. Е.А. Фурцева так отчитывалась о работе МК КПСС на XII городской партийной конференции: «В 1956 году в Москве проживало 365 тыс. студен-

тов. К ним надо прибавить 150 тыс. учащихся техникумов. Это примерно равняется численности такого города, как Саратов» [2]. Таким образом, массовый характер строительства студенческих общежитий способствовал началу их типизации и улучшения их качественных показателей.

В советский период уделялось большое внимание коллективным формам проведения досуга. Создавались новые, коммунистические нормы повседневной жизни. Необходимо было воспитывать человека будущего. Создание коммунистического общества было немыслимо без формирования духа коллективизма. Власть развивала коллективные общественные формы воспитания. Духовное единство советских людей было невозможно без коллективизма, который предполагал утверждение ценностных ориентаций всего общества и каждого отдельного его члена. Советское общество строило коллективистскую социальную связь. Коллективность считалась новым историческим типом социальной связи, приходящим на смену социальному отчуждению.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архитектура и жизненная среда человека // Архитектура и строительство Москвы. 1952. № 3. С.19-20.
2. Вечерняя Москва. 1956. 17 янв.
3. Литературная газета. 1976. 1 дек.
4. Литературная газета. 1976. 15 сент.

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32(930.2)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-183-190

Бобровских Е.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ТЕОРИЯ «ОФИЦИАЛЬНОЙ» И «НЕОФИЦИАЛЬНОЙ» НАРОДНОСТИ: С.С. УВАРОВ И СЛАВЯНОФИЛЫ

Аннотация. Консервативное направление русской социально-политической мысли никогда не представляло собой единого идейного лагеря. Автор сравнивает две концепции, появившиеся во второй трети XIX в.: «теорию официальной народности» и учение славянофилов. В статье раскрываются точки пересечения и различия этих двух теорий. Автор приходит к выводу, что значение идентичных ценностей (православие, самодержавие, народность) в данных теориях было совершенно различным.

Ключевые слова: теория официальной народности, славянофилы, православие, самодержавие, народность, консерватизм, история социально-политической мысли XIX в.

E. Bobrovskikh

Lomonosov Moscow State University

THE THEORY OF THE “OFFICIAL” AND “UNOFFICIAL” NATIONALITY: S. UVAROV AND SLAVOPHILES

Abstract. The conservative trend in the Russian social and political thought has never been a united ideological camp. The author compares the two concepts which appeared in the second third of the nineteenth century: "the theory of official nationality" and the teaching of the Slavophiles. The article describes the points where these two theories intersect and differ. The author comes to the conclusion that the meaning of identical values (Orthodoxy, autocracy, nationality) in these theories differed greatly.

Key words: the theory of the official nationality, the Slavophiles, Orthodoxy, autocracy, nationality, conservatism, the history of social and political thought of the XIX century.

Исторический контекст первой трети XIX в. обусловил необходимость развития консервативного идейного

течения. Войны начала XIX в. пробудили интерес ко всему национальному. Проблема оторванности дворянской элиты от своих корней, плохое знание

© Бобровских Е.В., 2015.

русского языка, западничество в правительственных кругах стали более ощутимыми. Кроме того, возрос интерес к роли народа в историческом процессе. Восстание декабристов 1825 г. также оказало значительное влияние на изменение тенденций во взаимоотношениях общества и власти. Польское восстание 1830-1831 гг. и революции во Франции 1830 г. явились дополнительными причинами для укрепления власти монарха и распространения консервативных идей. Указанные события способствовали тому, что российская власть сделала акцент в своей политике на укреплении существующего политического порядка. Идеологическая платформа для проведения государственных мер была подготовлена министром народного просвещения С.С. Уваровым.

Уваровская триада «Православие. Самодержавие. Народность» была сформулирована в 1832 г. Возможно, идея формулы появилась раньше. Еще в 1818 г. в речи, произнесенной на торжественном собрании Главного педагогического института, Уваров говорил о любви к отечеству, вере и государю, которую необходимо «воспламенить» в молодом поколении.

В 1875 г. историк литературы А.Н. Пыпин, придерживающийся либеральных взглядов, назвал триаду Уварова «теорией официальной народности», т.е. теорией искусственной, навязанной властью. Это определение получило широкую популярность. За «официальность» уваровскую формулу критиковали и славянофилы. Никто из славянофилов не отрицал исторической значимости ценностей, названных в триаде Уварова. Но также никто из них не удержался от крити-

ческих замечаний в адрес формулы. Пыпин писал: «Неясно одно весьма существенное обстоятельство. Это – их (славянофилов. – *Прим. авт.* – Е.Б.) отношение к официальной народности» [8, с. 335]. Учение славянофилов, действительно, напоминает триаду министра народного просвещения, однако в основе славянофильской концепции заложены иные методологические основания.

Славянофильское направление можно считать русским вариантом романтического национализма, а используемый ими термин «народность» – аналогом европейского понятия «народный дух». В Европе теоретики романтического национализма обратились к национальной самобытности, политической традиции и истории в поисках ответов на социально-политические вызовы. Идея «народного духа» была превращена ими в объединительный концепт и содействовала формированию национальных государств. «Народный дух» позволял сглаживать сословные противоречия для создания единого цельного государства-личности. Подобные же основания четко прослеживаются и в русском славянофильстве. «Золотым веком» они считали допетровские времена. Хотя славянофилы и не призывали возвращаться к укладу Древней Руси, они пытались сохранить и «полнее реализовать» истинные ценности «народности». Уваров не одобрял излишней идеализации исторического прошлого России, присутствующей в работах славянофилов: «описание Руси до Петровской в сравнении и в противоположности с Россией, преобразованной великим императором, и прославление принятого Государством с его царствования

направления, стали приниматься за опасное намерение изменить настоящее» [14, с. 74].

Ключевое противоречие между «теорией официальной народности» и славянофильской концепцией заключается в различных иерархических отношениях между компонентами триады. В формуле Уварова главное место было отведено самодержавию, а православие и народность стали служить лишь «этнографической окраской». В концепции славянофилов ключевая роль отведена православию, как некой духовной силе, определяющей народное сознание (народность). А самодержавие уже базируется на народности (народном духе). Попробуем последовательно сравнить отношение славянофилов и Уварова ко всем трем частям формулы.

Православие. В марте 1832 г. в письме Николаю I Уваров определил следующие «консервативные начала»: Национальную религию (*Religion nationale*), Самодержавие (*Autocratie*) и Народность (*Nationalite*) [15, с. 97]. «*Religion nationale*» переводится с французского языка, как «национальная» или «народная религия». И лишь позже в текстах Уварова этот компонент становится «православием». Этому есть несколько объяснений. Всеобщее известное факт, что до 1917 г. переписи населения в Российской империи проводились по конфессиональному признаку. Религия играла более существенную роль, чем национальная принадлежность. Скорее всего, именно поэтому был сделан акцент именно на православии как народной религии. Кроме того, в «Докладе Императору Николаю I о славянстве» Уваров открыто говорил, что включение право-

славия в триаду позволило примирить гражданские учебные заведения и духовную власть [13, с. 367]. Таким образом, Уваров попытался соединить противостоящие друг другу еще с XVI в. дух европейского просвещения и глубокую религиозную веру¹. Уваров сам получил блестящее европейское образование и не мог отрицать его значения. Однако изменения в системе образования должны были проходить на нравственной и политической основе, установленной правительством. Это было необходимо, чтобы поставить «сдерживающие плотины» на пути европейских революционных идей. Кроме того, глубокая традиция православной духовно-политической мысли [5] не признавала иной формы правления, кроме самодержавия. Следующим фактором послужила необходимость борьбы со старообрядцами, ересями и различными мистическими кружками, столь популярными в начале XIX в. Власть тем самым в очередной раз утвердила единственную официально признаваемую религию.

В славянофильской концепции православие имело ключевое значение. Стоит отметить, что славянофилы определяли православие достаточно широко, как культурный феномен, занимающий срединное положение между церковью, государством и обществом. Всякая вера имеет свой источник в определенном духовном складе народа, выражающемся во врожденной народной психологии. Слившись с врожденными психологическими особенностями народа, вера становится главным критерием для различения «народных физиономий».

¹ Еще старец Филофей писал о греховности научного познания [12, с. 186-197].

Особенно характерно это для русского народа. Для русского человека, как отмечал И.С. Аксаков, наименование «православный» значительно важнее, чем «русский». По мнению И.В. Киреевского, «особая форма богосознания» определяет особенность той или иной народности. Соответственно, основу русской народности составляет православие. Ю.Ф. Самарин отмечал: «Говоря о русской народности, мы понимаем ее в неразрывной связи с православной верою, из которой истекает вся система нравственных убеждений, правящих семейною и общественною жизнью русского человека» [19, с. 429-430]. К.С. Аксаков считал православную веру главным столпом всей русской жизни: «Без Веры Православной [народ] не имеет значения: вся жизнь его основана на ней, с ней неразрывно соединена, на ней основана и его народность. Поэтому тот, кто не Православный, не принадлежит к Русскому народу, хотя бы он был и Русского происхождения» [2, с. 194].

Самодержавие. Самодержавие занимало центральную позицию в триаде Уварова. Как любая идеологическая система, «теория официальной народности» решала задачу укрепления власти. Можно сказать, что два других компонента были введены лишь для упрочения позиций престола, хотя попутно решали и многие другие, поставленные перед правительством задачи. Самодержавие как компонент триады не содержит обширных комментариев в текстах Уварова. Утверждается лишь его необходимость в качестве условия существования России, исторического бытия народа. В силу того, что самодержавие является определенным национально-русским типом власти, оно

обладает особой значимостью для русской государственности.

Центральное положение самодержавия в триаде объясняется, помимо прочего, тем, что православие и народность не могли быть обязательными для нерусского и не православного населения огромной империи. Монарх – уже не просто русский царь, он император и национальный лидер для всех народов и народностей империи. Однако на практике это означало решение проблем национальной консолидации с помощью административных мер.

Славянофилы предложили глубокое философское осмысление самодержавной формы правления. Самодержавие, с точки зрения славянофилов, базируется на народности или народном духе. По мнению И.С. Аксакова, народность способна создавать политические организмы, т.е. является основой государства и, более того, гарантом его единства как внутреннего, так и внешнего. Государство создается духом одного народа, но не исключает вхождения в его состав «иноподанных». Подобная точка зрения позволяет раскрыть политический смысл народности, который заключается в том, что любая «народная личность» имеет право на особое общественное устройство. Отношения между властью и народом могут выражаться в различных формах: конституциях, хартиях, силовом принуждении и т.д. Но в России существует своя, особая форма, заключающаяся в любви подданных к государю, в живом народном сознании. «Россия и правительство тесно сплелись, потому что растут на одном корню» [11, с. 162], – утверждал Ю.Ф. Самарин. Вера и народность являются основанием государственной власти в России. Соответственно пра-

вительство служит и русской церкви, и народу, не вмешиваясь в духовную и бытовую жизнь народа. Эти пределы полномочий власти, по Самарину, заложены в «народном духе» и потому не требуют поддержки юридических документов. Д.А. Хомяков отмечал, что русское самодержавие есть часть духовного организма общества, сила служебная, есть выражение народных духовных требований и отрицание западного абсолютизма. Западный народный тип, по Д.А. Хомякову, нуждается в наличии самодержавия в духовной сфере и не терпит его в политической; восточный тип, к которому относится и Россия, нуждается в гражданском самодержавии, но не допускает его вмешательства в духовную сферу. Таким образом, главным достоинством русского самодержавия является его органичность и взаимная потребность народа и власти друг в друге.

Народность. Четкой дефиниции понятия «народность» в рамках теории Уварова сформулировано не было. Сложность его определения признавал и сам Уваров. Остается также открытым вопрос о роли сотрудников министерства, переводивших тексты Уварова с французского на русский язык. В них Уваров употреблял понятие «nationalite», и в ряде его русских текстов также мы встречаем слово «национальность» в контекстах, похожих на те, в которых использовалось слово «народность».

Не вызывает сомнений, что значение народности в уваровской формуле многопланово. Кроме стоит, стоит учитывать факт влияния немецкой социально-политической мысли на формирование мировоззрения и идеологических представлений Уварова. Непосредственное влияние на него

оказал немецкий писатель, философ и лингвист Фридрих Шлегель¹. Идеи Шлегеля сложились, в свою очередь, под влиянием Гердера и Руссо, с одной стороны, а также идеологов французской революции – с другой. А знаменитый прусский государственный деятель и реформатор начала XIX в. Генрих Фридрих Карл Штейн даже давал «уроки патриотизма» С.С. Уварову², обеспокоенному будущим Германии.

¹ Со Шлегелем Уваров познакомился во время своего пребывания в Вене (1807-1809). С этого момента Уваров с особым интересом относился к деятельности немецкого мыслителя. «Курс лекций по новейшей истории» Шлегеля, который он лично отправил Уварову, произвел на него неизгладимое впечатление. Считается, что именно эта работа повлияла на поворот русского консерватизма в лице Уварова к вопросам национального самосознания. В основе теоретических построений Шлегеля лежала идея нации как единой личности, которая скрепляется кровным родством, общностью исторической судьбы, обычаями, языком. Идеал национального государства, по мнению Шлегеля, средневековая сословная монархия [4, с. 352-359].

² При содействии российского двора Штейн после наполеоновских войн занимался объединением всех сил Германии, которые могли бы содействовать пробуждению в немцах национального духа и антифранцузских антиреволюционных настроений. Цель своей деятельности он видел в построении великой, сильной, самостоятельной и независимой Германии. Из переписки Уварова и Штейна 1812-1814 гг. известно о тех пессимистических настроениях, которые вызывала у Уварова русская действительность. С момента своего пребывания в Вене (1807-1809) Уваров был заворочен немецким национализмом. Более того, он считал себя полномочным представителем данного течения. Свою деятельность в России Уваров называл «неблагодарной» и «безнадежной», а себя – «экзотическим растением». Он часто приходил к мысли, что должен был родиться «пруссом». В своих ответных письмах Штейн пытался «примирить его с его родиной», искренне считая, что Уваров сможет принести огромную пользу России своими познаниями и своими идеями [4, с. 352-359].

Уваров не дал четкого определения данному компоненту триады. Однако нельзя отрицать, что под влиянием идей немецкого национализма Уваров изобрел категорию, пользуясь которой можно было сглаживать сословные противоречия и объединять этнически неоднородное население Российской Империи. Кроме того, народность предполагала верность и покорность самодержавной форме правления, то есть служила еще одним способом легитимации власти императора. Таким образом, народность позволяла защитить династию от распространения революционных настроений за счет объединения в этом концепте народа и монарха. Важно, что Уваров пытался отделить понятия русской народности и славянской. Уваров ни в коей мере не придерживался панславистских представлений. Более того, он считал, что панславистские идеи могут привести к пагубным последствиям [6, с. 37-40]. По воле истории, славянство разделилось на самостоятельные народности, которые, если и имели общее происхождение, давно утратили эту связь¹.

¹ «Итак, независимо от общего славянства, в действительности не существующего, а изменившегося в нескольких славянских племенах, мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей вере, преданности к престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях, мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских доблестей, русского чувства. Вот искомое начало народное, и не славяно-русское, а чисто-русское, непоколебимое в своем основании, собственно наша народность. <...> Все, что имеем мы на Руси, принадлежит нам одним, без участия других славянских народов, ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве, не столько по внушению братской любви, как по расчетам мелкого и не всегда бескорыстного эгоизма» [16, с. 372].

Для теории славянофилов, как уже отмечалось, понятие «народность» является одним из ключевых. Наибольшую разработанность и теоретическое обоснование народность приобрела именно в славянофильской концепции. Благодаря представителям славянофильского направления, «народность» стала «обрастать» своими особыми синонимичными понятиями: «народный дух», «народная личность», «народная физиономия», «народная стихия».

С точки зрения славянофилов, обращение к народности – главное условие величия России. И.С. Аксаков писал: «От взаимного отношения народной Руси и официальной России зависит мера истинной, а не мнимой силы русского государства. Когда мы были сильны в смысле западном, – мы были слабы в нашем народном, русском смысле, и эта слабость не замедлила обнаружиться в Восточную войну. Мы возвращаемся теперь к источнику силы и являемся слабыми в глазах европейцев! Это понятно. Нам остается им показать, какова наша настоящая, не мишурная сила» [1, с. 501].

«Народность», в понимании славянофилов, составляют не только характерные особенности народа, сложившиеся под влиянием исторической судьбы и географических и климатических условий, но и черты, проявляющиеся в вере, народном самосознании и государственном строе. Другими словами, народность, как утверждал Д.А. Хомяков, есть «индивидуальность народа, полнота его прирожденных способностей и всего его душевного (духовного) склада» [17, с. 285]. Кроме того, по верному замечанию Ю.Ф. Самарина, славянофильская народность

включает в себя и «те начала, которые народ признает, в которые он верует, к осуществлению которых он стремится, которыми он поверяет себя, по которым судит о себе и о других» [10, с. 466].

Народность, по мнению славянофилов, есть тайный фактор жизни человечества. «Без нее народы не были бы народами, и человечество не состояло бы из тех друг друга восполняющих индивидуальностей, которые лишь в своей совокупности дают возможность всестороннего проявления полноты даров, человечеству данных» [17, с. 289]. Из этой мысли вытекало специфическое отношение славянофилов к идее славянского единства, отличное как от позиции Уварова, так и от позиции идеологов доктрины «официальной народности» М.П. Погодина и С.П. Шевырева [7, с. 206-207].

Таким образом, «теория официальной народности» сконцентрировала в себе важнейшие консервативные ценности политической культуры России. Данная формула стала в русской социально-политической мысли «девизом» консервативного направления. Однако перечисленные ценности не смогли уберечь российских консерваторов XIX в. от раскола внутри одного направления социально-политической мысли.

Официальная идеология была направлена на сохранение самодержавия как самоценности. Славянофилы же видели в нем лишь служебную силу. Народность для апологетов триады – это попытка сохранить существующую политическую систему от пагубного зарубежного влияния и признать политику государства «народной». Для славянофилов народность – это харак-

терные черты народа, сформированные историческим процессом, то есть прошлым данного народа. Православие в «теории официальной народности» – критерий национального самоопределения и верноподданности монарху, охранительная сила. В концепции же славянофилов православие – фундамент всей духовной жизни русского народа и его ключевая ценность.

«Теория официальной народности» не несла ни негативных, ни чужеродных ценностей. Критическое отношение к ней появилось из-за политики, которая проводилась под ее лозунгом. «Теорией официальной народности» пользовались и все последующие монархи вплоть до Николая II, делая акценты на разных ее компонентах и методах пропаганды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксаков И.С. В чем сила России? // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды ; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 498–504.
2. Аксаков К.С. Западная Европа и народность // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 189–196.
3. Горохов А.А. Культурно-политический контекст начала XIX в. и его влияние на формирование консервативных ценностей политической культуры России. // Власть. 2011. № 8. С. 88–90.
4. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.

5. Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль X-XVII веков. Основные идеи и тенденции развития. М.: Прометей, 1999. 431 с.
6. Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2007. 132 с.
7. Прокудин Б.А. Славянофильство и формирование русского панславизма // SCHOLA-2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Мошелкова / Сост. А.В. Воробьев. М.: Социально-политическая мысль, 2006. С. 203–208.
8. Пыпин А.Н. Исторические очерки. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. СПб.: типография М. Стасюлевича, 1873. 520 с.
9. Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 427–439.
10. Самарин Ю.Ф. Замечания на «Заметки «Русского вестника» по вопросу о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 464–467.
11. Самарин Ю.Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 146–162.
12. Старец Филофей (Из посланий Филонеева цикла) // Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв. Хрестоматия / Сост. С.В. Перевезенцев, подг. текстов: С.В. Перевезенцев, Г.В. Талина, Д.В. Ермашов, А.С. Ермолина, В.С. Зубова; под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 186–197.
13. Уваров С.С. Доклад Императору Николаю I о славянстве // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / Сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин; подг. текстов: А.М. Репьева, М.К. Ковтуненко, А.И. Волошин; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 363–369.
14. Уваров С.С. О цензуре // Река времен. Книга истории и культуры. Кн 1. М., 1995. С. 72–77.
15. Уваров С.С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 96–100.
16. Уваров С.С. Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / Сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин; подг. текстов: А.М. Репьева, М.К. Ковтуненко, А.И. Волошин; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 369–374.
17. Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. // Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 29–296.
18. Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль середины XIX в. (библиографический очерк) // Вестник Российской нации. 2013. Т. 27. № 1–2. С. 74–95.

УДК 321.7

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-191-194

Мартынов М.Ю.*Сургутский государственный университет*

КОНЦЕПТ ДЕМОКРАТИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Аннотация. Рассматриваются методологические проблемы преподавания концепта демократии в курсе политологии. Высказывается предположение, что изложение теории демократии недостаточно учитывает внешние условия, необходимые для существования данного политического режима. Достижение этих условий предполагает постоянное использование силы демократическими государствами. Об этом свидетельствует развитие системы международных отношений после распада СССР, последним этапом которого стал кризис в Украине.

Ключевые слова: политология, демократия, политический реализм.

M. Martynov*Surgut State University*

CONCEPT OF DEMOCRACY IN POLITICAL SCIENCE TEACHING

Abstract. The article touches upon some methodological problems of teaching the concept of democracy in political science. It is suggested that the representation of the theory of democracy does not fully take into consideration the external conditions necessary for the existence of this political regime. Achievement of these conditions constantly involves the use of force by democratic states. The International relations system development after the collapse of the USSR, with the Ukrainian crisis being the last stage, testifies the statement.

Key words: political science, democracy, political regime.

Идеологическая «нагруженность» политической науки, став в свое время одной из причин относительного позднего выделения ее в самостоятельную дисциплину, и в дальнейшем оставалась, в некотором смысле, «родовой травмой», время от времени омрачающей дальнейшее ее развитие. И никакая другая проблема не вызывала столько дискуссий, сколько тема демократии и демократического транзита. Собственно, споры шли не о сущности демократии или ее преимуществах. Пожалуй, за известными исключения-

ми, все и во все времена соглашались с тем, что именно этот режим, при всех своих недостатках, является наилучшей формой государственного устройства. Дискуссии начинались при переходе от теоретического обоснования этого тезиса к вопросу о том, как демократические идеалы соотносятся с политической практикой конкретных государств.

Собственно, для создателей современной политической науки в лице американских авторов этого вопроса никогда не стояло. С их точки зрения, в полной мере эти идеалы были реализо-

ваны лишь в странах западного мира. Р. Даль отвергает претензии авторитарных лидеров, «которые утверждают порой, что их режим представляет собой некий особый вид демократии, превосходящий все прочие» [1, с. 99]. Для американских авторов, о чем бы они не писали, что бы ни анализировали, США всегда остаются идеальным типом.

Соответственно, дальнейшее изложение тем в рамках преподавания политологии превращается в апологию не столько демократии как таковой, сколько политической системы США и западных государств. Ее трактовка, в том числе в отечественных учебных пособиях, приобретает однозначно позитивный характер, в то время как описание политических режимов в других странах, особенно оппонировавших Западу, например СССР, образуют негативный нарратив в виде «тоталитарной системы», «преследования инакомыслящих», «политической цензуры» и пр. [3, с. 122–123]. Аналогичная тенденция прослеживается в изложении и остальных политологических тем, будь то политическая культура или проблемы модернизации.

В этом не было бы ничего предосудительного, если бы политическая практика западных государств действительно совпадала с демократическими идеалами. Однако существует немало исследований, свидетельствующих об отсутствии этого совпадения, что, например, «американская система государственного управления чаще представляет интересы привилегированного меньшинства, чем общества в целом, и что система выборов и деятельность политических партий являются недостаточными средствами

защиты от влияния богатых корпораций» [2, с. 14].

В советских вузах, в свое время, изучалась дисциплина «научный коммунизм», описывающая черты идеального общественного устройства на социалистических началах, но при этом настаивающая, что эти черты реализованы в реальной практике социалистических государств. Сегодняшняя политология – аналог тогдашней дисциплины, своего рода, «научный либерализм», описывающий идеальное демократическое устройство, но по той же идеологической прихоти настаивающий на его реальном воплощении в практике западных государств. Преподавание же политологии в этом случае превращается в апологию политического устройства другого государства и критику своего собственного.

Так, в западной политической мысли уже несколько десятилетий развивается кантовская мысль, повторяемая, кстати, и в отечественных учебниках, что «современные представительные демократии друг с другом не воюют». «В период с 1945-го по 1989 г. произошло 34 международных вооруженных конфликта, но при этом не было ни одного, который возник бы между демократическими странами <...> Причины этого не вполне ясны. Может быть, благодаря высокому уровню развития международной торговли эти государства предпочитают поддерживать друг с другом союзнические отношения, а не воевать. Но верно также и то, что граждане демократических стран и их лидеры овладели искусством компромисса. Кроме того, граждане государств со сходным политическим строем не внушают им угрозы, они склонны относиться к ним с довери-

ем и видеть в них себе подобных» [1, с. 59–60], – поясняет Р. Даль причины этого. Однако следует отметить, что в этот период не было вооруженных конфликтов и между странами социалистического лагеря. Очевидно, объяснение отсутствия конфликтности в обоих случаях лежало не в неких особых качествах, имманентно присущих демократическому или социалистическому режиму, а в банальных союзнических отношениях.

Методологическое лукавство заключается здесь в приеме рассмотрения демократического устройства как феномена, изолированного от внешней среды. Так, Р. Даль, описывая становление демократии на примерах Средиземноморья (Греция, Рим, Италия), Северной Европы (норвежские викинги) и современной Европы, называет только имманентные процессуальные и институциональные условия [1, с. 16–30]. Но каковы внешние, обеспечивающие эти условия, факторы? Возможна ли была демократия в Средиземноморье без рабства? Нет ли связи между демократическими обычаями викингов и их разрушительными набегами? Возникла бы современная демократическая Европа без превращения остального мира в свою колонию в XVII–XVIII вв.? **Как вообще** получилось, что в истории человечества самыми агрессивными государствами явились именно демократические? В древности таковым была Римская республика. В Новое время как раз демократически устроенные западные страны превратили остальной мир в свои колонии. Именно из их противоречий возникли затем Первая и Вторая мировые войны. И сегодня, как видим, самым миролюбивым государством

является авторитарный Китай, в то время как демократические страны, образующие НАТО, участвуют в конфликтах по всему миру.

И это не случайно, ведь действительно демократическими политические режимы бывают относительно недолгий период, – например, это период классической Греции или эпоха буржуазных революций в Европе, – имея тенденцию перерождаться в охлократию. В охлократической политической системе власть, находясь под давлением граждан, требующих преференций и социального обеспечения, может обеспечить это только за счет эксплуатации ресурсов других стран.

В советское время дисциплина «научный коммунизм» была одной из самых нелюбимых студентами. Но отнюдь не из-за предвзятого отношения к социализму, как сегодня может показаться. Неприятие вызывало утверждение, что его принципы реализованы на практике в СССР. Сегодня изучающие политологию студенты сталкиваются с подобным лицемерием, когда в качестве примеров самых демократических и миролюбивых государств приводят западные страны. Стоит ли удивляться скептическому отношению к дисциплине?

Можно, безусловно, согласиться с мнением А.С. Федотова, что за последние годы «были широко введены в научный оборот новые категории и понятия, которые отражали, несмотря на свою так называемую универсальность, в первую очередь социокультурную реальность западных стран. Другими словами, вновь введенные понятия описывали совершенно иной вид реальности, и однозначно не российской» [4, с. 120].

Необходимо избавить преподавание политологии от идеологических наслоений. В свое время, – в период Перестройки – мы перестали отождествлять коммунистический и социалистический идеал с практикой строительства социализма в СССР. Теперь нужно сделать следующий шаг – перестать отождествлять с политической практикой Запада демократический идеал.

Как это сделать методически? Взять пример с преподавания философии. В свое время оно столкнулось с такой же проблемой. При попытках изложить философию как систему содержательных выводов, она превращалась в набор абстрактных и банальных истин. Решают сегодня проблему философы простым путем – излагают философию как историю философии. Как историю вечной дискуссии вокруг вечных проблем.

По этому пути можно пойти и политологии. Излагать теорию политики как историю политических учений. В каком-то радикальном варианте ту часть теории политики, которая имеет оценочный характер, излагать в рамках истории современных политических учений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; Под. ред. О.А. Алякринского. М.: Аспект-пресс, 2000. 208 с.
2. Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США. /Пер. с 7-го англ. издания В.Горбатко. М.: Поколение, 2006. 416 с.
3. Теория политики: Учебное пособие. / Под ред. Б.А. Исаева. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
4. Федотов А.С. «Детская болезнь» российского обществоведения // Власть, 2014. № 7. С. 119–125.

УДК 327.33

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-195-200

Скуратовская К.Г.*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВХОЖДЕНИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИК В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интеграции стран Прибалтики в Европейский Союз. На основе анализа статистических данных и показателей экономической политики Эстонии, Латвии и Литвы автор приходит к выводу о размывании суверенитета прибалтийских республик. Автор обращается к мир-системной теории Иммануила Валлерстайна и обосновывает периферийное положение прибалтийских республик в системе Европейского Союза. Особое внимание уделяется отношениям прибалтийских республик с Российской Федерацией в современном международном контексте.

Ключевые слова: Европейский Союз, интеграция, суверенитет, мир-система, периферия, евроскептицизм.

K. Skuratovskaya*Moscow State Lomonosov University*

SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL CONSEQUENCES OF THE BALTIC STATES' INTEGRATION INTO THE EUROPEAN UNION

Abstract. The article tackles upon the integration of the Baltic States into the European Union. The author argues the erosion of the Baltic republics' sovereignty on the basis the analysis of statistical data and indicators of the economic policy of Estonia, Latvia and Lithuania. The author refers to I. Wallerstein's world-system theory and justifies the peripheral position of the Baltic republics in the EU. Special attention is paid to the relations between the Baltic republics and the Russian Federation in the current international context.

Key words: the European Union, integration, sovereignty, world-system, periphery, euroscepticism.

После выхода из состава Советского Союза Эстония, Литва и Латвия берут курс на скорейшую интеграцию в Европейский Союз и НАТО. В качестве обоснования политических решений об интеграции в данные структуры приводились следующие аргументы: «необходимость оградить свою независимость и суверенитет от потенциальной угрозы с Востока, открыть

простор для интеграции стран Балтии в западную экономику, цивилизацию, гарантировать их социальное развитие» [9, с. 261].

В составе СССР прибалтийский регион являлся одним из наиболее промышленно развитых. Современное положение стран Прибалтики в ЕС можно охарактеризовать как периферийное в политическом и в социально-экономическом отношении. Реальный

сектор экономики, созданный в советской Прибалтике, был разрушен в 90-е г. Из промышленно развитого региона Прибалтика превратилась в дотационный регион-потребитель.

Уничтожение индустрии региона имело политические причины и проходило в контексте политического размежевания с Россией и странами бывшего СССР. Крупные предприятия, созданные в Прибалтике в советские годы, были интегрированы в общесоюзную систему хозяйствования. Представители органов государственной власти независимых прибалтийских республик, преследуя цель скорейшей интеграции в ЕС и НАТО, жертвовали развитыми хозяйственными связями с Россией и другими республиками бывшего СССР. Экономическая политика стран Прибалтики была переориентирована на развитие сферы услуг и транзита.

Сегодня государственный долг Латвии и Литвы составляет около 40 % ВВП [7; 9], государственный долг Эстонии составляет около 10 % ВВП [14]. Согласно результатам экономического исследования, проведенного скандинавским банком SEB в 2012 г., Латвия занимала первое место среди стран-членов ЕС по количеству жителей за чертой бедности, а также по коэффициенту Джинни (35,2 %). Согласно данным SEB коэффициент Джинни в 2012 г. в Эстонии составил 32,5 %, а в Литве – 32 % [8].

По значению индекса человеческого развития ООН в 2014 году Латвия находилась в числе аутсайдеров ЕС (48 место в рейтинге, для сравнения Греция заняла 29 место). Эстония заняла 33 место в рейтинге, а Литва – 35 место [5].

Прибалтика значительно пострадала в ходе мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. Кризисная ситуация в экономиках прибалтийских республик во многом была связана с гипертрофированным спросом на ипотечные и потребительские кредиты, который непосредственно предшествовал кризису. Неэффективность финансово-экономической политики отмечал мэр города Таллинна Эдгар Сависаар: «в 2008 году в результате того что банки смело одалживали кредиты направо и налево, общий объем выданных в Эстонии кредитов вырос до 17 миллиардов евро <...> в результате <...> рынок недвижимости обрушился и экономика оказалась в глубокой яме. Тем не менее, государство не предприняло никаких мер против банков. Их неприкосновенность [Крупнейший в Эстонии банк Swedbank в то время возглавлял Март Лаар, бывший премьер-министр Эстонии. – *Прим. авт. – К.С.*] была обеспечена» [12]. Представители органов государственной власти прибалтийских республик оптимизировали экономическую политику путем сокращения социальных выплат населению и увеличения налогов. Например, в Латвии в 2010 г. пенсии были сокращены на 10 %, заработная плата на 10-20 %, а расходы на здравоохранение были сокращены почти на 40 % [13].

Прибалтийские республики в составе ЕС можно назвать суверенными в политическом и экономическом отношении лишь с большой долей допущения. После финансово-экономического кризиса 2008 г. существенно возросла зависимость стран Прибалтики от субсидий различных фондов Европейского Союза. Кроме

того, центральные банки стран-членов ЕС являются частью европейской системы центральных банков и контролируются Евросоюзом, крупнейшие коммерческие банки прибалтийских республик принадлежат шведским и финским финансовым группам [10].

Не имеют прибалтийские республики и энергетического и продовольственного суверенитета, без которых невозможна эффективная политика национальной безопасности. Под давлением Европейского Союза Литва была вынуждена демонтировать Игналинскую АЭС и превратилась из крупнейшего поставщика электроэнергии в ее потребителя. ЕС предписывает объемы продукции, производимой государствами-членами Союза. Например, Эстонии разрешено производить около половины необходимого республике сельскохозяйственного продовольствия, остальное Эстония обязана импортировать из других стран ЕС. При вхождении в ЕС государствам навязывались жесткие стандарты и требования в области экономической политики. По мнению директора Института проблем глобализации Михаила Делягина: «интеграция всей Восточной Европы носила ярко выраженный захватнический характер» [4].

Прибалтийский регион сегодня характеризуется одним из наиболее высоких в ЕС уровнем оттока населения. Согласно данным переписи населения 1989 г. совокупная численность населения Эстонии, Латвии и Литвы составляла около 8 млн. человек; сегодня в прибалтийских странах проживает чуть более 6 млн. человек. По данным Департамента статистики Литвы [17], с 1990 по 2010 гг. республику покинуло 615 тыс. человек, то есть пятая

часть населения. За 10 лет пребывания Латвии в составе Европейского Союза республику навсегда покинуло 13 % населения. По данным Министерства культуры Эстонии, в 2012 г. каждый второй житель желал покинуть республику. На тяжелую демографическую ситуацию и неспособность представителей органов государственной власти выработать эффективную социальную политику обратил внимание мэр города Таллинна Э. Сависаар: «человеческие потери Эстонии за последние 20 лет сопоставимы с произошедшими у нас во время Второй мировой войны. <...> Численность населения является мощнейшим индикатором, показывающим жизнеспособность региона. Для Эстонии в целом такой показатель в любом случае является негативным» [12].

Сегодня в Прибалтике распространена ситуация, когда люди с высшим образованием уезжают для занятия неквалифицированным трудом в странах Западной Европы и Скандинавии. За границей трудовых мигрантов из прибалтийских республик привлекает более высокий уровень зарплат и защиты населения. Эксперт Центра общественно-политических исследований «Русская Балтика» Александр Носович характеризует современную социально-политическую ситуацию в Прибалтийском регионе как катастрофическую: «когда-то успешный, растущий и развивающийся регион, сейчас Прибалтика превращается в пустырь на окраине Европейского Союза, со всех сторон окруженный более успешными соседями» [9, с. 16]. С точки зрения человеческого потенциала ситуация в современной Прибалтике противоположна позднесоветской,

когда прибалтийские промышленные предприятия привлекали квалифицированные кадры со всего Советского Союза. Лидер Партии евроскептиков Латвии Нормундс Гростиньш, сравнивая положение Прибалтики в составе двух союзов, СССР и ЕС, отмечает, что «если в СССР Прибалтика считалась «советским Западом», и, в сравнении с другими союзными республиками, мы находились в привилегированном положении, то теперь мы превращаемся в «Среднюю Азию» Европейского Союза. То есть – в глухую провинцию Европы, без прав, полномочий и перспектив» [3].

Современная Прибалтика представляет собой классический пример периферии, описанной Иммануилом Валлерстайном в рамках мир-системной теории [2]. Сегодня структуры Европейского Союза «нацеливают восточноевропейские общества на “специализацию в производстве технологически простых товаров” и отводят этой окраине место, примерно соответствующее тому, какое она занимала в прошлые века, — место бедной кузины других европейских стран» [1, с. 130]. Ядро Евросоюза как системы – Великобритания, Германия, Франция и др.; страны периферии – Восточная Европа, страны бывшего СССР и советского блока. Периферия Европейского Союза, включая Прибалтику, сегодня «предстает как зона, выполняющая в целом пассивную роль в мировой капиталистической системе; ее развитие всецело зависит от центра» [6, с. 525].

С конца 2000-х гг. не только Прибалтийский регион, но Европейский Союз в целом столкнулись с кризисными тенденциями, которые в пол-

ной мере выразились во время мирового финансового кризиса 2008 г. и в современном европейском долговом кризисе, наиболее ярко проявленном в Греции. Преодоление кризисных тенденций и устойчивое развитие ЕС требует кардинальной модернизации европейской политической и экономической систем, что невозможно без отказа стран Старой Европы от идеологии потребления и ориентации на дальнейшее обогащение за счет периферийных стран Евросоюза.

Сегодня можно говорить о следующем этапе интеграции – евроатлантической интеграции. Летом 2015 г. Европарламент одобрил идею о слиянии торгово-инвестиционных рынков США и ЕС. Создание единого европео-американского рынка – следствие объединения Европы и США в единую западную цивилизацию. По мнению директора Института ЕврАзЭС Владимира Лепехина, от появления единого рынка более всего выиграют США и крупные страны Европы: Германия, Франция, Италия. Что касается стран Прибалтийского региона, то они окончательно утратят свой суверенитет. Эксперт считает, что американо-европейская экономическая политика будет направлена на развитие за счет периферийных стран [11].

В современном контексте международных отношений успешное политическое и социально-экономическое развитие прибалтийских республик возможно только на основе эффективного диалога одновременно и с Европой, и с Россией, чему способствуют особенности геополитического положения Прибалтики. На протяжении всей своей истории Прибалтика выступала в качестве торгово-транс-

портного коридора между Россией и странами Западной Европы. Благодаря выгодному геополитическому положению Прибалтика сохраняет эту роль и сегодня. От 20 до 40 % бюджета [9, с. 262] прибалтийских республик формируется за счет таможенных пошлин на российские товары (в том числе энергоносители) экспортируемые в Западную Европу. Кроме того, Россия является крупнейшим торговым партнером прибалтийских республик.

Историческая, геополитическая и геоэкономическая специфика региона благоприятствуют роли Прибалтики в качестве посредника в диалоге России и ЕС, что, в свою очередь, способно повысить международный политический авторитет прибалтийских республик. Однако данные стратегические преимущества отбрасываются представителями органов государственной власти прибалтийских республик под влиянием русофобских настроений и в угоду интересам союзников и сиюминутной политической конъюнктуре. В последнее десятилетие прибалтийские республики в области внешней политики ориентировались на стратегическое партнерство с США и проводили внешнеполитический курс во многом оппозиционный интересам России. Этот политический курс получил конкретное воплощение в борьбе против строительства северо-европейского газопровода «Nord Stream», в разработке планов поставок нефти и газа из Азербайджана в Европу в обход России, в тесном сотрудничестве с правительствами В. Ющенко и М. Саакашвили, в оппозиции России по вопросу независимости Южной Осетии и Абхазии и в поддержке белорусской оппозиции.

В контексте международной обстановки, сложившейся после украинского кризиса, российско-прибалтийские отношения характеризуются эскалацией напряженности. Прибалтийские республики поддержали антироссийские санкции. Представители органов государственной власти прибалтийских республик ведут активную антироссийскую пропаганду, представляя Российскую Федерацию в качестве государства-агрессора, которое, по их мнению, угрожает суверенитету республик. Под предлогом защиты от России, представители государственной власти Эстонии, Латвии и Литвы обратились к главнокомандующему силами НАТО в Европе с просьбой о размещении военных баз на территории Прибалтики. В июне 2015 г. в Латвии начал свою работу штаб НАТО. Внешнеполитический курс прибалтийских республик способен принести выгоды только западным партнерам прибалтийских республик, а размещение военных контингентов НАТО, в конечном счете, приведет к еще большему усилению зависимости прибалтийского региона от стран Старой Европы и США. Таким образом, реализуя, во многом под влиянием США, тактическую задачу по обеспечению защиты от иллюзорной военной опасности с Востока, республики Прибалтики рискуют в реальности потерять свои геостратегические преимущества – окончательно испортить отношения с Российской Федерацией и попасть в еще большую зависимость от ЕС и США.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амсден А., Тейлор Л. Рынок встретил достойного противника: реалии эконо-

- мического перехода на востоке Европы // «Рубежи». 1995. № 4. С. 125–144.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. / Пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.
 3. Горюхин А. Что не устраивает латвийских противников европейской интеграции // Электронный журнал «Вся Европа», 2006. Вып. 4. [Электронный ресурс]. URL: www.mgimo.ru/alleurope/2006/04/latvia.html (дата обращения 19.08.2015).
 4. Деягин М. «Интеграция Прибалтики в ЕС не удалась. Придется вспомнить о России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iarex.ru/articles/8200.html> (дата обращения 23.07.2015).
 5. Доклад о человеческом развитии 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf> (дата обращения 24.06.2015).
 6. Ерасов Б.С. Цивилизации и мировые системы. Основные принципы миросистемного подхода // Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 521–538.
 7. Литва – Государственный долг к ВВП [Электронный ресурс]. URL: ru.tradingeconomics.com/lithuania/government-debt-to-gdp (дата обращения 24.06.2015).
 8. Нартов Н.А. Геополитика. М.: Юнита-Дана. 2004. 359 с.
 9. Носович А. Задворки Европы. Почему умирает Прибалтика. М.: Алгоритм, 2015. 303 с.
 10. Оленченко В. Банковский сектор Прибалтики // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 10. Октябрь. С. 62–68.
 11. После объединения рынков ЕС и США Прибалтике можно забыть об экономике. Аналитический портал RuBaltic. Ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/17072015-ttip/#t20c> (дата обращения 13.07.2015).
 12. Сависаар Э. Правда об Эстонии. Таллинн: Midfield OU, 2012. 446 с.
 13. Тавадян А. Экономические уроки интеграции Прибалтики [Электронный ресурс]. URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=7030 (дата обращения 23.07.2015).
 14. Эстония – Государственный долг к ВВП [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.tradingeconomics.com/estonia/government-debt-to-gdp> (дата обращения 24.06.2015).
 15. Naujienos – Lietuvosstatistikos departamentas [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.gov.lt/> (дата обращения 24.06.2015).

УДК 327.8 (341.231)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-201-210

Диков А.Б.*Академия безопасности и права (г. Москва)***РОССИЯ И ИНСТИТУТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСОВ И ВЫБОР СТРАТЕГИЙ**

Аннотация. В статье анализируются последствия принятия Российской Федерации в Совет Европы в 1996 г., фактический статус РФ в составе этой организации. Рассматриваются тексты резолюций ПАСЕ и общая статистика судебных решений ЕСПЧ в отношении России. Показаны политико-правовые механизмы влияния институтов Совета Европы на внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации. Выявлены негативные последствия «ограниченного суверенитета» Конституции РФ в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, проблема его несоответствия суверенной природе и статусу Российского государства. Предложены возможные стратегии России в отношении Совета Европы в новых геополитических условиях.

Ключевые слова: Совет Европы, ПАСЕ, ЕСПЧ, Конвенция, ратификация, «двойные стандарты», суверенитет, институты и технологии влияния.

A. Dikov*Academy of Security and Law, Moscow***RUSSIA AND THE COUNCIL OF EUROPE INSTITUTIONS:
THE TRANSFORMATION OF STATUS AND SELECTION OF STRATEGIES**

Abstract. The article analyzes the implications of the Russian Federation admission into the Council of Europe in 1996, as well as the actual status of Russia as a member of this organization. The texts of PACE resolutions and the general statistics of ECHR judicial decisions in relation to Russia are considered. The political and legal mechanisms to influence the institutions of the Council of Europe on domestic and foreign policy of the Russian Federation are shown. The negative effects of "limited sovereignty" of the Constitution of the Russian Federation in the sphere of human rights and freedoms are revealed, as well as the problem of its inconsistency with the sovereign nature and status of the Russian state. Possible strategies of Russia in relation to the Council of Europe in the new geopolitical conditions are given.

Key words: the Council of Europe, PACE, ECHR, Convention, ratification, «double standards», sovereignty, institutions and technologies of influence.

Обострение отношений Российской Федерации со странами Запада и, как следствие, с целым рядом европейских институтов, в частности с Советом Европы в 2014-2015 гг., актуализировало вопрос о выборе стратегии в отношении этой организации.

С методологической точки зрения нормы права рассматриваются в качестве материального выражения воли политических институтов. Реализация правовых норм на практике, расширение или сужение их границ, демонстрирует степень влияния тех или иных политических субъектов (напри-

мер, партий, парламентов, политиков). Поэтому влияние Совета Европы на Российскую Федерацию будет рассмотрено посредством анализа совокупности норм права, решений судов и применяемых политических технологий со стороны основных институтов Совета Европы. К ним относятся Комитет министров, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), – его еще называют Страсбургским судом, – и Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ). Изучение деятельности наименее публичного, но влиятельного института – Комитета министров Совета Европы – может являться темой отдельной статьи. В данной публикации рассматривается влияние на Россию ПАСЕ и ЕСПЧ, трансформация этих институтов и механизмов влияния в 2014–2015 гг.

7 мая 1992 г. Российская Федерация подала официальную заявку на вступление в Совет Европы (СЕ) – авторитетную международную организацию, в которой в настоящее время состоит 47 государств. Но эксперты СЕ сослались на целый ряд недостатков в законодательстве нашей страны. Желая ускорить затянувшийся процесс, 18 января 1995 г. Президент России Б. Н. Ельцин, председатели Правительства РФ и обеих палат Федерального Собрания обратились в адрес Совета Европы с официальным письмом, в котором заверили адресата в своем стремлении и дальше следовать «курсу на проведение реформ». Но рассмотрение этого прошения было прервано Советом Европы в феврале 1995 г. в связи с военными операциями федеральных войск в Чечне.

Это процедура была возобновлена Советом Европы в сентябре 1995 г.,

когда после трагических событий в г. Буденновске началось так называемое «политическое урегулирование», то есть переговоры российской власти с боевиками. И только 25 января 1996 г., в преддверии президентских выборов в нашей стране, ПАСЕ приняла Заключение по поводу российской заявки, в котором рекомендовала принять Российскую Федерацию, при соблюдении целого ряда условий, в Совет Европы. В 25 пунктах европейцы обозначили эти условия – «всемерно сотрудничать», «строго соблюдать», «немедленно прекратить», «в кратчайшие сроки урегулировать» [9]. От России потребовалось подписать и ратифицировать целый ряд международных конвенций и договоров. 23 февраля 1996 г. Государственная дума РФ приняла федеральный закон о присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы [20]. Наряду с ФРГ, Францией, Великобританией и Италией Россия с 1997 г. стала одним из основных финансовых доноров Совета Европы. Однако в отличие от России другие финансовые спонсоры СЕ – Великобритания, ФРГ, Италия и Австрия – могут не исполнять решения ЕСПЧ, если их высшие суды признают данные решения противоречащими собственному законодательству.

30 марта 1998 г. Государственная дума РФ, с оговоркой и заявлениями, ратифицировала «Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 4 ноября 1950 г. (с изменениями и дополнениями) (далее – Конвенция). В соответствии с этой Конвенцией, Россия признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека [21]. С 5 мая 1998 г. Конвенция, в соответствии с ч. 4 ст. 15

Конституции РФ, официально стала частью российской правовой системы. Полномочиям и статусу ЕСПЧ посвящены 33 статьи текста Конвенции из 59, что говорит о значимости этого института внутри Совета Европы.

Несмотря на то, что Конвенция была ратифицирована Государственной думой 30 марта 1998 г., «правовая система Российской Федерации <...> стала испытывать влияние права Конвенции уже с начала 1990-х гг., в частности, текст Конвенции учитывался участниками Конституционного Сопровождения при подготовке проекта Конституции РФ» [4, с. 165]. Присоединение России к Конвенции дало право Совету Европы не только кулуарно, но уже и официально влиять на законодательный процесс и политические решения органов государственной власти Российской Федерации.

Эта право было подтверждено в 2000-х гг. решениями высших российских судов. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г., «в силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти, в том числе и для судов (п. 11)» [14]. Данную позицию также подтвердил 26 февраля 2010 г. Конституционный Суд РФ: «обязательный для Российской Федерации характер решений Европейского Суда вытекает, в том числе, из ст. 46 Конвенции, в силу которой ратифицировавшее её государство обязуется исполнять окончательные постановления Европейского Суда, в которых это государство является стороной» [12]. Суды Российской Федерации получи-

ли предписание: «применение судами Конвенции во избежание её нарушений должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ» [1, с. 25]. Парадоксально, но подчинение российской судебной системы вердиктам и практике Страсбургского суда шло параллельно с укреплением российской президентской власти, экономическим ростом и повышением авторитета нашей страны на мировой арене.

Согласно статистике, с 7 мая 2002 г. по 1 января 2010 г. ЕСПЧ вынес «862 постановления по жалобам из Российской Федерации», а ссылки на Конвенцию в этот период содержались в более чем 100 постановлениях Верховного Суда РФ [2, с. 32]. В течение последних лет Россия держит лидерство по обвинительным решениям Страсбургского суда среди всех 47 стран-участниц Совета Европы. В 2013 г. таких решений было 119, второе место заняла Турция (118). В течение 2014 г. было принято 129 судебных решений в отношении России. По этому показателю наша страна снова вышла на 1-е место, опередив Турцию (101) и Румынию (87) [24]. Причем из этих 129 решений 122 являлись обвинительными, то есть ЕСПЧ было найдено по крайней мере одно нарушение Конвенции со стороны российского государства. С момента присоединения РФ к Конвенции и до 1.01.2015 г. (дата последнего официального отчета) в отношении нашей страны ЕСПЧ в общей сложности принял 1.604 судебных решения. По этому показателю Россия занимает 3-е место после Турции и Италии, которые вступили в Совет Европы на несколько десятилетий раньше. Ежегодно внося на обеспечение деятельности институтов Совета Европы в разные годы

25-32 млн. евро, российское государство также вынуждено платить миллионы евро по проигранным в ЕСПЧ судебным искам. Только в 2012 г. наша страна проиграла 123 дела и, как государство-ответчик, должно было выплатить 221 млн. рублей, то есть около 5 млн. евро по тогдашнему курсу [10].

Определённая доля жалоб в ЕСПЧ касается фактов предполагаемых нарушений прав человека федеральными силовыми структурами в Чечне в 1990-2000-х гг. Приведем некоторые примеры судебных решений по данному виду дел. Так, 31 октября 2013 г. решением по делу «Товбулатова и другие против России» ЕСПЧ признал пострадавших от действий федеральных сил и обязал Российскую Федерацию выплатить заявителям в общей сложности более 317 тыс. евро [23]. Только за моральный ущерб и только по данному делу заявители вправе получить от Российской Федерации 300 тыс. евро. В том же октябре 2013 г. ЕСПЧ удовлетворил аналогичную группу исков к России на более значительную сумму [5]. Только по двум судебным решениям, принятым в январе 2014 г. по жалобам уроженцев Чечни, Российская Федерация должна выплатить им более 2 млн. евро [6] и еще 900 тыс. евро [7]. Решение суда надо уважать, но вынося обвинительные приговоры лишь в отношении одной из сторон вооруженного конфликта в Чечне, – военнослужащих Российской армии и других федеральных сил, – ЕСПЧ присвоил себе право давать одностороннюю политическую оценку этому гражданскому конфликту.

Преступления в Чечне совершались с обеих сторон, причем нередко по этническому признаку. Об этом

ещё в 2002 г. заявил Президент России Владимир Владимирович Путин, подчеркнув, что в «результате этнических чисток погибло до 30 тысяч человек, а возможно и больше» [3]. Поэтому подобные крупные денежные компенсации должны получить все жители этой республики, пострадавшие в 1990-х гг. от этнических чисток либо их родственники.

Значительные шансы быть удовлетворенными в ЕСПЧ имеют жалобы «против России» («vs Russia»), связанные с Чечней и «делом ЮКОСа». Этому способствует консолидированная позиция европейских политических лидеров по данным вопросам.

31 июля 2014 г. ЕСПЧ обязал Российскую Федерацию выплатить бывшим акционерам ЮКОСа беспрецедентную за всю историю этого суда сумму – 1,86 млрд. евро [19]. Другой иностранный суд – Третейский суд в Гааге, – рассмотрев в те же дни «дело ЮКОСа», принял решение о выплате Россией 50 млрд. долларов компенсаций бывшим акционерам этой кампании [22]. Данные вердикты страным образом совпали с процессом вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополь в состав Российской Федерации и продемонстрировали последствия дегуманизации российской правовой системы, незащищенность российских налогоплательщиков и государства от политизированных решений иностранных судов. Эта ситуация стала осознаваться российской властью как проблема, требующая своего решения.

О необходимости установить приоритет российского права над международным было заявлено председателем Следственного комитета РФ и мини-

стром юстиции РФ на Международном юридическом форуме, проходившем в мае 2015 г. в Санкт-Петербурге [15]. Эти публичные заявления профильных чиновников обозначили стремление части российской властной элиты отменить обязательный характер исполнения решений ЕСПЧ на территории России, несмотря на публичное сопротивление ряда либеральных политиков и юристов. Радикальный вариант полного отказа от юрисдикции ЕСПЧ не был принят, хотя и прежнее положение дел, когда любое решение ЕСПЧ автоматически должно было приниматься в РФ к исполнению, также было отвергнуто. В итоге, было принято политически половинчатое решение: 14 июля 2015 г. Конституционный Суд РФ постановил, что решения ЕСПЧ на территории России будут исполняться, но только в том случае, если они не противоречат Конституции РФ. Теперь они могут проверяться на соответствие Конституции России по запросу в Конституционный Суд РФ Президента или Правительства России [13]. Это будет способствовать более эффективной защите политико-правового пространства страны, но создает новое конфликтное поле между Советом Европы и исполнительной властью России.

Это важнейшее решение российских властей ослабляет влияние Страсбургского суда и ПАСЕ на Россию. Между тем резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы в течение долгого времени являются основным публичным инструментом влияния не только на суды, но и на исполнительную и законодательную власти РФ. Анализ текстов принятых «по России» резолюций 2002 г., 2005 г., 2009 г.,

2012 г., 2014 г., 2015 г. показывает, что под предлогом защиты прав и свобод граждан депутаты ПАСЕ стремились регулировать широкий спектр внутриполитических отношений внутри Российской Федерации и ее внешнюю политику. Например, в резолюции 2002 г. ПАСЕ посчитала возможным регулировать даже полномочия российских спецслужб: «Ассамблея настоятельно призывает российские власти лишить ФСБ права на проведение следственных действий по уголовным делам (п. 8.8)». Под предлогом борьбы за свободу совести в резолюцию была включена резкая антиправославная риторика. Также подверглись критике общественно одобряемые меры властей Краснодарского края по нормализации межэтнической ситуации и декриминализации этого региона [16, с. 918–922].

В соответствии с резолюцией ПАСЕ 2005 г., Россия должна «безоговорочно сотрудничать с ЕСПЧ; избегать создания любых препятствий реализации права на индивидуальное обращение в Суд; незамедлительно и полностью исполнять его решения» (ст. 13. п. 3) [17, с. 23–25]. Политический стиль данной резолюции напоминает классические образцы документов колониальных администраций прошлых веков. В начале 2009 г. была принята резолюция, посвященная грузино-югоосетинскому конфликту, содержащая требование вывести российские войска из Абхазии и Южной Осетии.

Резолюция ПАСЕ 2012 г. содержала 27 пунктов и носила ярко выраженный антироссийский характер [18]. В значительной степени это было связано с итогами прошедших в марте 2012 г. президентских выборов и возвраще-

нием Владимира Путина на пост главы государства. В тот период, еще до крымских событий, был сделан, видимо, окончательный выбор Совета Европы в пользу наращивания конфронтации и усиления разноуровневого давления на Российскую Федерацию.

В резолюции 2012 г. депутатами ПАСЕ был отмечен «ряд недостатков» в 5 федеральных законах – о ФСБ, об экстремизме, о собраниях, о выборах, о политических партиях (п. 22); критическую оценку получила политика российских властей в отношении Ходорковского, Пусси Райот, НПО и ЛГБТ – сообщества. По мнению депутатов ПАСЕ, Россия должна «без дальнейших промедлений» ратифицировать протокол о полном запрете смертной казни (п. 25.22). А также «без дальнейшей задержки» вывести российские войска из Грузии и Молдовы (п. 25.33), – то есть из Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья, – и «осудить как ошибочную» российскую доктрину о государствах «ближнего зарубежья» (п. 25.35). Вхождение Республики Крым и г. Севастополя в марте 2014 г. в состав Российской Федерации привело к лишению российской делегации до конца 2015 г. права участвовать в голосованиях, работать в руководящих органах и наблюдательных миссиях Ассамблеи.

Взятый с начала 2000-х гг. и особенно с 2012 г. депутатами ПАСЕ курс на последовательное превращение России в объект внешнего управления и критики привел к прекращению конструктивного диалога сторон. В 2014-2015 гг. произошла трансформация сложившихся в 1990-х гг. отношений РФ-СЕ, и начал обсуждаться вопрос о выходе России из этой организации.

По мнению некоторых экспертов, такой шаг грозит нашей стране судьбой «европейского изгоя» [11, с. 7]. Данная позиция лишена оснований, так как не учитывает общественное мнение избирателей и делового сообщества стран Совета Европы, пророссийскую или нейтральную позицию глав целого ряда стран СЕ, значимую роль нашей страны в обеспечении континентальной безопасности.

Нормализации отношений России с Советом Европы препятствуют «двойные стандарты» и политизированность судебных решений и резолюций, которые навязываются к исполнению органам государственной власти России. Также вызывает вопросы качество работы судей ЕСПЧ. В 2014 г. общее количество жалоб только «против России» составило 15792, из которых 15574 были признаны судом неприемлемыми. Суд явно перегружен. Всего же к началу 2015 г. своего рассмотрения ожидали 69900 жалоб из стран СЕ, что является достижением: в рекордном 2011 г. нерассмотренных жалоб было 151.600 [8]. Может ли ЕСПЧ эффективно работать при такой нагрузке и выносить объективные решения?

Не менее важный вопрос связан с расходами на бесполезные и дорогостоящие визиты российских делегаций на сессии Парламентских Ассамблей, чье мнение там обычно игнорировалось. Ежегодные взносы РФ в размере десятков миллионов евро больше нужны российским пенсионерам, инвалидам и детям-сиротам, а не бюрократам СЕ. Ждут своего решения и пресловутые Протоколы № 6 и № 13 к Конвенции о запрете смертной казни в России. Администрация первого Президента РФ Б.Н. Ельцина пообещала

Совету Европы «поэтапное присоединение» к данным протоколам. И, действительно, смертная казнь в России с 1997 г. перестала применяться. Но, опираясь на общественное мнение, Государственная дума РФ не ратифицировала данные протоколы вопреки систематическому давлению ПАСЕ. Указанные накопившиеся противоречия способствуют укреплению позиций сторонников выхода России из состава Совета Европы.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Положения действующей российской Конституции, ряд федеральных законов, постановления Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ привели к обязательности исполнения решений ЕСПЧ судами и другими органами государственной власти Российской Федерации. В 1990-х гг. наша страна взяла на себя сверхобязательства перед своими европейскими партнерами, ограничив ратификацией Конвенции Совета Европы от 4 ноября 1950 г. действие собственной Конституции в сфере прав и свобод собственных граждан. Такой объем обязательств перед международными организациями и судами не берет на себя ни одна из влиятельных мировых держав. В стране был создан привлекательный образ Страсбургского суда как «истины в последней инстанции», что делегитимизирует судебную систему РФ. Однако общее количество судебных решений ЕСПЧ в 2002–2014 гг. включительно по жалобам против России оказалось невелико (немногим более полутора тысяч) относительно общего количества жалоб. Положения резолюций ПАСЕ либо игнорировались, либо не в полном объ-

еме принимались к исполнению Российской Федерацией. Стандарты СЕ и решения ЕСПЧ частично гуманизировали российское уголовное законодательство и пенитенциарную систему.

Несмотря на ряд позитивных последствий применения Россией стандартов Совета Европы, де-юре ограниченный суверенитет Конституции РФ неизбежно вступил в противоречие с суверенной природой и геополитическими интересами Российского государства. Принятие Крыма и г. Севастополя в состав России не было признано ЕСПЧ противоречащим Конвенции. Но всего через несколько месяцев, в июле 2014 г. ЕСПЧ был найден способ наказать Россию за Крым с помощью требований огромных выплат по «делу ЮКОСа». Таким образом, институты Совета Европы превратились в инструмент не только геополитического давления, но и экономического шантажа.

Вместе с тем, Страсбургский суд способствовал защите интересов не только представителей российского олигархата, но и обычных российских граждан. Первое решение по жалобе из России («Бурдов против России») было принято судом 7 мая 2002 г. в пользу ликвидатора Чернобыльской аварии, которому не была выплачена положенная по закону компенсация. Представляется, что полномочия ЕСПЧ могли бы быть ограничены именно социально-экономической сферой, что позволит российским государственным служащим решать эти проблемы более эффективно. Однако приоритет норм международного права над национальным не обязывает Российскую Федерацию делегировать защиту всего комплекса прав и свобод российских граждан иностранному суду.

В отличие от решений ЕСПЧ, резолюции ПАСЕ в отношении России носили исключительно конъюнктурный и политизированный характер. С мая 1998 г. по май 2002 г. ПАСЕ не было принято ни одной антироссийской резолюции. Однако по мере укрепления суверенной внешней и внутренней политики России, в отношении нашей страны был принят ряд резолюций, больше напоминающих ультиматумы. В 2006-2008 гг. и в 2010-2011 гг. резолюции ПАСЕ в отношении России также не принимались. Видимо, это было связано с надеждами западного политического истеблишмента на смену политического вектора на рубеже 2011-2012 гг. Осознав, что этим надеждам не суждено сбыться, депутаты Парламентской Ассамблеи, руководствуясь также мнением своих заокеанских партнеров, в октябре 2012 г. приняли очередную антироссийскую резолюцию.

Декларируя всемерную заботу о защите прав и свобод граждан Российской Федерации, депутаты ПАСЕ до сих пор не дали объективную оценку итогам проводившихся в России либеральных реформ, которые сопровождались массовым нарушением социально-экономических прав российских граждан вследствие энтропии государственных институтов страны.

Институты Совета Европы и ее базовая Конвенция, несмотря на свои гуманистические названия и цели, с начала 2000-х и особенно с 2012 г., являются инструментами грубого политического давления на Российскую Федерацию. Нынешняя концепция «прав и основных свобод человека», отраженная в указанной Конвенции, возведена в ранг европейской неорелигии, которая насаждается с помощью раз-

личных политических инструментов среди так называемых «варварских» народов и государств. Стремление к абсолютизации «староевропейского» понимания прав и свобод является свидетельством отрицания значимости иных политико-правовых концепций, учений и идеологий, выработанных в разных странах Европейского континента, в том числе и в России. Данный неокOLONиальный подход Совета Европы, по крайней мере, на концептуальном уровне, к Российской Федерации привел к открытому политическому конфликту, который вынуждает нашу страну сделать выбор между двумя стратегиями.

Стратегия первая. Россия как член этой организации неукоснительно и более дисциплинированно исполняет, – не уклоняясь, как в настоящее время, – все соответствующие Конституции РФ решения, требования и рекомендации институтов Совета Европы. Эти институты и европейская концепция «прав человека» – эталон. Выбор этой стратегии позволит российской делегации вернуться к полноценной работе в ПАСЕ, снизит уровень критичности её резолюций. Политико-правовые стандарты Совета Европы будут приниматься органами власти РФ как ориентир в принятии норм национального права и политических решений. Россия останется одним из основных плательщиков СЕ. Членство Российской Федерации в Совете Европы и дальше будет способствовать созданию информационных поводов и целеполаганию работы его бюрократии, СМИ и экспертов.

Стратегия вторая. Российская Федерация выходит из Совета Европы, формируя суверенное политико-пра-

вовое пространство с опорой на исторически сложившуюся систему ценностей, институтов и геополитических интересов. Ежегодные финансовые отчисления на деятельность Совета Европы прекращаются, решения ЕСПЧ и резолюции ПАСЕ не исполняются. Европейские правовые стандарты внутри России используются лишь в достаточной и научно обоснованной мере. Европейская концепция «прав человека» воспринимается через призму российского духовно-идеологического наследия, перестает быть «эталонном», а значит и универсальным механизмом внешнеполитического давления на Российскую Федерацию. Государство и общественные организации концентрируют свои усилия на защите социально-экономических прав граждан, проведении мониторинга спорных судебных решений в этой сфере, своевременно реагируя на них. В Конституцию РФ и ряд федеральных законов вносятся изменения и дополнения. Денонсируется ряд международно-правовых актов, в настоящее время не отвечающих стратегическим интересам, обеспечению государственного суверенитета и стабильности Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брусницын Л.В. Значение решений ЕСПЧ для национального уголовного судопроизводства и проблемы их учета в государствах-членах Совета Европы (к реформе Конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Государство и право. 2013. № 2. 128 с.
2. Ведерникова О.Н. Европейский Суд по правам человека: исторические реформы, современное состояние и беспрецедентные решения // Государство и право. 2011. № 3. 128 с.
3. Владимир Путин: Россия не пойдет на переговоры с бандитами и террористами в Чечне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=16758> (дата обращения 15.07.2015).
4. Грачёва С.А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского Суда по правам человека: научно-практическое пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. 240 с.
5. ЕСПЧ удовлетворил иски 40 чеченцев к России [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2013/10/10/n_3243789.shtml (дата обращения 15.07.2015).
6. ЕСПЧ обязал Россию выплатить более € 2 млн. родственникам пропавших чеченцев (9.01.2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2014/01/09/n_5864521.shtml (дата обращения 15.07.2015).
7. ЕСПЧ взыскал с России € 900 тыс. в пользу родственников пропавших чеченцев (17.01.2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2014/01/17/n_5880865.shtml (дата обращения 15.07.2015).
8. ЕСПЧ подвел итоги года: против России вынесено наибольшее число постановлений [Электронный ресурс]. URL: <http://roseurosud.org/podat-zhalobu-v-espch/novosti/94-evropejskij-sud-podvel-itogi-2014-goda> (дата обращения 15.07.2015).
9. Заключение ПАСЕ от 25.01.1996 N 193 (1996) по заявке России на вступление в Совет Европы [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/10936> (дата обращения 15.07.2015).
10. Минюст: Россия выплатила 221 млн. рублей по решениям ЕСПЧ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.top.rbc.ru>. 2013. 16 января (дата обращения 15.07.2015).
11. Николаев А.М. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой ме-

- ханизм реализации в Российской Федерации. М.: АПК и ППРО, 2011. 596 с.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.02.2010 N 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 11. Ст. 1255.
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 N 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182936> (дата обращения 17.07.2015).
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. 32 с.
15. Разуваев В., Гармоненко Д. Над отечественным правом нависла тень «дела ЮКОСа» // Независимая газета. 2015. 28 мая.
16. Резолюция ПАСЕ от 23.04.2002 N 1277 (2002) «Выполнение Российской Федерацией своих обязательств» // Совет Европы и Россия. Сборник документов / под ред. Л.И. Брычёвой, М.В. Виноградова. М.: Юридическая литература, 2004. 928 с.
17. Резолюция ПАСЕ от 22.06.2005 N 1455 (2005) «О выполнении Российской Федерацией своих обязательств» // [Электронный ресурс]. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17354&lang=en> (дата обращения 15.07.2015).
18. Резолюция ПАСЕ от 02.10.2012 N 1896 (2012) «Соблюдение Российской Федерацией своих обязанностей и обязательств» // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2012. № 11 (125). 168 с.
19. Россия «по идее» должна исполнить решение ЕСПЧ о выплате бывшим акционерам ЮКОСа €1,86 млрд. // Коммерсант. 2014. 17 декабря.
20. Федеральный закон от 23.02.1996 N 19-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 9. Ст. 774.
21. Федеральный закон от 30.03.1998 N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514.
22. Филипенко А. Гаагский суд приговорил Россию выплатить \$ 50 млрд. по делу ЮКОСа // [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/politics/28/07/2014/939219.shtml> (дата обращения 15.07.2015).
23. ECHR. First section. Case of Tovbulatova and others v. Russia (applications nos. 26960/06, 27926/06, 6371/09, 6382/09), Strasbourg 31.10.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения 15.07.2005).
24. The European Court of Human Rights in facts & figures 2014 [Электронный ресурс] // URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Facts_Figures_2014_ENG.pdf (дата обращения 15.07.2015).

УДК 94 (470+571)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-211-216

Козьякова Н.С.*Московский государственный областной университет*

ВЕЛИКИЕ БИТВЫ ПРОШЛОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Аннотация: Статья посвящена анализу восприятия россиянами великих сражений, определивших историю России – битвы на Чудском озере 1242 г., Куликовской битвы 1380 г. и Сталинградского сражения 1942-1943 гг. Рассматривается зарождение и развитие феномена русского героизма. Особое внимание в статье уделяется Сталинградской битве, которая стала началом коренного перелома в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войне. По заключению автора, анализ восприятия великих сражений россиянами позволяет сделать вывод о специфике российского общественного и политического сознания в целом.

Ключевые слова: общественное сознание, политическое сознание, политическая психология россиян, Ледовое побоище, Куликовская битва, Сталинградская битва 1942-1943 гг.

N. Koz'yakova*Moscow State Regional University*

GREAT BATTLES OF THE PAST AND THEIR PERCEPTION BY THE RUSSIANS' SOCIO-POLITICAL CONSCIENCE

Abstract: The article analyzes the way the Russians perceive the great battles that defined the history of Russia – the Battle of Lake Peipus in 1242 and the battle of Kulikovo in 1380 and the battle of Stalingrad in 1942-1943. The origin and development of the Russian heroism phenomenon are studied. Special attention is paid to the battle of Stalingrad, which was the beginning of the radical change in the course of the Great Patriotic War and World War II. According to the author's conclusion the analysis of the great battles perception reveals the specifics of the Russian public and political consciousness as a whole.

Key words: public consciousness, political consciousness, political psychology of the Russians, the Battle on the Ice, the battle of Kulikovo, the battle of Stalingrad in 1942-1943.

*Светлой памяти Петра Максимовича Киселева –
участника Сталинградской битвы,
ветерана Великой Отечественной войны.*

Эпоха постмодерна ставит перед исследователем непростую задачу, так как современники, а тем более участники

исторических событий, воспринимали их не так, как их потомки [1, с. 219-238; 2, с. 21-35]. Исследованием этой проблемы занимались А.Л. Юрганов [12,

с. 5], И.Н. Данилевский [3, с. 18] и другие специалисты по истории русской культуры [9, с. 92-100]. Отвечая на вопрос адекватности восприятия прошлого, также необходимо помнить о том, что в искаженном зеркале исторического сознания содержится память не только о прошлом. По мнению Е.А. Мельниковой, «историческая память сохранялась и поддерживалась только в той ее части, которая была актуальна для общества и имела ценность в настоящем» [6, с. 4]. Таким образом, сохранение в памяти различных событий предполагает их актуальность для российского общества. Историческое сознание выступает в качестве аксиологического хранилища, что находит подтверждение в виде оценочных суждений о прошлом. Таким образом, историческая память «выполняла для социума морально-этическую функцию. При этом, поскольку каждый член группы разделял заложенную в ней систему ценностей, то и в этом отношении она способствовала формированию социальной и культурной самоидентификации коллектива» [6, с. 4].

Целью нашей статьи является анализ значения трех больших сражений в российской истории – битвы при Чудском озере 5 апреля 1242 г, Куликовской битвы 1380 г. и Сталинградской битвы 1942-1943 гг. Мы сознательно не рассматриваем сражение на Бородинском поле 1812 г., не умаляя при этом его исторического значения, но замечая, что анализ восприятия этой битвы – предмет отдельного рассмотрения. Особое внимание мы уделим Сталинградской битве, которая положила начало коренному перелому не только в Великой Отечественной, но и также во Второй мировой войне.

В памяти русского народа победа на льду Чудского озера, которую одержали русские войска под командованием князя Александра Ярославича Невского над Ливонским орденом 5 апреля 1242 г., вошла под названием Ледового побоища. Предшествовавшая ему Невская битва завершилась разгромом шведов в 1240 г. и стала впоследствии предметом национальной гордости и средством воспитания патриотизма [4, с. 42].

Образ Александра Невского всегда занимал особое место в российской истории. Являясь родоначальником московских государей, он позиционировался не только основатель династии, но и как защитник Руси от нападений со стороны католического Запада, монголо-татар и Литвы. Именно в этом качестве защитника веры Александр Невский и был почитаем Русской православной Церковью, канонизировавшей князя при митрополите Макарии в 1547 г.

Этот канонический образ князя – талантливый дипломата и полководца – тиражировала в общественном сознании вся дореволюционная историография. С приходом к власти большевиков произошла переоценка роли Александра Невского в российской истории. Если мы обратимся к трудам историка М.Н. Покровского, провозглашенного в 1920-е гг. «первым историком-марксистом», то увидим, что в его «Русской истории в самом сжатом очерке» Ледовое побоище и имя князя вообще не встречаются [9, с. 58], очевидно, в силу незначительности, с точки зрения исследователя.

Деятельность князя Александра Невского вновь начала изучаться в конце 1930-х гг., а в ходе противостояния со-

ветского народа фашистской агрессии в годы Великой Отечественной войны, тема Ледового побоища как первой битвы «с немецкими псами-рыцарями» приобрела героическую оценку. В 1942 г. к 700-летию юбилею битвы ведущие историки СССР опубликовали ряд статей в научных журналах и газетах, лейтмотивом которых был призыв к героической борьбе русского народа с немецким агрессором под лозунгом «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет». Данный призыв стал невероятно популярным в результате выхода фильма С.М. Эйзенштейна «Александр Невский», где эти слова были вложены в уста князя.

Своей привлекательности образ Александра Невского не утратил и сегодня. Если мы обратимся к результатам телепроекта «Имя России» (2008 г.), в ходе которого россияне должны были назвать самых значительных деятелей истории России, то увидим, что Александр Невский занял первое место. За него было отдано 524 575 голосов из 4 498 840 человек, принявших участие в проекте [14].

В исторической памяти народа, наряду с Ледовым побоищем, значительное место занимает и Куликовская битва 1380 г. Являясь важнейшим этапом процесса «собирания русских земель вокруг Москвы», сражение на Куликовом поле трактовалось современниками как противостояние с разрушителями истинной веры, а к рубежу XV-XVI вв. – **как событие, утвердившее избранность Москвы («Сказание о Мамаевом побоище»)** и предотвратившее наступление конца света.

Образ Куликовской битвы как измерения умереть за православную веру соответствовало христианскому

мировоззрению. По мнению Е.А. Мусина, «нравственное богословие всегда выдвигало на первый план идею умирания за веру, это хорошо прочувствовал Н.А. Бердяев, сказавший, что на войну идут не убивать, а умирать. Христианский воин вступал в особые отношения со смертью и будущим временем, бросая ей вызов и надеясь победить как ее, так и сопутствующее ей неумолимое время» [7, с. 82].

В 1880 г. состоялось первое празднование 500-летия Куликовской битвы, образы которой выбрал русский поэт А.А. Блок для выражения своих идей и чувств перед грядущим XX в.

Куликовская битва всегда воспринималась россиянами как значительная победа, и попытки вычеркнуть это событие из исторической памяти, которые были предприняты в 20-30-е гг. XX в., оказались безуспешными. Как и в случае с Ледовым побоищем, официальная пропаганда вновь обратила пристальное внимание на победу на Куликовом поле в период Великой Отечественной войны, используя данное событие для поддержания высокого боевого духа советских солдат.

Крушение СССР и советской идеологии привели и к попыткам пересмотра истории. В 1993 г. математики А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский выступили с теорией о том, что знаменитая Куликовская битва произошла не в верховьях Дона, а в Москве. По их мнению, Куликово поле было недалеко от Московского Кремля («Кулишки») [8, с. 35]. Математики доказывали свои аргументы тем, что погибшие в Куликовской битве, были захоронены в Андрониковом, Старо-Симоновом монастырях, а также на Кулишках в то время как на Куликовом поле не обна-

ружено следов множества погибших воинов, как русских, так и ордынских.

Мы не будем полемизировать с авторами «новой хронологии», но заметим, что версии, подобные теориям Носовского и Фоменко, отвергают изыскания великих российских историков – Н.М. Карамзина, С. М. Соловьева и В.О. Ключевского, а также требуют отказаться от тысячелетней истории нашей страны и принять фантомную Русь-Орду. В последнем случае нас ожидает печальный итог – уничтожение исторической памяти, а также ложь, которая достигнет небывалого уровня.

Чем дальше от нас сегодня события Великой Отечественной войны, тем острее можно ощутить необходимость в воссоздании адекватной картины главных её этапов. Самым значительным сражением стала Сталинградская битва. В течение 1942 г. название города Сталинград было в каждом выпуске Советского информбюро как символ стойкости, мужества и героизма. В планах фашистской Германии был захват нефтяных источников Кавказа, а в дальнейшем и британских владений. Эту задачу должна была выполнить 6-я немецкая армия под командованием генерала Ф. Паулюса, известного разработчика плана «Барбаросса». В момент самых тяжелых боев советскими военачальниками Г.К. Жуковым и А.М. Василевским был разработан план окружения и разгрома немецких войск под Сталинградом.

19 ноября 1942 г. началось контрнаступление советских войск, которое завершилось окружением 22 дивизий противника. Все немецкие группировки были уничтожены, и почти 100 тысяч солдат и офицеров сдалось в плен,

включая самого генерала Ф. Паулюса. Победа под Сталинградом положила начало перелому не только в Великой Отечественной, но и во Второй мировой войне.

По мнению одного из участников антигитлеровской коалиции У. Черчилля, одно только имя "Сталинград" было для А. Гитлера вызовом [11, с. 305]. На Тегеранской конференции, по свидетельству переводчика Е.М. Бережкова, У. Черчилль говорил: «Сам Сталинград стал символом мужества, стойкости русского народа и вместе с тем символом величайшего человеческого сострадания. Этот символ сохранится в веках. Надо, чтобы будущие поколения могли воочию увидеть все величие одержанной Вами победы...» [5, с. 2]. Английский премьер-министр полагал, что разрушенный город должен остаться как память потомкам, подобно руинам Карфагена, а новый населенный пункт необходимо построить в другом месте. Но И.В. Сталин придерживался иной точки зрения. По его мнению, именно отстроенный город должен стать главным памятником стойкости и мужества его защитников.

Сражающийся Сталинград привлек к себе внимание всей планеты. Мировые СМИ в течение 1942 г. на первых полосах размещали информацию о Сталинградской битве. Жители разных стран собирали средства для помощи населению города. Судьба Сталинграда обсуждалась на самом высоком дипломатическом уровне – на Тегеранской конференции 29 ноября 1943 г., где У. Черчилль по поручению короля Британии Георга IV, вручил И.В. Сталину меч как дар Сталинграду от британского народа.

Сталинградская битва вошла в историю не только как величайшее сражение, но и продемонстрировала пример духовного единства людей различных национальностей и убеждений, ради победы всей страны.

Чтобы понять, как сегодня в общественном и политическом сознании российского народа воспринимаются события Великой Отечественной войны вообще и Сталинградской битвы в частности, необходимо обратиться к опросу ВЦИОМ, проведенному в марте 2010 г. в 42 регионах России. Согласно полученным данным, большинство россиян (68 %) считают Сталинградскую битву центральным событием Великой Отечественной войны. Не менее важными наши соотечественники считают Курскую битву (49 %) и битву под Москвой (46 %). Согласно тому же исследованию, 69 % россиян считают скульптуру Е.В. Вучетича «Родина-мать» в Волгограде главным символом борьбы советского народа с фашизмом. Также респондентами упомянуты памятники солдату-освободителю в Болгарии «Алеша» и воину-освободителю в Берлине [13].

Зададимся вопросом: для чего необходимо помнить про рассмотренные битвы? Между 22 июня 1941-го и 9 мая 1945-го, было 1418 дней и ночей, 27 миллионов погибших, страх и ужас, ненависть и героизм, огромное горе, но также и невероятная радость, торжество и гордость. Эти две даты стали великими символами, которые сегодня обозначают самые главные в истории России события. Пройдя через огромные испытания, советский народ обрел веру в свою силу, волю к жизни и осознал свое значение не только в мировой истории.

В 2015 г. мы отмечаем 70-летие Великой победы. Нас от Великой Отечественной войны отделяют не только многие годы, но происходящие противоречивые процессы в современном российском обществе. Сегодня практически не осталось участников Сталинградской битвы и Великой Отечественной войны, но их дети хорошо помнят, что главной задачей в то непростое время была всеобщая борьба с врагом. Всего в составе Красной армии сражалось свыше трёх миллионов солдат, также было оказано жесточайшее сопротивление экономическим действиям фашистов. Шла борьба в составе партизанских отрядов, широко развернулась подпольная борьба с врагом. Невозможно забыть и тружеников тыла, которые в максимально короткие сроки после перебазирования их предприятий на восток выпускали для фронта необходимую продукцию. Героический подвиг совершили также старики, женщины и дети, заменившие ушедших на фронт колхозников. Несмотря на политику провокации и клеветы, проводимую фашистской Германией, а также невероятную националистическую пропаганду, многонациональный советский народ продемонстрировал небывалое единство.

Проблема взаимоотношений личности, общества и власти была актуальна во все времена, но особенно значимой она становилась в период исторического вызова времени. Мировоззренческие основы современного общества, а также утрата и дальнейшие поиски национальной идентичности предъявляют к современному социогуманитарному знанию требование объективного и всестороннего изучения главных событий истории

России, которые являются вехами становления общественно-политического сознания россиян. Такими событиями являются битва при Чудском озере 1242 г., Куликовская битва 1380 г. и, в особенности, Сталинградская битва 1942-1943 г. Подводя итог данному исследованию, можно сделать вывод, что в описанных сражениях были проявлены любовь к Родине, воля к победе, стойкость и мужество. Несмотря на то, что от Куликовской битвы, а также сражения при Чудском озере отделяют века, они так же, как и Сталинград стали интернациональным местом памяти. Исторические уроки этих сражений сегодня осмысливаются не только в общественном сознании, но и на уровне российского и зарубежного научных сообществ. И до сегодняшнего времени в памяти российского общества хранится феномен русского героизма, который зародился в этих битвах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Греков И.Б. Варианты «Повести о нашествии Едигея» и проблема авторства Троицкой летописи // Исследование по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 219-238.
2. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки. // Вопросы истории. 1991. № 2-3, С. 21-35
3. Данилевский И.Н. Русские земли главами современников и потомков (XII-XIV вв.). М., 2000.
4. Житие Александра Невского // Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М., 1965.
5. Защитникам Сталинграда посвящается... // Политехник: газета Волгоградского технического университета. 2007. 2 февр. (№ 1141) (2).
6. Мельникова Е.А. Историческая память в устной традиции // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва 18-20 апреля 2000 г. Материалы конференции. М., 2000. С. 4
7. Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. С. 82.
8. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Орда М., 2007 г., С. 35.
9. Покровский М.Н. «Русская история в самом сжатом очерке». М., 1923 С. 58.
10. Романов В.К. Идеино-историческое осмысление Калкской битвы в русском летописании XIV-XVI вв. // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 92-100.
11. Черчилль У. Вторая мировая война. Избранные страницы. М., Панорама, 1998. С. 305.
12. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

НАШИ АВТОРЫ

Абдусаламов Магомед-Паши Балашович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства (г. Махачкала); e-mail: vikingpasha@mail.ru

Абрамов Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: abramoff@mail.ru

Бобровских Екатерина Викторовна – аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: eka.bobrovskikh@gmail.com

Валиахметова Гульнара Ниловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург); e-mail: vgulnara@mail.ru

Васильев Дмитрий Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, проректор Института государственного управления, права и инновационных технологий (г. Москва); e-mail: dvvasiliev@mail.ru

Воронкова Ирина Евгеньевна – доктор исторических наук, доцент, профессор, проректор по науке и информационной политике Орловского государственного института экономики и торговли; e-mail: irivoronkova@yandex.ru

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

Грибанова Галина Исааковна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург); e-mail: GGribanova@yandex.ru

Грязнова Ольга Андреевна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: blcat@inbox.ru

Диков Андрей Борисович – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии Московского государственного гуманитарно-экономического университета; e-mail: abd74@mail.ru

Земцов Борис Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана; e-mail: zemtsovn@mail.ru

Козлова Юлия Алексеевна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: Sakyлина777@mail.ru

Козьякова Наталия Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: nat5985@yandex.ru

Комлева Наталья Александровна – доктор политических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры теории и истории политической науки Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург); e-mail: Komleva1@yandex.ru

Ловягин Николай Витальевич – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Московского государственного областного социально-гуманитарного института; e-mail: lovyagin@yandex.ru

Мажитова Жанна Сабитбековна – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории стран ближнего зарубежья Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: mazhitova_69@mail.ru

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, член Научного совета при Совете Безопасности РФ; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Мартынов Михаил Юрьевич – доктор политических наук, заведующий лабораторией социологических исследований, профессор кафедры политологии Сургутского государственного университета; e-mail: martinov.mu@gmail.com

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета; e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Радиков Иван Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: ivirrad@gmail.com

Саймонс Грег – доктор политологии, старший научный сотрудник Центра исследований России и Евразии Университета Упсала (г. Упсала, Швеция); e-mail: presskontakt@uadm.uu.se

Сарабьев Алексей Викторович – кандидат исторических наук, руководитель Научно-издательского отдела Института востоковедения Российской Академии наук (г. Москва); e-mail: alsaraby@ivran.ru

Сарыков Евгений Сергеевич – аспирант Московского государственного областного гуманитарного института, старший преподаватель Центра повышения квалификации «Московский областной центр Интернет-образования» Государственного гуманитарно-технологического университета; e-mail: essarykov@mail.ru

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета; e-mail: safronov1477@yandex.ru

Семин Глеб Алексеевич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: glsemin@mail.ru

Скуратовская Кристина Генриховна – аспирант кафедры государственной политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: skuratovskayak@yandex.ru

Смагин Константин Алексеевич – кафедра истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: Kostyntin1990@mail.ru

Хабалева Екатерина Николаевна – аспирант Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, старший преподаватель кафедры истории, философии, рекламы и связей с общественностью Орловского государственного института экономики и торговли; e-mail: katya.e2011@yandex.ru

Чемакин Антон Александрович – аспирант кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: chemakinanton@rambler.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

2015. № 5

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор О.О. Волобуев
переводчик Е.В. Приказчикова
корректор Н.Л. Борисова
компьютерная верстка А.М. Иноземцева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 15, усл. п.л. 13.75.
Подписано в печать 22.12.2015. Заказ № 2015/12-1
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а